

Тимур Пулатов

ПЛАВАЮЩАЯ ЕВРАЗИЯ

Роман

В романе "Плавающая Евразия" причудливо переплелось фантастическое и реалистическое, мифологическое и сатирическое, история и современность. Действие разворачивается в большом среднеазиатском городе в дни, наполненные драматическим ожиданием очередного землетрясения.

I

На тонком, как волос, мосту Сират стоял, покачиваясь, толстяк с тростью в руке, и блуждающий взгляд его искал точку опоры. Отчаявшись, он сделал вдруг жест, от которого у меня, наблюдавшего за ним, сжалось от ужаса сердце. Что он задумал, о господи?! Уж не собирался ли броситься в небытие?

Но толстяк сделал шаг, и пламя, колышущееся под мостом, чуть не опалило ему лицо. Словно меж кривых зеркал, лицо его дробилось на множество лиц. Мелькнул Гомер, но не натуральный эллин, а такой, каким мы привыкли видеть его у себя, в Шахградском музее первобытного человека, классический, отлитый в бронзе, с холодными, отталкивающими выемками вместо слепых глаз; внутренним зорким оком обозревал Гомер путь; мелькание зеркал - и взор наш еле успел выхватить из серого тумана лик Наполеона с хищным, волевым носом под маршальской треуголкой; честолюбивый корсиканец тоже смотрит напряженно вдаль, по длине моста, и левое веко его нервно вздрагивает... Промелькнула и скучная физиономия моего знакомого Давлятова. Руслана Ахметовича... Собравшись с духом, гражданин на скользком от звездной пыли мосту выпрямился, удержавшись на весу, чтобы сделать следующий шаг.

Давлятова я не без умысла выделил в зеркальном калейдоскопе. Событие, взбудоражившее более чем миллионное население нашего Шахграда, началось с порыва тщедушного, сомневающегося во всем Руслана - полукровки да к тому же полушовки [Полушовка - человек с раздвоенным сознанием], мать которого после развода с Ахметом Давлятовым, лет десять тому, уехала с сыном в Москву, откуда Анна Ерми-ловна была родом.

Воистину, когда событие плесневеет от застоя и протухает, его может случайно обдать свежим ветерком взмах нервных рук простого смертного. И тогда событие начинает катиться, вовлекая в свой вихрь и чертыхающихся председателей градсовета, таких, как наш Адамбаев, занятых по горло текущими делами и посему считающих, что любое событие подкатывается всегда не ко времени.

Так вот, Руслан - виновник события, не особенно выделяясь, изучал в Ломоносовском университете геологию с уклоном в сейсмологию - не был ни горячим балагуром, ни компанейским вралем, ни авантюрным воздыхателем. Само застоявшееся время лепило для собственного утешения вот таких плоскогрудых типажей плюс всякие наследственные выверты, замешанные на черноте чужеродных кровей. И возможно, как суждено, так прожил бы Давлятов-младший и дальше, довольствуясь скромным жалованьем сейсмосмотрителя высотных домов, если бы не очередная московская мода, которая вдруг переменяла его жизненный статус.

Известно, что тихий Давлятов тянулся к натурам вздорным и истеричным, хотя и побаивался их и всегда с трепетом ждал подвоха. И вот один из его университетских приятелей, не признанный пока гений-стихотворец, некий Новогрудский, ввел смуглого, с восточными чертами лица Давлятова в литературно-артистический салон, который собирался на обычной, тесной квартире.

Как рассказчику мне не терпится признаться: цель моя ни в чем и нигде не бросить даже тени на Давлятова, скорее, наоборот, желаю выступить его горячим защитником, хотя я, как и все рядовые жители Шахграда, немало натерпелся в те сумасшедшие дни. Есть веские причины моего незамутненного отношения к Давлятову - их-то я и буду излагать по ходу... Впрочем, был бы рад, если строгий редактор попытался бы и вовсе изгнать мою персону из круга событий, чтобы переложить бремя рассказа на другого, более доверенного, что ли... хотя я сомневаюсь и в этом доверенном, он, как и все, заражен невинной болезнью нашего времени - желанием высказаться сполна - и все по личному поводу, по мелкому, от душевного плоскостопия... будто твердым солдатским шагом прошло время по душам...

В тесной квартире, о которой шла речь, к Давлятову стали приглядываться и прислушиваться, ибо в тот период мода с африканских ритуальных масок и засушенных скальпов шаманов, привозимых с Черного континента дароподносителями из университета Лумумбы, перешла на все восточное, точнее, среднеазиатское. С плоскости земли, зажатой двумя пустынями - Кара- и Кызылкумами, повеяло чем-то сверхъестественным, что должно было принести спасение от тщеты скоропортящейся современной жизни. Будто сама вечность мелькнула вдали и приблизилась, всматриваясь строго в нас.

Еще одним натуральным свойством Давлятова была его способность справляться с ощущением ущемленности и чувствовать себя уверенным, даже самоуверенным, когда видел он к себе всеобщее внимание. И вот уже передавали из уст в уста окрашенный меланхолическим восточным юмором рассказ Давлятова о некоем среднеазиатце, который, будучи послан на Всемирную выставку породистого скота, носил всюду с собой по Москве копыто жеребца, обладающее магической силой и указывающее среднеазиату путь из самых запутанных лабиринтов столицы - напрямик во Всесоюзный Дом колхозника, где коротали вечера в тесноте его земляки. И другой коронный рассказ восточного гостя в московских салон-квартирах, который все слушали затаив дыхание в предвкушении многослойного смысла. О том, как приаральский народ, сидя на барханах, смотрел еще в довоенное время фильм о командарме, и когда лихой воин в ярости, обнажив саблю, помчался по огромному, как поле, белому полотнищу, натянутому между столбов, все увеличивался крупно и прямо на зрителей, - все дрогнули и разбежались в ночной мгле, ибо показалось им до жути, что всадник на полном скаку вылетит сейчас из полотнища, чтобы, прыгая с бархана на бархан, накрыть их, как смертный вихрь, - так было все мастерски снято, что реальность смешалась в головах неискушенных детей пустыни с вымыслом и све-тоигрой звукотехники.

А ведь речь шла не о каких-нибудь двадцати или тридцати зрителях, а о тысяче, о целом племени, напуганном до смерти мелькающими картинками цивилизации. Пропал народ, который уже хотели приобщить к текущему и привычному для нас времени, рассеялся по пескам и верблюжьим тропам. Долго искали его посланные уполномоченные, чтобы собрать, успокоить на теплой груди матери всех городов - Шахграда, а затем вернуть к привычной жизни на плоскости между морем и плато, а когда собрался народец, депутаты заметили в нем странную перемену. Детский и озорной блеск, некогда смущавший уполномоченных Шахграда, сменился у беглых зрителей налетом умиротворенности, будто от долгого блуждания по пескам постигли они некий высший смысл, обреченно успокоились, благоговей перед высотой и глубиной жизни, которая не ведает вопросов и ответов, а значит - и страха, тления, радостных

воспоминаний и упреков... Жизнь теперь виделась им как поток, который несся, подобно песку, с верхушек барханов, где нет следов доисторического человека, - ее надо было принимать безропотно, тихо внимая звуку шелестящего песка...

Сам же Давлятов мало-помалу обнаружил в себе, не без удивления и восторга, талант колдуна-гипнотизера. Говорил теперь возбужденно, жестикулируя, закатывая глаза, поднимая нервные руки над головой. Эффект! Мистический фимиам его рассказов уже густо растекался по салон-квартире Пташковской, где духовные переживания выражались в таинственных ритуалах, среди которых была особенно предпочтительна "Поза Лотоса".

Сам же Давлятов урвет часок-другой от повседневных своих скучных занятий сейсмосмотрителя, бежит в библиотеку Восточного института, где жадно читает буддийских авторов, Конфуция, мусульманские предания - хадиси - из жизни пророка Мухаммеда. В "Книге о Начале и Конце" аль-Кисаи его особенно впечатляет образ моста Сират, перекинутого через всю Вселенную... И вот уже в салон-квартире Пташковской он рассказывает о своем чудесном вознесении... будто нервная энергия, которую он в себе накопил, отрешенный от всего земного, что мелькает, летает, звучит и мучает аллергическими запахами вне его телесной оболочки, вознесла его как-то под утро через первые, вторые, третьи круги неба, и, к своему удивлению, он обнаружил бредущих по мосту Сират Гомера, Наполеона, Навуходносора, патриарха Моисея, Иосифа Сталина и, кажется, самого Адама... этакого лукавого бодрячка, каким предстал он в рисунках художника-атеиста Жана Эффеля, оригинальный ум Давлятова все осмыслил несколько шаржиро-ванно.

- Волнующий полет, - рассказывал Давлятов. - За всю историю человечества подобное испытал лишь пророк Мухаммед во время своего мираджа [Мирадж - вознесение (арабск.)]. Чудесное путешествие Мухаммеда на крылатом животном из Мекки в Иерусалим, а оттуда к небесному престолу Аллаха]. Только чистое, незамутненное сознание способно... - втолковывал Давлятов бесстрастно, но пророческого тона не выдерживал и торопливо внушал, что истина, идущая из космоса, может озарить лишь тех, кто, самосовершенствуясь, стал способен на глубокое внутреннее восприятие. Таких, увы, единицы. Остальные глухи, эгоистичны, порочны. Но какая благодать посетит избранных...

И еще открылся ему образ Небесного Лотоса, плавающего поверх седьмой сферы, - как бы жилище Вседержателя истины... И на всей площади квартиры, в ее смежных комнатах, кухне и даже темной прихожей, застывали все в ожидании того священного мига, когда озарит их луч, идущий с Небесного Лотоса Истины... И разольется энергия дальше, уже вне дома в Теплом Стане, где живет Пташковская, явится чудо в образе хромающего клоуна, спотыкающейся ломовой лошади, летающего огненного шара, ползающей черепахи. И будет это телесное выражение густого восточного, а точнее, среднеазиатского духа, сотканного из света и тьмы - материнского и отцовского начала начал...

- Воистину единственное место, откуда еще может прийти откровение, Средняя Азия! - восклицали, слушая Давлятова, и называли его посланцем далай-ламы, мюридом аятоллы...

Давлятов принимал все это с нарочито бесстрастным видом, лишь изредка вытягивая губы и нервно дергая головой. И, упоенный своей ролью, восточный гость не замечал некоего коварного мельтешения за спиной. И тот, не разгаданный даже неофрейдистами столицы, психологический штрих, который дал о себе знать при вхождении робкого Давлятова в московские салоны, еще глубже прочертился в его сознании, и характер Давлятова заменился ролью, а роль полностью иссушила его натуру, оставив лишь голый скелет, остов характера - знак гражданина "конца века".

Но бескорыстие и погубило Давлятова. Желая найти понимание и быть принятым, Давлятов стал повторяться в своей роли и надоедать. Отрезвев и заметив наконец подозрительное

мельтешение, очень обиделся, когда узнал, что и ему не доверяли.

- Как?! - воскликнул он. - Это я-то ненадежный?! Это во мне-то, который только и делал, что раскрывал перед всеми душу, не утаивая ничего из ее темных тайников? Думали ли вы, кому наносите обиду - восточному человеку, эмоции которого всегда колеблются между отчаянием и надеждой...

Его стали успокаивать и вроде бы даже осторожно делиться задуманным, но так туманно и противоречиво, что с Давлятовым случилась истерика. Это и сняло с его сердца тяжесть подозрений, ибо истерикой своей он как бы сравнился с рядовыми завсегдаятами салон-квартиры.

Дело же, задуманное на спаде популярности давятовских, восточных мистик, было чисто интеллектуального свойства, способное возродить дух избранничества, но уже не внутри холодной салон-квартиры, а вовне, и не близко вовне, в пределах Москвы или даже всего Союза, а за рубежом. Говорили о народе, о судьбе его, но все как-то общо, размыто, ибо, как прояснилось потом, каждый салонщик думал прежде всего о своей выгоде, хотя и не понимал еще до конца, в чем она состоит, эта выгода, если, скажем, в Европе или в той же Америке будут связывать их имена с народом и его судьбой. Впрочем, несколько человек расчетливо знали свою выгоду. Остальные же, как и не посвященный поначалу Давлятов, выгоду свою представляли возвышенно, как идею, философию, сугубо духовно.

Дело пошло быстрее, когда собрали нечто вроде редакционной коллегии из пяти человек, тех самых, знающих свою выгоду задним умом. Но и тогда дело застряло в паузах бездействия, когда начинались споры вокруг той или иной кандидатуры, ибо каждый из руководящей пятерки пытался протолкнуть на страницы задуманного литературно-философского и общественно-богословского альманаха своих, большей частью не шибко одаренных то ли почитателей, то ли учеников, то ли сожителей - словом, жаждущих выйти в эфир, волнами разносящий их имена по всемирной вселенской орбите, где упирается началом и концом космический мост Сират, с идущим шаг за шагом Гомером... Наполеоном... Сталиным...

Один из тех, кто весьма прибыльно рассчитывал свою выгоду от участия в этом рукописном альманахе, был некто Шаршаров, полушовка и тихий развратник, хотя не это было в нем главным. Шаршаров лет пятнадцать тому написал роман, идею которого сам автор выразил кратко - "о вечно тлеющей, но не затухающей русской культуре".

Никто, правда, из салонщиков роман не читал, но ходили слухи, что шедевр, не понятый и отвергнутый издательствами Москвы, каким-то чудом, без ведома самого Шаршарова, был вывезен на Запад, где и был обнародован издательством "Братья Хаембрук и мадам Лулу", поставившим себе целью попечительство русской культуре, сохраняя ее лучшие образцы вдали от родины, хотя бы на островах Примадонны Солидад и Магеллановы Столбы, где помещались оба филиала издательства.

На Шаршарова смотрели с напряженным уважением, но не более - никто шепотом не просил дать на одну ночь почитать роман, да и сам автор вел себя так, будто и не слышал о братьях Хаембрук и мадам Лулу, - возможно, надеясь лишь на восторг потомков.

Злые языки потом скажут, что Шаршаров, будучи одним из главных зачинщиков альманаха, не без брезгливости согласился принять окончательный список авторов и окружить свое имя столь посредственными именами и терпел такое соседство под общей обложкой лишь из желания достичь цели. Цель же была такова: участие в альманахе (который, по расчету авторов, наделает много шума и в самой Москве и на Западе) как-то возродит интерес к Шаршарову, ибо к его роману никто, кроме издательства братьев Хаембрук и мадам Лулу, интереса не проявил. А ведь автор так ждал переводов и в Лондоне, и в Токио, в Париже и Франкфурте-на-Майне, в уважаемых, печатающих нобелевских лауреатов издательствах. Сплошь

коммивояжерский Запад почему-то не хотел распространять новую русскую мысль, не желая раскрепощать ее из плена русского слова, причем, как поговаривали те же злые языки, очень дурного русского слова, каким был написан роман Шаршарова. И чтобы раскрепостить собственное слово для перевода на другие европейские языки, Шаршаров решил лишиться раз напомнить о себе склеротическому Западу, приняв добровольно роль мученика.

Когда Давлятов, после пятого или шестого тайного совещания редколлегии, был все же допущен в альманах, он сел лихорадочно писать статью под простодушным названием "Спасение человечества в среднеазиатской мистике", научнообразно излагая то, что мы уже знаем о мытарствах на Всемирной скотоводческой выставке обладателя священного копыта и о прозрении во время добровольного изгнанничества приаральского народа. Других ярких примеров у него не было, но даже эти два так мучительно трудно поддавались облачению в простой и ясный слог, что Давлятов нередко впадал в уныние, сожалея о том, что взял на себя новую роль - богословского эссеиста.

Но на случай неудачи он держал про запас еще одну идейку - написать о шахградском землетрясении двадцатилетней давности, - его Давлятову пришлось пережить в отрочестве. Но когда он пытался восстановить в памяти те трагические дни, в голову начинало лезть что-то случайное, бытовое; ничего сверхъестественного, мистического, кроме двух-трех ветхозаветных легенд с явлениями пророков, предвещавших землетрясение как кару. В сознании смешались и Содом с Гоморрой, и фемудяне, которых заклинал брат их - Салих, и Шогаиб, предсказавший разрушение града развращенных мадианитян. В минуту сомнения решил Давлятов поделиться своим замыслом с Шаршаровым, но тот лишь поморщился, а когда наш эссеист пустился в объяснения, Шаршаров зло посмеялся и добавил для убедительности:

- Западу все это покажется глупым! Они там ни сном ни духом не ведают о захолустном Шахграде! Вот если бы сочинить что-нибудь о Туркестане времен Скобелева и Кауфмана, когда всю развернулся талант Верещагина, сочными мазками рисовавшего башню из черепов мусульманских федаинов [Федаины смертники за веру], тогда бы... - Шаршаров не договорил и лишь лукаво прищурился, сделав непонятный жест рукой.

Давлятов подавил в себе обиду и решил забыть о шахградском землетрясении, и, как покажут дальнейшие события, был он в этом интуитивно дальновиден: все, что не изложил он для скептического Запада, оказалось нужным для доверчивого Востока и самому пострадавшему Шахграду. И как бы ни мучился душевно Давлятов, мысль о том, что слово его будет обнародовано всемирно, воодушевляла. Впрочем, эту тайную мысль лелеяли все, кто трудился для альманаха, поэтому готовы были терпеть они и унижения и насмешки редколлегии, дотошно обсуждавшей каждую представленную рукопись.

Дотошность эта, однако, была не признаком какой-то четкой и вдохновляющей идеи, скорее отсутствием таковой, посему под обложкой альманаха было собрано все самое скабрёзное - и черный юмор, и сексопатологическое эссе под названием "Женщина-лидер", и поэма Пташковского - супруга салонохозяйки, сплошь рифмованная лагерным матом, диалог зэка и его угрюмого охранника о свободе и неволе, - словом, всякого рода надцензурная лихая продукция, не могущая публиковаться на страницах наших целомудренных журналов.

Это целомудрие и решено было опорочить. Замыслили авторы альманаха так: или московское издательство обнародует все собранное под одной обложкой, или же альманах будет отослан братьям Хаембрук и мадам Лулу для публикации на Магеллановых Столбах, откуда все это распространится через океан всемирно.

Для объявления сего было выбрано некое невзрачное кафе на тихой улочке - "Белая медведица", и сам альманах потом под этим названием войдет в историю отечественной словесности.

Пришли в "Белую медведицу" по одному, почти конспиративно, все пятьдесят авторов, пили лимонад и, нервничая, ждали западных журналистов. Те пришли с опозданием и все с нарочитой скукой на лицах. Чтобы не затягивать собрание, Шаршаров - международная величина - рассказал журналистам об авторах альманаха "Белая медведица", скрывая презрение, называл их большими талантами, которым умышленно закрывают пути к читателям, в то время как "гангренозная и вялая, как после запоя, официальная литература процветает, привлекая в свои ряды все большее количество бездарных посредственностей, для которых двери любого издательства открыты, как врата рая".

Журналистам - среди них была и блистательная Патриция Буффони из "Коррьере делла notte", бывшая отчаянная террористка "Бригаде россе" [Левацкая террористическая группировка], - был роздан текст ультиматума. Текст был так убедительно составлен, что отпала надобность в прямых вопросах и ответах, посему все так же тихо, поодиночке разъехались по квартирам, ожидая с этой минуты событий... Только Шаршаров демонстративно, не убоившись обвинения в связях с иностранкой, сел в "киету" Патриции, которая взялась подвести его по заваленным снегом, давно не чищенным московским улочкам на Сретенку, где жил сей герой.

В дни ликующе-тревожного ожидания собирались на квартире Шарша-рова. Хозяин подозрительно всматривался каждому в глаза, и гости, в который уже раз, клятвенно заверяли, что не отступят от намеченного, будут держаться стойко в том случае, если их начнут вызывать по одному, чтобы отказались они под давлением от задуманного. Пока Шаршаров держал всех на высокой ноте душевного настроения, издательство, куда был послан альманах, возмутилось не столько самим текстом, сколько неслыханным доселе в новейшей истории отечественной словесности ультиматумом. Альманах был с порога отвергнут под предлогом того, что сплошь составлен из порнографических и хулиганских сочинений, которых и сочинениями-то нельзя назвать, а просто дурно пахнущими листками. Редколлегия, желавшая именно такого поворота, тут же решила передать экземпляр "Белой медведицы" доверенной Патриции Буффони, которая обещала, в свою очередь, в целостности и сохранности доставить альманах братьям Хаембрук и мадам Лулу.

Ждали похвал отныне с Магеллановых Столбов; с волнами океана альманах распространится по всем цивилизованным островам и странам. Что-то и вправду стало оттуда доноситься, вначале невнятное, похожее на бормотание, затем все отчетливее послышалось: "Белая медведица"! Медведица, медведица...", через ту же синьору Буффони поползли слухи, будто солидные журналы уже обнародовали на своих страницах то ли весь альманах, то ли выбранные отрывки из него. Слухи стали обрастать догадками, недомолвками, а кончилось тем, что все, даже те, кто клялись, что сами читали в английских и японских журналах альманах, избегали авторов, а когда те все же ловили и крепко держали их за рукав, чтобы выяснить свою судьбу, страдальчески вздыхая, господа солидные журналисты раздражались, бормоча, что, дескать, узнают, выяснят и что они тоже не всеильны, рады бы помочь, но издательства Нью-Йорка и Бриттенбурга гнут свою политику, - словом, обычная оговорка западного господина, желающего поскорее избавиться от нашего назойливого гражданина.

Так прошел месяц, второй... Удивление на лицах авторов сменилось конфузливый выражением. Все о них как бы разом забыли. Те, кто так жаждал роли мученика, малу-помалу успокаивались и даже радовались, что никто не вызывает их для объяснений - будто никакой "Белой медведицы" не было в помине. Только Шаршаров еще ждал и надеялся, хотя то, что он таил в душе, не знал ни один из авторов альманаха. Наконец он был вызван в одно деликатное учреждение, где ему прямо с порога был задан вопрос:

- Желаете, значит, выехать на Запад? Куда именно?

- В Париж! - задохнулся от волнения Шаршаров.

- Будете слезно проситься обратно - не примем... Москва слезам не верит...

До последнего дня никто из авторов не знал об отъезде Шаршарова, и только когда самолет его приземлился благополучно в аэропорту Шарля де Голля, все поняли, что пали его жертвой. Ради Парижа и задумал хитроумно Шаршаров альманах - выиграл...

Пережив уныние и растерянность, авторы собрались в последний раз на квартире Пташковой, порассуждали "под занавес" о русском и западном, ибо увидели, как лопнула нить, с помощью которой они сшивали в один лоскут оба эти понятия.

- Запад увлечен только собой, - с горечью признал Пташковский, прагматичный, он придумал эту удобную для себя формулу, будто русские сплошная загадка. Мы же, русские, так проникательны, что знаем и чувствуем каждый народ!

- Да, русский хотя и поздно, но ко всему приходит своим умом, поддержал разговор Давлятов и с обидой вспомнил о гуляющем нынче на Монмартре Шаршарове. - Удивительно, такие мелкие страсти, интриги жизни и Вечность. Как совместить?

- Вечность?! - усмехнулась хозяйка дома. - Она и ткется из этих мелких страстишек, тянется из них!

- Значит, Вечности нет?! - испугался Давлятов.

- Выходит, что нет!

- Так что же делать?! - вскричал Давлятов. - Куда деться? Как выразить себя? Как сослужить свою высшую службу в таких условиях, где один лишь плоский материализм, отвергающий Вечность?! Готов отправиться в святые места - в Мекку, Иерусалим, идти пешком по раскаленным камням, в нужде и лишениях, чтобы постичь высший смысл. - И развел руками, закончив просто и буднично: - Но кто меня туда пустит? Кто позволит пересечь границу без необходимых документов? Готов бросить все - славу, почести, которых ждал, и сидеть у ветхих стен церкви или мечети. Но кто позволит?! Тут же милиция уведет. И засудят, не поняв благих намерений и искренности души! Готов жить отшельником в пустыне, у себя в Азии, чтобы познать Вечность, но тут же у бархана остановит свою лошадь какой-нибудь местный начальник и потребует объяснений...

Давлятов говорил из искреннего желания отшельничества, понимая, что московская салонная жизнь для него кончилась, что весь интерес выдуло отрезвлением после предательского удара Шаршарова, и подумывал он теперь о возвращении в наш Шахград, к больному отцу, жившему угрюмым отшельником в своем родовом доме.

II

Милейшая Анна Ермиловна, страдалница, рукодельница, никак не могла толком понять, отчего сын ее вдруг размяк и стал подумывать об отъезде в Шахград, говоря об этом как-то нервно, даже зло. Ну светская жизнь в салон-квартире, где собирался распавшийся теперь с охом и ахом кружок, ну альманах и конфуз, последовавший после его объявления на Западе...

"Ведь с самого начала и дураку было ясно, что Запад надует", пыталась вкрадчиво объяснить она сыну, чтобы как-то вывести его из мрачного состояния духа. - В кои это веки Запад понимал русского человека? Никогда!"

И впрямь, не повод ли все это для отрезвления и остепенения (хотя был во всем этом и прямой повод для остервенения!), чтобы обзавестись наконец семьей и жить просто, без мудрствования? Но именно теперь почему-то и отказался Давлятов окончательно от мысли жениться... была одна артистическая особа, отношения с которой постоянно колебались между преклонением и презрением. В этот период уныния и решил Давлятов не связывать себя ничем

прочным и основательным, хотя артистическая особа прелестная вздорница - никогда не давала повода для мысли о чем-то основательном.

Но такова была натура Давлятова - если уж что-то рассыпается, не пытаться склеивать, а, наоборот, все вокруг мало-мальски прочное тоже пнуть ногой - пусть все летит к чертям... Авось когда-нибудь на прахе ошибочной жизни, жизни неудавшейся он заново возведет нечто прочное и основательное.

Мать его доводов не понимала, и, пока Давлятов пытался объяснить ей, она плакала и стыдила сына за то, что оставляет ее, одинокую старуху, словом, было много надрывных, нервных объяснений... Наконец мать простилась с ним, так и не поняв мотивов сына, но он все же не успел... Отец скончался за день до его приезда, и уже вечером того же дня понесли его на кладбище А-34. Вся серия подобных преддверий в потусторонний мир с литерой "А" называлась Атеистической. Отцы Шахграда, горя желанием поскорее объявить о полном вымирании всех пяти религий - в том числе и синтоистской, которую исповедовало корейское население града, постановили хоронить вместе на одном кладбище покойников разных национальностей, справедливо считая, что усопший, уходя из брэнного мира, вместе с социальными и половыми признаками теряет и национальные.

Лицезрение одинокого старика, не успевшего увидеть сына и похороненного на жалкие деньги, собранные соседями, неожиданно всколыхнуло душу Давлятова, и он даже слегка возвысился в собственных глазах, вспомнив о своей участи мученика и гонимого. Да, нельзя объяснять его отъезд из Москвы душевным спадом, желанием поломать все ветхое и сыплющее костяной трухой, побегом от артистической особы, наконец; истинная причина возвращения в Шахград - добровольное изгнанничество и желание пострадать за растоптанное возвышенное, за цинизм и обман не только того, кому он больше всего доверял и считал своим духовным наставником, - Шаршарова... но и вообще, вообще ничего нельзя - нет веры, кругом застывшая смола материи, в которой просвечиваются замурованные пузырьки духа. И только добровольное мученичество способно спасти желающего спастись, думал Давлятов. И с первых минут его возвращения в шахград-ский дом, на этой волне мученичества, он спокойно выдержал укоризненные взгляды соседей, их молчаливое неодобрение. Они почувствовали незримую черту, проведенную Давлятовым, как бы дающим им понять, что их душевное никак не совпадает с его, что он носит в себе то, что выше текущей жизни, в которой они живут с их желаниями, суетой и упреками. Да, окружающим его не понять!

Таким непонятым его и оставили в покое, а это Давлятову и нужно было. Но что-то неприятное о смерти отца доходит до него из разговоров тех, кто жил в домах рядом, через стену. Будто бы все по-другому было. Будто бы не лежал он долго тяжело больной, как думал сын в Москве, а скончался от сильного испуга... то ли ограбить хотели дом ночью, то ли письмо он какое-то получил с требованием принести и положить в указанное место пятьдесят тысяч из награбленных им денег в бытность заведующим лесоскладом - все до того скучное и банальное, что тут же забывалось Давлятовым. Единственное, что привлекло его внимание среди этих слухов, да и то своей символикой, - слух о том, что дом ночью неожиданно трянуло, спящего отца сбросило с кровати, и он, перепуганный до смерти, еще ничего не понимающий, пополз через весь двор на улицу и только здесь очнулся и закричал: "Землетрясение!" И всматривался в темноту, и вслушивался, удивляясь тишине, - ни один человек не выбежал, ни одна собака не взвыла. Неужели почудилось? Тогда как же он оказался сброшенным с кровати на пол? Ведь пронизывающе ощутил он каждой своей клеткой толчок, хотя и спал, он, за всю свою долгую жизнь переживший, наверное, более сотни землетрясений здесь, в Шахграде, от четырех сильных, разрушительных, повторяющихся каждые пятнадцать двадцать лет, до десятка средних и мелких, случающихся почти каждый год, трех-, четырех-, пятибалльных. Он не

только ощущал даже самое легкое колебание земли, но особым внутренним чутьем уже и предугадывал время очередного землетрясения с точностью плюс-минус неделя. И не только Ахмет Давлятов, а почти все шахградцы обладали такой интуицией, - ведь не зря весь прошлый год ездили сюда японцы, привозя с собой каждый раз все более чуткую, тонкую технику и измеряя выборочно все параметры шахградцев начиная от пульса и кровяного давления, кончая объемным просвечиванием головного мозга, и пришли к выводу, что в самой натуре шахградцев от частых землетрясений эволюционно происходят изменения, и чем они чреваты для человеческого рода, пока предсказать трудно, возможно даже, что со временем у шахградцев произойдут такие необратимые изменения, скажем, в позвоночнике: он будет лепиться не из костного материала, а из более эластичного вещества; туловище, раскачиваясь в такт колебаниям земли, поможет шахградцам даже при самом сильном, подбрасывающем толчке устоять на ногах... и всякий подобный вздор в духе эстетствующих японцев, которые свои химерические фантазии привыкли измерять скрупулезно точно и научно и находить им якобы подтверждения. Я подчеркиваю это неопределенное словечко "якобы" потому, что предположение японцев об эволюционном изменении моих земляков-шахградцев обросло дикими слухами и домыслами, хотя виноваты в этом никак не японцы, а наша солидная газета "Шахградская правда", которая сначала обнародовала гипотезу японцев с целью утешения шахградцев, вечно живущих под страхом очередного землетрясения, но на следующий день выступила с опровержением своей собственной публикации, назвав ее "дешевой сенсацией, рассчитанной на обывателей". "Шах-градцы, - резюмировала опровергающая себя газета, - должны, как это было всегда, противопоставить слепой стихии стойкость духа, а не жить надеждами на какие-то изменения в позвоночнике. Все это попахивает шарлатанством, если не сказать больше желанием расслабить нашу волю и усыпить, ибо доказано - среди иностранцев, приезжающих к нам якобы для научных изысканий, встречаются не только дружелюбно к нам настроенные, но и со злым умыслом..."

Известно, что перед той роковой ночью Давлятов-отец как раз таки читал сие опровержение и лег спать с каким-то смутным беспокойством, как человек, у которого отняли надежду. Эластичный позвоночник пришелся ему по душе, несмотря на все физические и духовные страдания, связанные с эволюцией. Страдания эти он готов был вынести, как и, впрочем, все шах-градцы, но злая судьба распорядилась в эту ночь по-своему.

Всматриваясь в темноту улицы, он понял наконец, что сбросило его с кровати нечто другое, не природная энергия, накопившаяся в толще земли и вырвавшаяся наружу, а толчок иного происхождения. Умиравший, он всю ночь терялся в догадках, даже мелькнул вдруг в уже потухающем сознании образ быка: "...Земля на роге быка, а бык на рыбе, а рыба на воде, а вода на воздухе, а воздух на влажности, а на влажности обрывается знание знающего..." - и образцы миллионов быков, тараканов, черепах, змей, на которых время от времени меняют для удобства положение, и тогда дом оживает, его чуть подбрасывает кверху, чтобы раскачивать из стороны в сторону. Это еще успел сказать, хотя и не совсем внятно, Давлятов-отец пришедшему к нему за чем-то утром соседу, сказал и тихо скончался на его глазах.

Особенно удивил соседа образ таракана, держащего на своей плоской спине дом, и вот, слово за слово, загадка умирающего Давлятова стала обрастать разными подробностями, порой слишком грубо материальными, а порой просто невероятно фантастическими, что закрыло все другие догадки о причине скоростижной смерти бывшего заведующего лесоскладом. Осталось лишь это будоражащее: будто что-то (или кто-то?), на чем стоял все эти годы, вдруг шевельнулось и до смерти напугало хозяина...

Сын долго отмахивался от этого бредового слуха, но, когда пришло время повнимательнее всмотреться вокруг, стал чаще задумываться над тем, что сказал, не совсем связно, уходящий из

жизни отец. Но Давлятов не мог так сразу, зацепив кончик мысли, тянуть ее, наматывая в сознании, чтобы ясно блеснула идея. Для глубоких умозаключений ему нужна была хотя бы внешняя стабильность в быту, поэтому, прежде чем со всех сторон обдумать и понять загадочную причину смерти отца, он стал быстро устраивать свои личные дела. Маска мученика, ждущего сочувствия, не мешала ему быть расторопным - с первой же встречи он чем-то понравился директору ИПЗ (Института прогнозирования землетрясений) и уже на следующий день был принят туда сотрудником. В тот же вечер он разыскал в окраинном районе Шахграда дом своей давней знакомой Шахло. С ней он разговорился случайно лет семь назад на художественной выставке в Москве, где Шахло стояла у шахградского стенда в роли поясняющего искусствоведа.

Между ними сразу же возникло нечто роковое, и всю неделю, пока Шахло была в Москве, они не разлучались ни на минуту. Перед отъездом Шахло всплакнула, Давлятов же, заметив это, облегченно вздохнул в предвкушении разлуки, ибо все роковое и страстное, будь то в любви или в ненависти, пугало его.

Шахло вроде бы обрадовалась их новой встрече, хотя почему-то сразу же заметила, что и эта их встреча продлится, наверное, не более недели, ибо со дня на день ждет она вызова в Москву, где решила обосноваться навсегда. Кто ее должен был вызвать, она не сказала, да и Давлятову это было неинтересно, только пробормотал он, всматриваясь в ее свежее, не изменившееся за это время лицо:

- Странно, я из Москвы - бегом, а ты туда - стремглав...

Ее же, из чисто женского любопытства, все интересовало, и она заставила Давлятова рассказать об альманахе, о том, какой удар нанес его душе вдохновитель и вождь Шаршаров. Почему-то это взбудоражило ее, но не прямой связью, а странным ходом, и она больше полунамеками призналась в том, в чем дала себе когда-то клятву не признаться никому, даже Давлятову, - от Той их московской страстной связи родила она сына, который живет то у нее, то у тети, то еще у какой-то дальней родственницы, но нигде не приживается из-за своего характера.

Новость эта ничем не тронула Давлятова, он даже не поинтересовался именем своего незаконнорожденного сына и лишь после отъезда Шахло в Москву вдруг забеспокоился, осознав, что есть в Шахграде некто для него кровный, родной, хотя, может быть, замешен на дурной крови, которою нравственные люди время от времени выпускают, чтобы не рождались случайные химеры, фантомы, вырожденки, постояльцы психиатрических больниц или детских трудколоний.

Давно, еще с античных времен, замечено одно диковинное свойство всех мучеников за идею. В период неверия они предаются разврату, дабы потом опять подняться на высоту спасительного очищения. Такая полоса не миновала и Давлятова, хотя на работе его по-прежнему считали добрым, скромным малым, не помышляющим ни о научных знаниях, ни о служебной карьере, - никто не опасался его, ибо не замечали в нем склонности к интригам. Казалось, окружала его какая-то спасительная аура, которая защищала его от любой, даже самой изощренной интриги, - а ведь не было в институте ни одного лица, не связанного так или иначе с какой-нибудь интригой.

Первое время молодые сотрудники всматривались в Давлятова, видно тайно сочувствуя пострадавшему от благородного порыва, но потом оказалось, что это внимание было чисто бытового свойства, желанием установить через него какие-то связи с нужными московскими людьми.

Поняв, что история его участия в альманахе не занимает равнодушных к общественному порыву, Давлятов пережил и эту досаду, чтобы полностью освободиться от своей неудавшейся

роли. Освобожденному, ему стало так легко и просто, что он и не заметил, как пролетели эти последние четыре года его шахградской жизни.

Пролетели, в общем-то, не зря. Он утеплил, восстановил совсем было потерянные связи со своими дальними родственниками со стороны отца, обзавелся несколькими знакомыми из разных кругов, с которыми был тесно близок, хотя интуитивно боялся вступать в чисто дружеские отношения. Так жил он до сего утра...

III

За день до этого он заметил на поверхности земли признаки... хотя эта свежая трещина на асфальте, разрезающая улицу, поднимающаяся на тротуар и тянущаяся через мягкую глину пустыря к строящемуся дому, могла быть предвестником чего угодно, только не землетрясения. Однако ж явного доказательства обратного тоже нет. Близко к этому месту не было ни озера, ни речки, чтобы под асфальт могла просочиться вода. Возле строящегося дома не было видно и машины, которая растревожила бы землю, разорвав ее плотные швы. В таких случаях остается лишь ждать подтверждения своей мрачной догадки. И подтверждение не заставило себя долго ждать.

Под самое утро Давлятов проснулся от толчка и, оттолкнув свою подругу, инстинктивно бросился с кровати к двери и стал, бледный и трясущийся, в проеме, самом безопасном месте. Но, быстро совладав с собой, он, сконфуженный, посмотрел на подругу, которая, не успев ничего толком разобрать, лежала, чуть приподняв голову и прислушиваясь. И лишь после второго толчка, потрясшего дом, спустя полминуты, она истерично закричала, но Давлятов уже успокоился и, сделав в ее сторону повелительный жест, отметил про себя и третий толчок.

- Все кончилось, - сказал Давлятов, видя, как подруга мечется по комнате, пытаясь поскорее влезть в одежду.

"Сколько раз твердил себе... ведь знаю, как и что, но все равно всегда неожиданно", - с досадой подумал о своем страхе Давлятов. В такие острые моменты он зримо ощущал свою прирожденную раздвоенность - и паникующего, и иронизирующего. Боясь, как бы женщина не догадалась о его переживаниях, Давлятов стал торопливо выпроваживать ее из дома, бормоча о толчке еще более сильном, который может ударить - и тогда, не дай бог... страшно даже подумать об этом...

Толчок сильный, убийственный... Сказанное просто и необдуманно вдруг пронзило его, как идея, которая подсознательно зрела и теперь высказалась, осязаемо прочувствовалась как озарение. Лихорадочное состояние мешало ему сесть и успокоиться. Только это и вертелось у него в сознании, как познанный смысл, до которого он доискивался всю жизнь. Да, только он, только ему одному из всего миллионного Шахграда ниспослано откровение предсказать грядущее страшное бедствие, спасти невинных, а виновных устроить карой за грехи.

Он сел наконец, чтобы успокоиться и прийти к трезвому выводу, и, случайно повернувшись к окну, увидел, что в панораме улиц блеснул в тумане свет от теснивших друг друга домов - все вокруг тоже были разбужены землетрясением и в тревожном ожидании не возвращались в постели.

На кресле, куда Давлятов опустился, он нашупал под рукой то ли шарф, забытый впопыхах убежавшей подругой, то ли какую-то тряпку из ее вещей, чертыхнулся и, брезгливо скомкав вещь, выбросил в окно.

"Чем жил я? - подумал он. - Мелким и недостойным! Чем встретил я утро своего озарения?! С кем? С девкой в постели! Боже, очисти меня! Пусть через боли и муки, с кровью выскребается из души моей грязь и опустошение! Господи, наполни мою душу чистым! Ты ниспослал мне

миссию! Воистину, ведь не зря говорят: господь избирает заблудших!"

После этого недолгого душевного борения к Давлятову вернулась способность трезво мыслить - он вспомнил о Всесреднеазиатском конгрессе сейсмологов, который - по случайному совпадению! - должен собраться сегодня в стенах его родного института и на котором Давлятов выступит с кратким сообщением о четырехлетней своей работе по теме "Влияние артезианских колодцев на земное колебание".

"К черту артезианские колодцы! - лихорадочно думал Давлятов. - Все это бред и вранье, как и все в нашем институте! Это не приближает, а еще более отдаляет разгадку землетрясения! Как будто все делается специально, чтобы обмануть бедное человечество и погубить его в пустыне неведения! Только я... я один теперь знаю!"

И он стал связывать ту увиденную вчера трещину на улице с предутренным толчком, силу которого он безошибочно определил в четыре балла, второй и третий были чуть слабее - три и два балла. Он с грохотом придвинул кресло к столу и стал записывать рваные обрывки мыслей: "...серия толчков почти равной силы - предваряющий рой", "...на улице Кафамова - трещина, разрыв земли, местами до десяти сантиметров и до полуметра на тротуаре, уходящая до перекрестка с улицей Бородинской. Заметно поднятие почвы, что и явилось причиной этого разрыва".

Взгляд его упал на папку, куда было втиснуто уже готовое, отпечатанное сообщение все о тех же артезианских колодцах. В нервном порыве Давлятов схватил папку и, бросив ее под ноги, стал топтать с криком:

- Лженаука! Как смел я мечтать... через всю эту ложь добиваться почестей и званий?! Академика пророчили мне в родном институте! Все, отныне я порываю с ними! И пусть будущие мои муки, насмешки надо мной и издевательства будут искуплением! - Потухший было дух избранничества вновь вспыхнул в Давлятове со жгучей силой, и он, спешно собрав со стола исписанные листы, выбежал из комнаты, бросился через двор к воротам, боясь опоздать на конгресс, где он выступит с таким ошеломляющим предостережением о грядущей беде, что все содрогнется от ужаса.

Давлятов выбежал из ворот, и соседский мальчик Батурбек, стоявший у дома напротив и будто нарочно поджидавший ученого-сейсмолога, чтобы переброситься с ним двумя-тремя словами об утреннем землетрясении, был страшно поражен. Давлятов, едва показавшись, словно провалился сквозь землю - ничем другим нельзя было объяснить его странное исчезновение в ту же минуту, когда он переступил через порог своего дома. Подумав, что появление Давлятова ему просто померещилось, мальчик еще более поразился, когда из давяловских ворот выбежал совсем незнакомый гражданин и бросился вдоль белой стены, причем выбежал он с таким видом, будто всегда жил здесь. Только мелькнуло его измученное, болезненное лицо, и мальчик, сам не понимая отчего, обратился к незнакомцу с традиционным утренним приветствием:

- Как спалось, дядя Салих?!

Давлятов, вдруг появившийся опять уже на середине улицы, остановился на мгновение, пропуская пробегающую мимо верблюдицу с надрезанным правым ухом - меченую, и мальчик, наблюдавший за всей этой картиной, отпрянул назад и забежал в свои ворота, чтобы рассказать об увиденном отцу, хотя и знал, что отец - ответственный работник, который в эту самую минуту ждал приезда своей персональной машины, - не поверит в бредни сына, хотя, как и все атеисты, он должен быть суеверен.

"Эта верблюдица служит вам знаменем, - шептал Давлятов, торопясь на трамвайную остановку, - оставьте ее пастись на земле Божией, не делайте ей никакого вреда, чтобы не постигла вас лютая казнь... Знаете ли вы, что я, Салих, послан от Господа своего? Но

считавшиеся великими народа сего сказали: мы отвергаем то, во что веруешь ты..."

Сворачивая к выходу на улицу Батумскую, Давлятов вновь увидел эту верблюдицу. Она споткнулась почти у самых его ног и повалилась с тяжелым храпом на бок, подняв копыта, и кровь из перерезанных на ее шее жил потекла на землю. Чтобы не испачкаться кровью умирающей верблюдицы, Давлятов отбежал в сторону и бросился к остановке через переулок, все повторяя:

- Упорно действовали великие против повеления Господа и сказали с усмешкой: "Салих, наведи на нас то, чем грозишь нам, если ты из посланников..." И тогда землетрясение потрясло их, и наутро они в своих жилищах лежали поверженными ниц... А Салих отошел от них, сказав: "Народ мой, я передал вам то, с чем послал меня Господь мой: я был для вас советником, но вы не любите советующих..."

Звякнул трамвай, перебив мысли Давлятова, и он на ходу вскочил в вагон, пытаясь пробиться подальше от кондуктора в толпе пассажиров, ибо, как назло, именно в это пророческое утро у него не было даже пятака, чтобы расплатиться за проезд, - все, до последней копейки, потратил он вчера на подарок презренной женщине, которая вызвала в нем горькое раскаяние и очищение от скверны разврата.

IV

Ворвавшись с горящими глазами в зал конференции и протискиваясь прямо к трибуне мимо лениво рассаживающихся по своим местам участников, Давлятов забыл о том, что по регламенту сначала будут выступать действительные члены(Академии, затем просто члены, не заслужившие пока к своим титулам этого деликатного словечка "действительные", и далее по очереди доктора и кандидаты наук, а уж потом, где-нибудь перед самым закрытием форума, должны были дать слово ему. Об этом он вспомнил, почти вплотную приблизившись к пока пустующему столу президиума; с горечью подавив обиду, сел, против обыкновения, не где-то в задних рядах, прячась инстинктивно от начальства, а нахально в первом ряду, где обычно рассаживаются не избранные в президиум, чем-то обделенные академики. Сел и сразу ушел в себя, переживая свое предстоящее скандальное заявление, и так просидел, не вслушиваясь в речи ученых ораторов, и из-за боязни потерять нить рассуждений не встал со своего места во время первого короткого перерыва.

Проходящий мимо Айтзаров - шеф по отделу - удивился, заметив Давлятова, сидевшего в соседстве с академиками, хотел даже съязвить по этому поводу, но вздрогнул, заметив, что Давлятов как-то вызывающе дерзко посмотрел в глаза шефу, будто уличал.

- Что же это вы, голубчик... опоздали? - сказал Айтзаров, желая сбить с подчиненного спесь.

- Если б опоздал, то пристроился бы где-нибудь сбоку, в последнем ряду. Логично? - вопросом на вопрос ответил Давлятов, ерзая от возмущения в кресле.

"Логично", - хотел было ответить удивленный шеф, но его уже отвел, обняв за плечо, в сторону восточно-среднеазиатский делегат-коллега, пожелавший сыронизировать по адресу основного докладчика - сейсмогеофизика из Москвы.

Давлятов же никак не мог успокоиться: эта краткая встреча с шефом взбудрила потухшую было интригу, многодневную, умопомрачительную интригу, связанную с выбором того, кому из шести младших сотрудников отдела выступать с сообщением на таком представительном конгрессе - сообщением пусть даже из десяти невнятных слов, зато могущим сыграть свою роль в научной карьере оратора. Случайно жребий пал на Давлятова. Впрочем, если уж говорить начистоту, случайного здесь как раз ничего и не было, а все было очень даже не случайно, ибо Айтзаров желал приблизить к себе единственного в отделе холостяка, чтобы женить его на

своей засидевшейся в девках дочки шефа...

Эта короткая встреча с шефом чем-то подзадорила Давлятова... и вот уже он был опять на трамвайной остановке. А когда примчался на улицу, где у его ног свалилась верблюдница, увидел по следам на асфальте, что оттащили ее в большой двор, где человек десять мужчин с кривыми ножами разделявали тушу, отрезая с разных ее сторон лакомые куски. Увлеченные своим делом, они даже забыли закрыть ворота, чтобы никто из посторонних с улицы не мог увидеть их... И когда он переступил через порог, возмущенный такой картиной, мужчины закричали, замахиваясь в его сторону ножами:

- Лжец! Сумасшедший! Если ты сейчас же не сгинешь - обижайся на себя! Иди и наведи на нас то, чем грозишь, если ты из посланников...

Он отпрянул назад от ворот, закрывшихся с шумом... и когда вернулся в зал конференции, удрученный, не сразу заметил Айтзарова, говорящего с трибуны.

Давлятов наизусть знал доклад, который читал сейчас его шеф, - "Радон - предвестник землетрясения", потому что всю работу написал за него сам. Сейчас же газ радон, незадолго до землетрясения поднимающийся из колодцев... то есть все, что пытался внушить Айтзаров, показалось Давлято-ву таким забавным, что в тот момент, когда оратор уже почти убедил конгресс в правильности своей гипотезы, Давлятов, сидящий в первом ряду, вдруг громко хмыкнул:

- Вздор! Ненаучно! Бездоказательно! - Для пущей убедительности вскочил с места и замахал руками. Затем тут же сел, будто разом утомился от непосильного порыва, и опустил голову, уставившись в паркетный пол, блестящий как зеркало.

Самое удивительное то, что на выходку Давлятова никто не обратил особого внимания. Лишь две-три секунды с высоты трибуны шеф всматривался в зарвавшегося сотрудника, презрительно скривив рот, затем овладел собою и продолжил чтение, считая ниже своего достоинства вступать с крикуном в спор. Зал же и вовсе никак не отреагировал, ибо, изрядно утомленный предыдущими ораторами, гудел от реплик переговаривающихся между собой делегатов, которые говорили о чем угодно, только не о деле.

Давлятов так и не поднял головы до того самого момента, когда неожиданно услышал свою фамилию - ему предоставляли слово. Он нервно повел плечами, будто досадуя на то, что его поднимают с места, заставляют идти к трибуне... Впрочем, ни для кого из сидящих - а их было более трехсот ученых мужей - его персоне не представляла интереса, кроме, разумеется, возмущенного Айтзарова и четырех других сотрудников отдела артезианских колодцев. И пока Давлятов шел к трибуне, вынимая из кармана пиджака какие-то сложенные бумаги, Айтзаров и его сотрудники удивленно переглянулись, увидев, как шаги к трибуне делает уже какой-то незнакомый гражданин с затравленным видом, словно побитый камнями... хотя потом из-за трибуны вдруг снова выросла фигура Давлятова. Все пятеро наблюдавших эту сценку, не сговариваясь между собой, подумали одно и то же - померещилось им все из-за утомления и духоты зала.

Но то, что отдел артезианских колодцев принял за мимолетную галлюцинацию, и помогло Давлятову высказаться до конца, ибо тревога, запавшая в души сотрудников и шефа, помешала им дать должный отпор смутьяну.

Смутьян же начал вполне миролюбиво, в неполемическом духе: - Тема моя: "Влияние артезианских колодцев на земное колебание"... - И вдруг с сарказмом воскликнул: - Опять - колодцы! Все вранье! Ненаучно! Слушайте! Сейчас я докажу сидящим здесь... Я предсказываю... скоро, совсем скоро в Шахграде произойдет мощное землетрясение силой в девять-десять баллов! - Он сделал паузу, чтобы всмотреться в зал, в предвкушении эмоционального всплеска.

Зал действительно весь обратился к трибуне, но тихо, без шороха и шелеста, словно боясь дышать, ибо такого экстравагантного, если не сказать более... оратора не слушали за весь длинный, скучный день.

- Ради такого сумасшедшего вам, признайтесь, не жалко приезжать в такую даль с берегов родной Шпрее? - обратился южносреднеазиатский делегат к сидящему рядом восточному немцу, приглашенному на конгресс Б качестве гостя.

- Да, да, - закивал гость, но тут же спохватился, думая, не подвох ли какой скрывается за этими словами, и добавил: - У нас у самих таких полно... Но мы их перевоспитываем...

Оправдания эти, впрочем, были излишни, южносреднеазиат тут же забыл о своем арийском собеседнике, вслушиваясь в каждое слово, произносимое Давлятовым, удивляясь и тревожась.

- Еще вчера на крещении улиц Кафанова и Бородинской мною были замечены явные признаки делаитации [Делантация - разрушение земной породы от давления и заполнения ее пор водой] с поднятием земной поверхности и трещины. Приглашаем всех делегатов после конгресса на эти улицы, чтобы вы могли на месте убедиться... налицо первый признак грозящего нам сильного землетрясения. Затем, уважаемые легенаты, эта серия предутренних толчков почти равной силы... не есть ли это второй признак - предваряющий рой! Сегодня весь день, пока мы здесь слушаем лженаучные доклады, рассчитанные на то, чтобы усыпить шахградцев, а затем бросить их на растерзание губительной трагедии, ужаснее той, которая погубила Содом и Го-морру, город фемудян, отвергший предостережения брата их, Салиха, мади-анитян, с высокомерным презрением посмеявшихся над братом своим, Шо~ гаибом... сегодня весь день мы ощущаем тишину. Земля молчит, будто надолго расположилась на отдых. Но поверьте - это обманчивая тишина, после которой и последует самый сильный толчок, который когда-либо перенес наш град за всю свою двухтысячелетнюю историю... Это может случиться в любой день завтра, через неделю, но не позже одного месяца. Да, раньше, но не позже!

И теперь не только веселой пятерке из отдела артезианских колодцев померещилось, будто вместо их зарвавшегося коллеги Давлятова на трибуну поднимается незнакомый гражданин... не только им, а всему залу, и гостю-немцу в том числе, должно быть от сильного напряжения, показалось, что Давлятов, произнесший так уверенно: "Да, раньше, но не позже", вдруг присел, чтобы спрятаться, в пустое нутро трибуны, и вместо него, подняв руки кверху, будто призывая самого Тектона [Тектон - древнегреческий бог-строитель, отсюда - тектоника - наука о движущихся силах землетрясения] в свидетели, заключил тот самый незнакомец:

- И когда потрясется земля, потрясаясь в себе, когда извергнет она бремена свои, и человек скажет: что это с нею? - в тот день она расскажет сбывшееся в ней... В тот день люди рассеянными толпами пойдут, чтобы увидеть дела свои. Тогда и тот, кто сделал добро весом в одну пылинку, увидит его... Истинно!.. Вопросы будут ко мне? Прошу! - дерзко, с вызовом обратился к слушателям Давлятов, словно и не исчезал он вовсе в пустом нутре трибуны, чтобы предоставить ненадолго свое место незнакомцу.

Впрочем, сей незнакомец не был вовсе незнакомым для всех сидящих в зале. Среди них был один фемудянин, директор другого, не менее солидного ИПЗ, всереднеазиатского масштаба, академик, который узнал незнакомца оратора и даже вспомнил его имя, ибо многие годы во всех своих трудах полемизировал с его пророчествами. Правда, в какой-то момент ему опротивели не только мрачные пророчества оппонента, но и сама его личность, которую он посчитал лишней на этой грешной земле, и нынешний директор ИПЗ, в то время ученый секретарь института, обнародовал в газете "За мирную жизнь" статью, где разоблачал лжепророка, но уже не с научной, а с идеологической стороны, называя его предсказания "вредными и опасными для мирного труда народа, которого надо не предостерегать и пугать, а

вселять в него уверенность и силу". Это случилось незадолго до выборов нового состава Академии, где за много лет освободилось место академика по тектонике. Оппонент после этого исчез не только с научного горизонта, но, как казалось фемудянину, и вовсе из бытия священного полнодышащего... И как легко исчез, удивительно просто, одна коротенькая статья перевесила кипу трудов с расчетами и математическими подсчетами, картами и схемами, стоило ее бросить на весы судьбы пророчествующего идеолога.

"Ба! - с досадой подумал академик-фемудянин. - И его, значит, освободили из мест не столь отдаленных, признав невиновным... Мне претит эта государственная мягкотелость. Посадили, так уж держите до конца, сгноите, но не отступайте. Где это слыхано, чтобы держава признавала свою несправедливость по отношению к собственным гражданам? Моя родная Фемудя-ния держалась до конца, не давая ни секундного послабления, - и выдержала столько ударов! А тут что? Врагу официальной науки снова дают трибуну, и он рвет и мечет с еще большим остервенением, как пострадавший... Нет на вас Сталина!"

Академик-фемудянин уже готов был полемизировать, но, увидев снова Давлятова, успокоился было, подумал: "Этого я не знаю, и не мое дело, какой он бред несет. Пусть за эту серую мушку берутся равные ему коротко-крылые мушки, мечтающие пробиться в Академию..."

Но все же в душу его вкралось беспокойство. Напряженная жизнь создала даже из такой закаленной породы людей, к коим относится наш фемудянин, некую новую породу любителей беспокойства, которые часто во вред себе, да и другим, предпочитают возбуждение спокойному и размеренному существованию. Беспокойная жизнь сделалась привычной для академика, и ему тут же захотелось разгадать загадку мелькания на трибуне то Давлятова, то незнакомого знакомя.

Если осужденный по его доносу фемудянский лжепророк действительно явился сейчас пред очами академика, то он может закрутить такую суету! Будет ходить из одного учреждения в другое, писать жалобы, пытаясь опорочить честное имя ученого. Посему он, как человек беспокойный, решил сразу же действовать, чтобы не оказаться застигнутым врасплох... мелькнула даже мысль послать телеграмму своему заместителю в ИПЗ, чтобы тот временно брал бразды правления в свои руки... мол, научные обстоятельства вынуждают академика остаться пока в Шахграде...

И в тот самый момент, когда возвышающийся на трибуне Давлятов снова обратился к притихшему залу с вопросом: "Прошу! Какие будут ко мне вопросы?!" - фемудянский академик сделал произвольный жест, словно усомнился, говорит ли Давлятов своим голосом, или за него спросил некто, в свою очередь спрятавшийся в пустоте трибуны.

Жест его был таким выразительным и полным патетики, что излучил электричество, послав его пучок прямо в лицо Давлятову, отчего Давлятов вздрогнул, зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что в первом ряду, где только что развалился академик-фемудянин, сидит на его месте не кто иной, как сам Шаршаров, точь-в-точь повторив выразительный жест академика...

- Неужто сам месье Шаршаров?! - удивленно воскликнул, нервно ухватившись за края трибуны, оратор. - Прямиком из Парижа в наш захолустный град?

Председатель конгресса, почувствовав, что назревает скандал личного характера, поспешил встать и заявить:

- Сегодняшнее заседание окончено... После небольшого перерыва для участников конгресса будет дан концерт... И еще одно краткое объявление: замечено, что некоторые делегаты каким-то ловкаческим способом приобрели по два талона для входа в закрытый магазин импортных товаров. Приказываю, во избежание недоразумений, вернуть второй талон в бюро обслуживания конгресса... Можно, так сказать, инкогнито, не раскрывая фамилии...

Давлятов досадливо поморщился от всей этой чертовщины председателя, умышленно сделавшего так, чтобы обсуждение важного, имеющего отношение к самому существованию миллионного Шахграда выступления - закрыть. А всех отвлечь какими-то талонами и магазином, продающим импорт. Сойдя с трибуны, Давлятов вздрогнул, заметив, как фемудянин, пронзительно, словно мучаясь от неразрешимой загадки, смотрит на него в упор.

У Давлятова тоже мелькнуло что-то смутное... да, ведь Шаршаров... Неужели он был так возбужден, выступая с чрезвычайным сообщением, что померещилось?.. И чтобы как-то скрыть свое смущение, Давлятов обратился к академику с неожиданным вопросом:

- У вас два талона?

- А у вас? - не растерялся фемудянский академик.

- Ни одного... Правда, я не прочь иметь, но говорят, президиум Академии принял решение обарахлять импортом только академиков и докторов наук, вместе с их домочадцами... Я же всего лишь сотрудник...

- Странно, а я-то, слушая ваше сообщение, подумал, что и вы в числе счастливых талоннообладателей. Так все было смело и доказательно! Уверен, если бы вы выступили с подобным сообщением где-нибудь на парижском конгрессе, вас бы единодушно избрали членом всеевропейской Академии наук и искусства... Тогда, как вы сами догадываетесь, не нужны были бы никакие талоны - весь импорт у ваших ног...

- Интересно, - задумчиво начал Давлятов, идущий рядом с академиком к выходу и не замечающий любопытных взглядов, устремленных к его персоне. Вы упомянули Париж... а мне тут, среди делегатов, привиделся некий месье, бывший наш гражданин, который выехал в Париж... Правда, потом до меня дошли слухи, что он слезно просился обратно, в Союз, и его вроде бы простили... Беллетрист-сочинитель, - усмехнулся Давлятов, подавив накатившую обиду. - В Москве он, как член Союза писателей, тоже иногда был включаем во время разных Чтений и Дней литературы в список талонополучателей на импорт, но там, в Париже, говорят, он не только импорт, и родную русскую водку не мог себе позволить... Шаршаров некий...

- Добровольный мученик, значит? - помрачнел академик-фемудянин. Выходит, протрезвел... на пользу ему пошла недоступность отечественной водки в Париже... Зато вы, я чувствую, никак не желаете трезветь. Ничему не научил вас конфуз с "Белой медведицей". И здесь, в Шахграде, сегодняшним своим поведением... экстравагантным сообщением... ведь вами двигало, признайтесь, желание мученичества?

- Вы-то откуда знаете про альманах? - с вызовом спросил Давлятов, уже выходя на улицу.

Как же не знать?! Читал. И видел ваше имя среди авторов... Я ведь как-никак тоже руководящий работник, пусть научного института, и все, что идет вразрез с нашей моралью, размножается в энном количестве экземпляров и строго по списку рассылается руководящим работникам для ознакомления и принятия мер...

- Как талоны - по списку? - усмехнулся непроизвольно Давлятов.

- Точно так, - ничуть не обидевшись, миролюбиво подтвердил академик-фемудянин и положил руку на плечо Давлятову: - Чтобы закончить разговор о талонах, предлагаю вам один из моих двух. - И ловко, незаметно для выходящих из зала конгресса сунул какой-то треугольный металлический жетон в карман Давлятову.

Не успел Давлятов возразить, как фемудянский академик быстро сел в машину и уехал, а Давлятов остался, сжимая в руке жетон и чувствуя, как холод металла остужает его пыл. Сложные чувства смешались в его душе: талон вроде бы приравнивал его к избранному узкому кругу делегатов конгресса, хотя и приобретен обманным путем почтенным академиком, который напомнил Давлятову историю четырехлетней давности - альманах. И это не могло не добавить горечи. И духовный отец "Белой медведицы" - Шар-шаров, промелькнувший среди

делегатов, как привидение... И Айтзаров, и весь отдел артезианских колодцев, возмущенный хамским поведением своего сотрудника, опозорившего их перед лицом всего конгресса, если не сказать - всего ученого мира... Давлятов, едва увидел Айтзарова в окружении сотрудников отдела, решил проявить то ли понимание... то ли очередную дерзость от непонимания, - словом, бросился он к шефу с недвусмысленным вопросом:

- Простите, Марат Авдеевич, мне сейчас подавать заявление об уходе или повременить до окончания конгресса?

- Как хотите! - пожал плечами Айтзаров и резко свернул в сторону. Порыв шефа, увлекший за собой весь отдел подальше от зарвавшегося сотрудника, как бы взбодрил Давлятова, и он суетливо заторопился к трамвайной остановке... а когда уже бежал по своей улице, сквозь сумерки разглядел этого маленького, неравномерно толстого, с узкими глазами, излучавшего холод и тайный, жуткий смысл, бледного, матово-белого типа, которого уже встречал раньше, в Москве, в Ярославле, куда ездил, будучи студентом, - поглядеть на русскую старину... и вот теперь он столкнулся с ним снова, здесь, в Шахграде, и опять он был не один, а с маленькой, косолапой женщиной, такой же узкоглазой и в упор смотрящей. Оба они стояли, прислонившись к дереву, будто дожидаясь его, и пробегающий мимо Давлятов досадливо махнул рукой в сторону человечка и сказал:

- Подожди, мне сейчас не до тебя... - И через минуту был уже возле дома с ключом от почтового ящика, откуда извлек какой-то конверт и, на ходу разрывая его, машинально толкнул ворота...

- Шарлатаны! - возмущенно воскликнул Давлятов, пробежав глазами то, что было напечатано и размножено на простейшей машине - ротаторе, под крупным заголовком: "ВНИМАНИЕ! ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ!", отшвырнул листок вместе с конвертом на стол, но что-то словно отрезвило его и заставило призадуматься. Давлятов снова стал читать, но медленно, вникая в смысл...

"Сегодня, около десяти часов вечера, или завтра в это же время, или в течение этой недели, но не позже тридцати дней, в Шахграде произойдет ! сильное, десятибалльное землетрясение. Новый, сверхчувствительный прибор, созданный в содружестве с лучшими умами всех национальностей союза, с привлечением прогрессивных зарубежных сейсмологов, определил место и предполагаемое время катастрофы..." Строго предписывалось в связи с этим как можно меньше находиться в помещениях, запастись едой и питьевой водой, а стариков и детей отправить подальше за пределы града, к родственникам и знакомым в деревни и маленькие соседние города. Вместо подписи солидного учреждения, обычно обращающегося к гражданам по тем или иным жизненным вопросам, было выведено: "ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ СПАСЕНИЯ".

Странно, не тревога охватила Давлятова, а радость, замешенная на злорадстве.

- Каково?! - громко спросил он себя. - Быстро же распространилась сенсация конгресса по городу! Отрезвила! Правда, вкралась какая-то чепуха с этим мифическим прибором... Но все остальное, главное - держится на моих расчетах: сегодня или в течение недели, но не позже месяца... Похоже, в самом градсовете сидит мой неведомый покровитель. Всесильный. Может быть, сам председатель Адамбаев, сэр Шахграда. Вот везенье! Наконец-то пробил мой звездный час! Весь наш отдел во главе с Айтзаровым, весь институт, весь Всесреднеазиатский конгресс посрамлен... - Но тут злорадство Давлятова сменилось чувством ущемленности. - Но что это за Совет? Откуда он взялся? И почему не пригласили меня председателем или, на худой конец, членом президиума? Вот так всегда: плодами духа избранных пользуется масса середнячков... Но я уверен, мое авторство как предсказателя землетрясения рано или поздно будет восстановлено...

Давлятов машинально глянул на часы: без трех минут девять. Забеспокоившись, вышел во двор и увидел возле распахнутых ворот того самого соседского мальчика - Батурбека, который утром принял его за другого и крикнул вслед: "Как спалось, дядя Салих?"

- Дядя Руслан, вас отец требует к себе, - сухо сказал он.

- Бегу! - живо откликнулся Давлятов, зная, что отец мальчика не любит ждать, потому что считает себя благодетелем Давлятова. И действительно, в первый, самый трудный год, когда Давлятов еще только приживался в Шахграде и к нему почти каждый вечер, по наущению каких-то недоброжелателей, навевалась милиция, пытаясь уличить его в пьяных оргиях и драках, этот руководящий товарищ, персональная машина которого утром с ходу обогнала трамвай, увозящий на конгресс Давлятова, не раз выручал соседа, приказывая милиционерам оставить его в покое.

Благожелатель встретил Давлятова в своем дворе, сидя в кресле с непроницаемым, вельможным лицом.

- Добрый вечер, Наби Саидович! - бодро приветствовал его Давлятов, еще издали заметивший на коленях покровителя тот самый лист ОСС с предостережением.

- Это все правда? - без лишних слов строго спросил хозяин дома. В глубине души он был так расстроен, что даже не предложил Давлятову сесть рядом с собой в пустующее кресло, хотя место это всякий раз отводилось Давлятову,

- Отчасти - да, - набравшись смелости, ответил Давлятов.

- Я не люблю этого трусливого, половинчатого слова "отчасти". В наше время уже ничто не может быть половинчатым. Мы всё привели к единому, неделимому, мы потрудились для этого. И, в частности, институт, который я столько лет возглавляю. - Этот неожиданный переход от сдержанной угрюмости и словоохотливости был, как отметил во время многочисленных бесед с ним Давлятов, характерной чертой Наби Саидовича Нахангова. - Тридцать лет назад, когда я только возглавил институт, он имел вывеску "Институт истории религии", лет пятнадцать назад мы переименовали его в "Институт атеизма", а сейчас он носит название "Институт истории атеизма". Чувствуете движение от истории религии до истории атеизма? Кому интересна история того, что уже не существует? Скоро, когда мы переживем и эту эпоху - эпоху сплошного, неделимого атеизма, отпадет надобность и в самом атеизме и в его истории. Тогда мы спокойно сможем закрыть наш институт... Но и сейчас никто бы не почувствовал отсутствие сего института... Там, где нет религии, и антирелигия не нужна... Впрочем, может, это верно, что институт пока держат... на случай вот таких чрезвычайных происшествий, могущих кое-где возродить суеверие... В вашем гнилом, соглашательском словечке "отчасти" звучат нотки такого суеверия...

- Я сказал - отчасти, - засмеялся Давлятов, - имея в виду этот сверхчувствительный прибор, упомянутый в сообщении ОСС... Такого прибора в природе нет. Иначе я о нем что-нибудь слышал бы на сегодняшнем конгрессе...

Нахангов в сердцах швырнул на землю полученный по почте листок и пояснил:

- В том, что вы сказали, опять сквозит половинчатость, притом та опасная половинчатость, которая не нейтральна по отношению к своим двум половинам, а создает конфликтную ситуацию... Вот первая половина: я звонил самому председателю градсовета Адамбаеву, и он заверил меня, что градсовету ничего не известно о предстоящем землетрясении. И что ОСС - это кучка шантажистов, которых необходимо немедленно вывести на чистую воду... Вторая половина: подобный прибор должен существовать, и он создан, он есть, я уверен! Иначе всякое землетрясение или другое стихийное бедствие мы будем предсказывать, основываясь на мистических пророчествах, интуиции, предчувствиях животных - собак, змей, чему я тоже не верю! - Нахангов глянул на часы. - Половина десятого... Еще есть минут пятнадцать двадцать. -

И, заметив, как Давлятов побледнел, неожиданно встал и предложил, показывая на металлическую дверцу, чернеющую в конце двора, встроенную так, будто от нее ступеньки ведут вниз, под землю: - Если хотите, можете переждать в нашем семейном бункере. Там есть все - запас еды, вода, а главное - удобство и комфорт не уступают первоклассной квартире на поверхности...

- У вас есть бункер? - из вежливости переспросил Давлятов.

- Да, мне, в числе других тридцати руководящих работников града, был построен бункер, который выдержит десятибалльное землетрясение... атомное нападение и прочую чертовщину...

- Значит, всего тридцать по городу? - загадочным тоном спросил Давлятов.

- Да, жизненные артерии града - канализация и газоснабжение, электричество и общественный транспорт - все может продолжать функционировать, даже если никого не останется из миллиона, кроме нас, тридцати руководителей... Ну, будьте здоровы, - показал явное беспокойство хозяин, снова поглядывая на часы, и заспешивший к выходу Давлятов услышал, как заботливый муж и отец зовет в бункер своих домочадцев: - Наргиза! Шурбек! Батурбек! Улугбек! Живо! Живо! Бабушку возьмите под руки...

V

Торопливо удаляясь от дома своего благодетеля, Давлятов подумал: "Почему они так откровенны со мной? Или такая у них манера - подчеркивать перед простыми смертными то, что держатся они на особом положении. Бункеры лишь для тридцати человек из всего миллионного града... А откровения академика о том, что альманах был размножен и разослан ограниченному кругу доверенных... Почему не отпечатали для всех - тысяч и миллионов? Значит, альманах был не того уровня, а "отчасти" или "между", что так возмутило Нахангова... Всякая глупость лезет в голову, - упрекнул себя мысленно Давлятов, - а время между тем приближается к роковым десяти..."

Давлятов только сейчас заметил, как из всех ворот напряженно выглядывают соседи. Видя, что и сам сейсмолог в панике устремился по направлению к площади, выбежали вслед за ним из домов целыми семьями, неся на руках младенцев, поторапливая стариков и немощных старух. У многих, как охранные грамоты, были листы с предостережением. Те же, кто только сейчас возвращался домой со службы, пребывая в святом неведении, удивленные картиной массового бегства, застыли на месте с открытыми ртами, затем бросались к почтовым ящикам, рвали конверт, читали вслух и присоединялись к бегущим паникерам.

Но не все в этот вечер поддались страху. Нашлись и смельчаки, оставшиеся дома, чтобы испытать судьбу, - те, кто сумел как-то через постоянно замкнутые телефоны прорваться в градсовет и получить разъяснение. Но и оставшиеся на всякий случай вышли к десяти часам во двор, стали в безопасные места, проявив трезвую предусмотрительность, хотя в целом по всему городу такой предусмотрительности не ощущалось, сколько помнили себя шахградцы, такого по почте они никогда не получали землетрясение, какой бы силы оно ни было, всегда настигало их врасплох, и еще проходило два или три дня, прежде чем телевидение и газеты сообщали в прошедшем времени о силе пробежавшего землетрясения.

В этом случае обо всем было заранее оповещено, поэтому в массе своей шахградцы не знали, как вести себя. Лишь такие, как Нахангов, догадались позвонить в градсовет или дежурному в ИПЗ. Первый порыв был естественный: не раздумывать долго, не звонить, не узнавать, не прятать, не спасать, а, поддавшись общей панике, бежать туда, куда бегут все, - на площади, скверы, в парки и стадионы - открытые места, подальше от высотных домов, заводских, водонапорных и телевизионных башен...

На футбольном поле, куда прибежал Давлятов, уже собралась гудящая толпа. Предутренние толчки, которые обычно к вечеру уже забывались, сейчас были предметом споров. Говорили разное, даже фантастическое. Шахг-рад стоит на море минеральной воды, которую много лет разливают в бутылки с этикеткой "В здоровом теле - здоровый дух", и, сколько бы ее ни пили, не смогли всю выпить граждане, - эта вода и затопит нынче город. Тревожные были лица, хотя попадались и такие, кто пытался отшутиться... Часы на башне у центрального сквера вдруг забили... раз, два, три - будто что-то надавило, толпа вся сжалась, - восемь, девять, десять... Все продолжали напряженно слушать, поглядывая друг на друга, а через несколько минут, когда все поняли, что ничего не произошло, разом отпустило напряжение, заговорили, засмеялись, но не расходились, чтобы вдоволь посмеяться в душе над собственным страхом.

Кто-то тронул Давлятова сзади, Давлятов вздрогнул от неожиданности и увидел Мирабова, врача, который лечил его от нервного истощения, вдовца одного с ним возраста; время от времени, хотя и очень редко, они встречались где-нибудь в кафе, чтобы поболтать о городских новостях.

Встреча их обрадовала, они невольно обнялись, хотя подобной сентиментальности в их отношениях до сего дня не наблюдалось.

- Рад видеть вас, доктор, искренне! - разволновался Давлятов.

- Да, если бы не эта всеобщая мобилизация, навряд ли увиделись бы! шутливо проговорил Мирабов - человек тихий и сгорбленный, выглядевший намного старше своих сорока лет.

- Интересно наблюдать за массовым поведением, - наклонившись к Мирабову, сказал Давлятов, - тем более когда сам все предсказал...

- Как?! - удивился доктор. - Неужто вы?.. И по вашей воле были разосланы сотни тысяч конвертов с предостережением?

- Это просто совпадение... хотя, впрочем, не знаю... Сегодня я выступал на конгрессе с прогнозом будущего сильного землетрясения, а спустя несколько часов - эти конверты в почтовых ящиках... Впрочем, удивляться нечему. При системе оповещения, которая в нашем граде хорошо отлажена... Не беспокойтесь, о новом всемирном потоке мы узнаем в ту же минуту...

- Что от того, что узнаем? - шутливо возразил Мирабов, приглаживая усы. - В человеке уже давно дает сбой система поведения при опасности. Кроме паники, которая парализует ум и волю, другие естественные реакции у нас атрофированы...

Давлятов хотел бы развить мысли Мирабова, которые нашли в его душе отклик, но не успел. Подталкиваемый со всех сторон беспокойной толпой, к ним приблизился старик каракалпак, который уже раньше мелькал то там, то сям, расспрашивая всех о чем-то.

- Вам случайно не встречалась верблюдица с белым пятном на боку? обратился он к Давлятову так, будто наконец-то нашел того, кто ему поможет...

- Мне? - слегка растерялся Давлятов. - Не припомню... хотя, впрочем...

- Я приехал вчера к знакомому казаху, остановился у него на ночлег. Землетрясение напугало мою верблюдицу, она сорвалась и бросилась в темноту из ворот... - Каракалпак с тревогой всмотрелся в Давлятова: - Где я мог вас видеть? Мне знакомо ваше лицо...

- И мне ваше тоже, - признался Давлятов нехотя. - Не приходилось ли вам бывать в Москве, на Всемирной скотоводческой выставке?

- Был, бью, - будто обрадовался старик, - но, помню, заблудился в большом городе. И помер бы уже, не найдя Дома колхозника, если бы не магическое копыто...

- Ах, вон оно что?! - насторожился Давлятов и решил не признаваться, что действительно видел верблюдицу с перерезанным горлом и как мужчины с кривыми ножами разделявали потом ее тушу... - Нет, верблюдицу вашу не видел... - И повернулся к Мирабову, все это время с

удивлением наблюдавшему за ним, чтобы понять, где Давлятов искренен со стариком, а где пытается уйти от ответа... - Да, вы правы, паника - массовый психоз...

Не желая выдать своего нервного состояния, Мирабов опустил голову... Толпа сдвинулась, надавила и словно поглотила его, и вместо Мирабова Давлятов неожиданно увидел рядом Нахангова, который, подняв голову, иронически усмехнулся:

- Ну, это слишком громко - насчет массового психоза...

- Вы?! - Давлятов инстинктивно поднял руки, словно ожидал удара. - Вы ведь спустились в свой бункер?..

Толпа снова раздвинулась, выпустив вперед Мирабова, - удивленно пожав плечами, врач спросил:

- Вы о бункере? Да, я слышал, что их стали строить избранным, но не думаю, чтобы это было спасением, когда миллионный город загонят под землю, и наступит массовое безумие, о котором вы только что сказали...

Около одиннадцати, потоптавшись на одном месте почти час, стали постепенно возвращаться в свои дома, но сначала уходили робко, все еще сомневаясь. А когда расходились уже большими группами, Давлятов решил проститься с Мирабовым.

- Теперь мы будем видеться каждый вечер, может быть, в течение всего месяца. А там, как говорится, что судьбой начертано, - мрачно проговорил Давлятов, всматриваясь в темноту.

- До завтра! - махнул ему рукой врач и, чуть прихрамывая, ушел в сторону своего дома. - Спокойной ночи!

- Спокойной земли!

В тревоге, словно боясь слезки, Давлятов вернулся на свою улицу. Проходя мимо ворот Нахангова, напряг слух.

- Все возвращаются, - услышал он голос своего благодетеля. - И нам пора покидать бункер. Живее! Живее! Помогите подняться бабушке...

Давлятов вздохнул с облегчением и ступил через порог дома, все еще не веря, что сумасшедший день уже позади - день, как потом выяснилось, перевернувший всю его жизнь...

Не утихшая даже во время сна лихорадочная мысль о конференции чуть свет разбудила Давлятова. Второй день конференции, судя по изменившейся ситуации в граде, ожидался с новым, может, и вовсе неожиданным поворотом... словом, мог выйти из заранее утвержденного Академией наук регламента. Все предвещало именно это...

Шагнув за ворота, Давлятов глянул на стены своего дома, как бы оценивая их прочность. Отойдя на приличное расстояние, остановился, чтобы приглядеться повнимательнее. Впервые так пристально всматривался он в родовой дом с наружной его стороны, замечая несколько необычную, будто сдвинутую с фундамента форму. Дом был не строго четырехугольный, а окруженный стенами, местами срезанными, местами согнутыми, - словом, передняя его часть казалась заостренной, как нос самолета, бока покатые, а задняя часть разделена на два острых угла... Невольно вспомнишь суеверные слухи о том, что дом будто бы держится то ли на таракане, то ли на черепахе и в роковую ночь покачнулся, до смерти напугав отца.

Прежде чем свернуть за угол, Давлятов услышал какую-то возню за спиной. Оглянулся и увидел, как тот маленький, с узкими глазками, излучавшими холод, подхватил свою подругу на руки, забежал в ворота его дома, и оттуда сразу же раздались визг, хохот... Давлятов хотел было броситься обратно, чтобы поймать их и посрамить, но тут из улицы вынырнула машина его благодетеля, Нахангов, открывая дверцу, вялым жестом пригласил его к себе на заднее сиденье.

- После вчерашнего столпотворения среди населения отмечены признаки суеверия, - начал по-деловому Нахангов. - Мы должны под эгидой нашего института созвать конференцию,

чтобы убедительными примерами в самом зародыше подавить суеверие...

- Опять - конференция? - невольно вырвался у Давлятова глупый вопрос.

- Я и вам позволю выступить на ней... То, что я скажу сейчас о смерти религии, поможет вам хорошенько подготовиться... Так чем мы умертвили религию? Ее множественностью. Будь религия одна для всех, она бы сразу не рухнула словно подкошенная... Мы сумели выиграть на ее множественности. Смешали в сознании современного человека все религии, загнав мусульманство в христианство, иудаизм в языческую веру, буддизм причудливо вплелся в манихейство. Словом, все искусно смешали, чтобы заставить всех поверить: религия - большая ложь. Образ бога стал вредным, несносным для души знаком... Вы полукровка, как и в массе своей все наши граждане, - наше природное тесто замешено и на поте Христова чела, и на пыли конниц Мухаммеда... кто же благословил нас на наши дела? Сам Христос! А Мухаммед пошел дальше. Тут уже было не до сентиментального поцелуя, когда меч был аргументом в споре... Мухаммед указал нам финал истории религии, ее нынешний конец.

- Пожалуй, это так, - торопливо промолвил Давлятов, заметив, что подъезжают они к зданию ИПЗ со стороны конференц-зала.

- До вечера, - кивнул ему подбадривающе Нахангов, - до без десяти десять...

Академик-фемудянин, почти одновременно с ним подъехавший к залу, увидел Давлятова... и как только строптивый сотрудник закрыл за собой дверцу машины, создалась иллюзия, будто его заслонили входящие в зал... и от машины торопливо отошел тот самый с измученным лицом, словно побитый камнями, и несчастный...

"Он и сегодня здесь, - мелькнуло у академика-фемудянина. - Как же его звали? Как же? Салих... да, да, Салих. За ним! - скомандовал он себе. Только за ним и ни на секунду не терять его из виду..."

Несмотря на свой солидный возраст и положение, он бросился бегом по ступенькам, и, услышав шаги, Давлятов удивленно повернулся... Шаршаров бежал за ним.

- Так это вы?! - помрачнел Давлятов, сжимая кулаки. - Я-то вчера подумал - померещилось... господин хороший парижанин...

- Вы это мне? - остановился на верхней ступеньке академик-фемудянин и посмотрел назад, думая, что тот, по чьему адресу зло иронизирует Давлятов, идет следом.

Во Дворце конференций сегодня все оказалось не совсем обычным: зал, куда устремился Давлятов, был заполнен пока наполовину, в то время как высокий президиум уже собрался в полном составе. Академики с нескрываемой досадой поглядывали оттуда на пустующие ряды кресел, как бы чувствуя себя виноватыми перед новым официальным лицом, которое сидело рядом с президентом конгресса. Это был не кто иной, как сам председатель градсовета Адамбаев - один из тридцати избранных, кто имел право в момент землетрясения скрываться в собственном бункере.

Едва все расселись по местам, президент объявил второй день конгресса открытым и добавил, что событие, имевшее место вчера вечером в городе, невольно меняет программу нынешнего заседания... но обо всем этом лучше всех скажет уважаемый председатель градсовета, который, несмотря на занятость тысячами неотложных дел, нашел время приехать сюда...

Адамбаев встал, но с минуту молчал, как бы подбирая самые точные слова.

- Вы знаете о предупреждении, которое все жители нашего града получили по почте, - уверенно-бесстрастно начал он наконец. - Часть горожан поверила слухам. Начиная с половины десятого вечера группами, целыми семьями и поодиночке стали покидать свои дома и собираться на площадях, в скверах и других открытых местах. Нарастала паника. Вчерашний вечер пока еще не принес ощутимого вреда производственной и общественной деятельности

нашего града, хотя нам, политикам, более чем кому-либо, известно, что граждане, спавшие ночь плохо, беспокойно, а то и вовсе лишенные сна, хуже, чем в обычные спокойные дни, трудятся на своих рабочих местах. Сегодня вечером мы будем иметь точные данные о спаде производительности труда... Но если подобное будет продолжаться и сегодня и завтра - и так на протяжении месяца, как сказано в этом провокационном предупреждении, - спад трудовой активности в городе постепенно достигнет низшей точки... Все другие последствия каждодневного напряжения в городе будут прогнозироваться, но и сейчас каждому из сидящих здесь ясно, что последствия эти могут быть самыми отрицательными для жизнеобеспечения града... По иронии судьбы или по счастливой случайности, в эти трудные для града дни здесь оказались все самые лучшие умы сейсмологии, не только Союза, но и прогрессивных зарубежных стран. Ваша задача, опираясь на самые точные данные науки, разоблачить всякого рода слухи, домыслы, дать отпор злонамеренной провокации... Сегодня после закрытия конгресса приглашаем уважаемых академиков на наше телевидение, где мы устраиваем прямую передачу вопросов и ответов. Каждый, кто пожелает, может позвонить на телестудию и получить от вас самый исчерпывающий ответ по тревожащему его вопросу... Итак, уважаемые академики, прошу помочь нам. От вашего веского слова будет зависеть спокойствие и благополучие всех жителей нашего Шахграда...

Адамбаев сел тяжело, и рядом с ним президент конгресса показался совсем легким и суетливым.

- Есть вопросы к уважаемому председателю? - поспешно спросил он у зала, молча и угрюмо переваривавшего услышанное. Только один Давлятов ерзал все это время, часто поглядывая на фемудинского академика, который, словно пытаясь что-то разгадать в Давлятове, пронзительно сверлил его глазами.

"Что это вы?" - хотел спросить его Давлятов, но вопрос свой неожиданно адресовал не академику, а председателю градсовета, громко и во всеуслышание сказав:

- Что это вы?.. Надо штаб создать при градсовете - сегодня же, немедленно! Последствия ожидаемого землетрясения будут ужасны, а вы всё хотите свести к дешевой телевизионной передаче!

Как ни странно, ни зал, ни президиум ничем не среагировали на столь дерзкое заявление Давлятова - со вчерашнего его выступления все привыкли слышать от него одни лишь дерзости... чудак, сумасшедший, немало крутится их около науки. Впрочем, такие, пожалуй, даже нужны в серьезных конгрессах, как шуты гороховые... Президент поспешил наклониться к председателю и что-то объяснить ему, после чего оба язвительно хмыкнули, даже не удостоив Давлятова взглядом.

Один из немногих, кого задела выходка Давлятова, - гость, восточный немец, с самого начала работы конференции сконфуженный ее общим ходом и атмосферой. Многие выступления показались ему половинчатыми и несколько условными, не замешенными на политике. Он был удивлен и даже ошарашен тем, что не в Мехико, где также собирался конгресс сейсмологов, не в Скопле, а в Шахграде, являющемся одним из центров сейсмона-уки Союза, ораторы выступают с сообщениями, не подкрепляя свои научные доводы идеологическими догмами. А этот Давлятов даже украсил свое сообщение религиозной символикой, что для гостя с берегов Шпрее и вовсе казалось непозволительно: боялся он, что тенденция - отделять науку от политики - пойдет отсюда к его краям и тогда придется в корне менять всю работу возглавляемого им ИПЗ. Гость вскочил порывисто, прося слова. Ему дали вне очереди из уважения к стране, ни разу не испытавшей землетрясения.

- "Внимание! - стал читать гость заранее приготовленный с помощью переводчика текст. - Я считаю, что уважаемый конгресс должен дать отпор и навсегда уничтожить вредные взгляды

Давлятова... который сегодня еще раз повторил их. Впредь от всех выступающих необходимо требовать четкого политического подхода к таким сложным стихийным бедствиям, как землетрясение!"

Зал почти никак не отреагировал и на заявление немца, только несколько делегатов удивленно переглянулись, как бы говоря: каков иностранец? Приехал учить нас... Зато Давлятова слова немца не то чтобы возмутили, а, скорее, позабавили, и не сами слова, а тот акцент, с которым гость прочитал свое заявление. Давлятов долго всматривался в тщедушного с виду гостя, находя в его облике что-то трогательное, и крикнул ему, легко и весело, через весь зал:

- Вы конечно же образец истинного немца, высокочтимого и уважаемого на службе, прекрасный семьянин и отличный товарищ...

Гостя смутило то, что никто из академиков не поддержал его заявления. Сам же Давлятов, по адресу которого он прошелся, весело, без тени обиды ответил ему.

- Самое смешное то, - вдруг заявил обескураженный гость, - что в детстве я был на "вы" со своим младшим братом, и когда мы ссорились, это было так комически торжественно. Брат напускал на себя серьезный вид и восклицал: "Вы думаете, что мне больше нечего делать, как выслушивать ваши назидания?.."

Слова гостя показались Давлятову такими неожиданными и забавными, что он громко захохотал, хлопая себя по коленям, и крикнул:

- Здесь, в Шахграде, можете считать своим братом меня!

Гость открыл рот, не зная, что ему ответить, но тут все услышали слова президента:

- Президиум конгресса, посовещавшись, решил дать возможность делегатам подготовиться к столь ответственной телевизионной передаче. Поэтому сегодняшнее заседание объявляется закрытым раньше срока.

Необычное оживление охватило всех, сидевших доселе в угрюмом оцепенении, словно были это не солидные ученые мужи, а школьники. Необычные острые реплики, которыми обменялись через головы сидевших Давлятов и немец, настроили всех на легкомысленный лад.

Выходя из зала, Давлятов догнал своего шефа по отделу и еще раз подчеркнуто спросил:

- Извольте сейчас получить мое заявление об уходе... или, может, в тот день, когда разверзнется земля?

- Думаю, не стоит откладывать... - мрачно молвил Айтзаров и хотел для убедительности добавить: "...после того, как вы опозорили нас в глазах зарубежных гостей", но посчитал это излишним.

- С готовностью! - воскликнул Давлятов и сунул ему в руки сочиненное накануне заявление. Побежал по ступенькам, заметив в толпе делегатов фигуру фемудянского академика... что-то загадочное потянуло к нему, тревожащее, со вчерашнего дня не дававшее покоя... хотя мелькание то там, то сям Шаршарова все время рядом с фемудянином могло быть и случайным, никак с академиком не связанным. Но желание наконец объясниться с духовным отцом "Белой медведицы", долго ведшим за собой ее авторов, как несведущих в большой политике овечек, и предавшим их всех ради своей личной выгоды, было до того сильным, что Давлятов решил где угодно и как угодно разыскать Шаршарова.

Но Давлятов опять не успел. Фемудянский академик быстро сел в машину и захлопнул дверцу, и в отъезжающей машине Давлятов разглядел лишь знакомый затылок Шаршарова.

Чтобы как-то развеяться, Давлятов пошел пешком, с каждым шагом чувствуя себя освобожденным от тяжести. Эта легкость отчасти объяснялась тем, что в его кармане и сегодня не было пятака на трамвайный билет. К тому же он оставил службу в ИПЗ и теперь был свободным, как и в первые дни возвращения в Шахград. Впрочем, те дни совсем не были

похожи на эти и та свобода на эту. Там была свобода одиночки, сейчас же он ощущал мучительную связь со свободой всех шахградцев, которым предрекал близкий конец, и оттого заранее чувствовал себя стесненным многими правилами, привычками и запретами... Словом, растворялся в массе, причастной к ее тревогам и заботам. И оттого, всматриваясь в лица прохожих, замечал как бы две волны настроения - настороженность взрослых, должно быть уже с утра наслышавшихся всяких противоречивых суждений о том, ждать ли сегодня, ближе к десяти часам вечера, предсказанного землетрясения, или все это, как вчера, окажется блефом. Телевидение, которое уже трижды передало сообщение о сегодняшнем "Вечере вопросов и ответов" с участием самых авторитетных сейсмоученых Союза, лишь усилило кривотолки.

Вторую волну настроения несли толпы школьников, которые, громко крича, смеясь и споря, радовались тому, что занятия в школах града отменены.

Толпа подростков, пробегающая мимо по тротуару, оттеснила Давлято-ва к стене какого-то дома. Он машинально поднял голову, как бы ожидая, что шестнадцатизэтажное здание сейчас рухнет... И почувствовал облегчение, когда увидел, что из-за угла этого дома вышел торопливо Мирабов, забывший снять свой белый халат.

- Ба, мы встретились с вами не как договаривались, в десять вечера, на прежнем месте, а гораздо раньше, - так многословно приветствовал он Давлятова.

- Сейчас все непредсказуемо, - загадочно произнес Давлятов, пожимая Мирабову руку.

- Вы правы. Кто бы мог подумать, что за одну вчерашнюю ночь мне придется побывать по срочным вызовам в десяти домах моих знакомых. Приступы стенокардии, гипертонические кризы, инсульты... Все это от напряжения, ожидания десяти часов вечера... А сегодня нашей больнице пришлось принять в два раза больше больных, чем обычно. Уверен, завтра, послезавтра их будет еще больше. Хотя больница и без того переполнена всегда... Пардон, я даже не успел снять халат. - Мирабов уже начал было снимать халат, но почему-то передумал. - Знаете, я решил понаблюдать, меня интересует, что чувствуют отдельные индивидуумы перед землетрясением...

- Заманчиво, - неопределенно сказал Давлятов и предложил: - Перекусим где-нибудь?

- На первом этаже Дома ветеранов есть кафе, где я обычно ужинаю, кивнул Мирабов в сторону коричневого дома. Давлятов досадливо поморщился, будто жалея о своем предложении.

- Нет, уж лучше давайте на воздухе, где-нибудь в сквере. - И оба как-то вымученно засмеялись, направляясь в сторону сквера. Не успели они сесть на плетеные кресла, как тут же к ним подбежал молодой человек с чаплинскими усиками и спросил:

- Не желаете застраховать жизнь, имущество, дом?

Сидящие сделали вид, что не расслышали, и госстрах подскочил с тем же вопросом к соседнему столику.

- Странные дела, - сказал Мирабов, наконец-то решивший снять с себя докторский халат... И Давлятов вздрогнул, увидев, как Нахангов наклоняется к нему через столик, говоря: - Очень странные... Вчера градсовет уверял, что не имеет отношения к предостережению. А сегодня утром от имени градсовета звонили во все районы, чтобы отпустили школьников по домам на случай... - Мирабов не договорил, с опаской поглядывая по сторонам, будто говорил о чем-то предосудительном. - Такие же звонки были из градсовета в детские сады и больницы насчет тех, кто болен не тяжело...

- Прямо конец света! - развел руками смущенный Давлятов.

- Да о каком конце света вы говорите? - вдруг сделался серьезным Мирабов. - Никакого конца света не будет по той простой причине, что все мы не готовы ко всеобщей гибели... Каждый, как и прежде и всегда, будет умирать в одиночестве, ибо шахградец наш эгоистичен,

живет собой и думает о себе... Гибель целого града - это такое грандиозное событие, когда каждый индивидуум, проникаясь чувством общности, переживает этот момент не как личную трагедию, а как трагедию всех шахградцев вместе... Гибель шахградцев - не кара за грехи, - снова склонился к Давлятову Нахангов, его сосед-благодетель, - а залог нового, грядущего обновления нашего Шахгрзда... И пусть пророки, появившись среди извращенных, безнравственных, не пугают их карой. - Мирабов вытер со лба пот и снова развалился в удобной позе в кресле. - Извращенные, уподобившиеся волкам, не боятся конца света, их мысль, ничтожная душа не может почувствовать весь трагизм данной ситуации. Они в лучшем случае боятся за свое личное благополучие, которому может грозить сосед, сослуживец, родственник. И пока люди таковы, конца света не будет, ибо эта жизнь сама дана им как кара. Эта жизнь будет тянуться еще миллион лет. А конец света не кара, а избавление... Спасение шахградцев в новом, более высоком рождении...

Давлятов с утомленным видом выслушал его и махнул рукой:

- Это я так сказал, для красного словца, о конце света, а вы уже рады пофилософствовать. Конечно же каждый думает прежде всего о своем спасении, спасении своих близких. Это естественно. Но ведь речь идет не о войне. Речь о природной стихии, слепой, жестокой... Где уж тут до философии, нищестанства?

Площадка, где они сидели и жевали сосиски, то ли от загромыхавшего неподалеку трамвая, то ли от поезда метро, промчавшегося под землей, дрогнула и задрожала. Все насторожились, побледнели, двое-трое испуганно вскочили с мест... Давлятов с Мирабовым тоже поспешили встать, чтобы попрощаться.

- До встречи в десять! - махнул рукой Мирабов.

- Кто знает, - скептически усмехнулся Давлятов, - может, встретимся, а может... - И, не закончив фразу, он свернул за угол. Только теперь, оставшись один, он в полной мере осознал свое положение - человека, оставшегося без работы, и не по чьей-то злой воле, а исключительно из-за своего вздорного поступка.

Чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей, Давлятов раскрыл газету, случайно оказавшуюся на их столике в сквере, - "Шахградскую правду", и взгляд его остановился на некрологе:

"Некоторое время назад в одной недружественной ближневосточной стране пропал при загадочных обстоятельствах известный кинорежиссер, заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной премии К. К. Абду-Салимов, ездивший туда с творческими целями. Наше посольство неоднократно обращалось к официальным лицам данной страны с просьбой сообщить о местонахождении К. К. Абду-Салимова. Официальные представители каждый раз давали крайне противоречивые сведения о судьбе кинорежиссера. К сожалению, не внес ясности в данный вопрос и лидер страны генерал Ибн-Мудцафи, к которому с просьбой о помощи обратилась также и дочь пропавшего Ш. К. Абду-Салимова, по семейным обстоятельствам проживающая в настоящее время в этой недружественной стране. Западным журналистам, в частности корреспондентке газеты "Коррьере делла notte" Патриции Буффони, удалось выяснить, что известный кинорежиссер К. К. Абду-Салимов был захвачен экстремистами их террористической организации "Аль-Ихван Аль-Муслимин" ("Братья-мусульмане") и зверски убит за то, что собирал материал об их деятельности для своего будущего фильма... Возмущенные этим злодейским преступлением, мы требуем от генерала Ибн-Мудцафи самого строгого наказания убийц..." В этом месте Давлятова словно пронзило... какая-то догадка, которая не до конца оформлялась в сознании, сколько бы он ни силился что-то вспомнить. Только одно было для него вне сомнения - действующие лица этой истории имели и к нему отношение... только какое? через кого?

В подавленном состоянии возвратился домой Давлятов.

Открывая ворота, он вдруг вспомнил о маленьком толстом типе с узкими глазками, который, подняв свою подругу на руки, хихикая вбежал в дом. Настороженно всматриваясь по сторонам, Давлятов постоял во дворе, прислушиваясь, но никаких подозрительных звуков не услышал. Чтобы окончательно успокоиться, он даже посмотрел через стекла окон во все три комнаты... Затем зашел в спальню и, торопливо раздевшись, лег, пытаясь заснуть. Все подозрительное, что тревожило его сегодня, как рукой снимет, если он хорошенько отоспится до вечера. И выйдет он к людям приветливый и спокойный, ибо знал о себе: чем больше с годами внутренне раздроблялось, чем причудливее и парадоксальнее становилось его сознание, пропитанное иронией, тем больше казался он выдержанным и хладнокровным... кроме, конечно, отдельных критических ситуаций, когда Давлятов срывался, как в эти последние два дня.

"Как легко на душе, если делаешь кому-то хорошее, - подумалось безо всякой связи засыпающему Давлятову, - и особенно врагу. Как любишь себя! Как наполняешься гордостью за себя!"

Едва он это подумал, чтобы, умиротворенный, заснуть, как услышал сквозь туман в голове стук в ворота.

"Кто бы это мог быть?!" - вскочил Давлятов, ощущая тревогу, ибо в дневной час никто из соседей никогда не стучался к нему, а друзей, бесцеремонно приходящих в его дом, у него не было... вообще никаких друзей не было, кроме Мирабова. "Может, соседи узнали, что я уволился?"

Тот, кто стучал в ворота, - высокий, худощавый мужчина в черном клеенчатом плаще, с каким-то предметом в руке, похожим то ли на обыкновенный чемоданчик, то ли на измеряющий или выскивающий прибор, - уже бесцеремонно вошел во двор, не дожидаясь появления хозяина, и зыркал по сторонам.

- Добрый день, добрый день, - заговорил он вежливо, даже угодливо, простите за беспокойство. Моя фамилия Байбутаев. Мне очень не хотелось приходить в этот час, зная, что вы обычно после обеда любите часок-другой прикорнуть, но служба... - И он поднял свой прибор-чемодан, словно желая измерить силу биотоков, идущих от Давлятова.

Давлятов невольно закрыл лицо руками, но быстро совладал с собой, не желая выглядеть растерянным перед столь вежливым гостем.

- Чем могу помочь?.. - И сделал жест в сторону комнаты, приглашая гостя.

- Нет, нет, не утруждайте себя, сегодня я ограничусь только двором... В другой раз, когда будет больше времени, я позволю себе зайти в комнаты... для начала, может быть, в ваш кабинет... - В это время чемодан-прибор, который он поставил на землю, щелкнул и стал подавать попискивающие сигналы. - Заработал наконец, - удовлетворенно сказал гость и нажатием кнопки прервал попискивание.

- Так чем могу быть полезен? - с некоторым раздражением спросил Давлятов, видя, что формальная сторона их знакомства затянулась.

- Вы раздражены - это хорошо! Я ждал этого момента, ибо раздраженный человек может легче сообщить о других, кого он либо недолюбливает, либо считает помехой своему существованию... Так вот, к нам поступили данные, что в районе вашей улицы работает незаконно установленная множительная машина... возможно, та, на которой размножают эти провокационные предупреждения ОСС о якобы предстоящем сильном землетрясении... Вы, как сейсмолог... просто как честный гражданин, не могли бы вы указать, кто из соседей устроил у себя тайную типографию?

- Я уже не сейсмолог! - непроизвольно вырвалось у Давлятова. - Просто гражданин... не

знаю, насколько честный, скорее наоборот. Так что извините...

- Оттого что вы уволились с вашего ИПЗ, вы ведь не лишились своей профессии, - резонно заметил гость: - Вы дипломированный сейсмолог... Кстати, я слышал, что институт, откуда вы ушли, скоро переименуют в Академию прогнозирования землетрясений. Она будет занимать двадцатиэтажное здание со штатом в три тысячи человек, это намного больше, чем в ИПЗ. Ожидаются кадровые изменения. Такие, как Айтзаров, могут уйти, не выдержав конкурса, так что у вас есть большая надежда...

- Нет, я не знаю, у кого из соседей есть множительная машина. Знал бы - сказал, будьте уверены! И вообще, если уж честно, - я страшно зол на членов этого самозваного ОСС. Кого-кого, а меня бы они могли избрать если не председателем, то хотя бы членом Совета. Ведь я первый, кто предсказал... - решительно заявил Давлятов, недовольный тем, что ему снова напомнили об Айтзарове.

- Благодарю, мне это и надо было знать. - И гость раскрыл какой-то журнал, быстро нашел графу с подробными сведениями об улице, каждом доме, его жильцах. - Прошу, распишитесь возле своей фамилии... Это - чистая формальность, на случай, если наш старший инспектор не поверит, что я был у вас, - старик подозрителен. - Гость хохотнул и, повернувшись, быстро направился к выходу, размахивая попискивающим чемоданом-прибором. - Кстати, - повернулся он, уже выйдя за ворота, - под вашим домом зарыт металл... не просто куча металла, а, скорее, некий предмет обтекаемой формы - мой прибор показал это... Нет, нет, не пугайтесь, это не ротапринт... До свидания!

Беспокойство или простое любопытство заставили Давлятова выглянуть за ворота, хотя он и сдерживал себя, чтобы не показаться инспектору сконфуженным. И стоял, словно загипнотизированный его походкой - при каждом шаге у инспектора поднималось то одно, то другое плечо, почти касаясь ушей...

В конце улицы его ждала машина с пассажиром на заднем сиденье. Приглядевшись, Давлятов узнал ту самую машину, которая все дни конгресса должна была обслуживать фемудянского академика. И не успел он ниче-го толком понять, как инспектор влез в машину и сел рядом с пассажиром, в котором Давлятов узнал Шаршарова...

Давлятова передернуло от возмущения. Он хотел было броситься за машиной, чтобы вцепиться в своего бывшего духовного отца, вместе с Байбу-таевым разыгрывающего комедию. Тайна домашней типографии!..

"Бестия! - подумал он о Шаршарове. - Написал на меня донос?! Мстит за то, что я не покинул Союз? Ренегат проклятый!"

Прав был Давлятов отчасти: действительно донесли, только сделал это не Шаршаров, а фемудянский академик, и не на него донесли, а на Салиха, разоблачений которого боялся академик...

VI

Ровно в семь, вечера на экранах телевизоров появилась за овальным столом группа академиков-сейсмосветил, среди которых уютно пристроился и наш знакомый фемудянин. Технические помехи разрезали надвое и лицо ведущего, и телефонисток в стеклянных кабинах, приготовившихся записывать вопросы встревоженных шахградцев. Набежали цифры - одна крупнее другой номера телефонов, установленных в кабинах; по ним можно напрямую выходить на академиков. Всеобщий интерес к передаче подогрелся семикратным, на протяжении всего дня, объявлением по шахград-скому радио и телевидению.

Вопрос, который мучил всех шахградцев, сидящих у телевизоров, был задан гражданином,

назвавшим себя Кадамовым:

- "Откуда такая точность в программе землетрясения - около десяти часов вечера? Не может ли ударить сейчас, сию минуту, когда весь город сидит в домах, у телевизоров?"

И ведущий машинально бросил взгляд на потолок студии, как бы мысленно оценивая его на прочность:

- Прошу, кто ответит?.. Академик Лайлаков...

- Товарищ Кадамов и все могут быть спокойны, - бодро начал Лайлаков, ни сейчас, ни в десять вечера, ни потом землетрясения не будет. Это абсурд!

Все вроде бы убедительно прозвучало в устах академика, только это словечко "ни потом" обескуражило. Как это "ни потом"? Никогда, значит, ни через год, ни через сто лет. Но ведь трясло же Шахград, а раз так, то, по логике, должно трясти и в будущем, пусть отдаленном, необозримом. Или, может, конгресс, собравшийся в Шахграде, нашел способ избавления человечества от землетрясений?

Кадамов, поколебавшись, решил снова позвонить на телестудию, чтобы спросить об этом, но все номера телефонов, как ни пытался он пробиться, были заняты.

- "Известно, что в этом году была на редкость теплая зима, - стал читать вопрос гражданина Карабаева ведущий. - Говорят, что тепло это ушло в землю, она расширяется и ударит в десять вечера сильным землетрясением..." Прошу вас, академик Ньюев...

- Мой уважаемый коллега, академик Лайлаков, - глянул куда-то вверх Ньюев, - убедительно доказал, товарищ Карабаев, что ни сейчас, ни потом, ни тем более в десять часов землетрясения не будет. Что же касается теплой зимы, то в Африке, друзья мои, теплее, чем в нашей Средней Азии, и африканское тепло, уходящее в землю, несколько не расширяет ее, а наоборот. Вы, товарищ Карабаев, наверное, слышали теорию о том, что земля сжимается, следовательно, и африканский материк сжимается. Убедил я вас? - обратился через экран к Карабаеву академик и утвердительно ответил себе: - Убедил!

"Ни хрена не убедил! - хотел крикнуть ему в ответ Карабаев. - Хотя ты и академик и получаешь тысячу в месяц, да еще в спецполиклинике лечишься и в закрытом магазине обарахляешься... а я простой слесарь и имею всего сто двадцать и язву желудка от матушки-русской... голубушки... но все равно ни хрена не убедил!" В сердцах Карабаев хотел снова позвонить на студию, но линия была наглухо занята.

- Вопрос гражданки Чичикиной: "Меня с утра тошнит, голова болит, не есть ли это предчувствие землетрясения, которое ожидается к десяти часам вечера?" - прочитал очередной вопрос ведущий и икнул, будто тошнота гражданки Чичикиной передалась и ему. - Прошу вас, академик Норов...

- Вы, наверное, что-нибудь съели несвежее, товарищ Чичикина, остроумно вышел из положения академик Норов. - Советую вызвать "скорую" на дом...

Сидящие за овальным столом коллеги-академики хмыкали, вымученно улыбаясь, и только Чичикиной было не до смеха. Она даже возмутилась, серьезный человек, академик, а отшучивается, будто догадывается, что ей, пенсионерке, задержали на почте пенсию, посему она со вчерашнего дня сидит на воде и сухарях, а от этого навряд ли затошнит... Когда ей тоже не удалось во второй раз пробиться на телестудию, Чичикина попыталась успокоить себя мыслью: "Ничего, я этого академика в газете пропишу, пусть знают у него на работе, какой он шутник..."

- "Известно, что на Западе и даже в Японии есть прибор, с точностью определяющий место и время землетрясения... Почему бы Шахграду не закупить этот прибор, чтобы не сидеть и не гадать - завтра ударит или через неделю, в полдень или ближе к десяти вечера?" Этот вопрос задает гражданин Шаршаров, - сообщил ведущий, - прошу вас, академик Сааков, ответить...

Давлятов, за неимением своего телевизора, смотрел передачу на квартире Мирабова в компании врача и его десятилетней дочери Хури.

- Шаршаров? - вдруг воскликнул он. - Я не ослышался?! Иуда! Доносчик!

- Неужели товарищ Шаршаров всерьез думает, что, если бы такой прибор был изобретен, он бы не был в первую очередь изобретен нашими славными учеными? - несколько нескладно, зато убедительно ответил академик Сааков.

- Спасибо, убедительно! - поддержал его ведущий, ибо вопрос имел деликатную окраску.

"Не убедил, гнида! - зло пробормотал Шаршаров. - Я бы тебя, с твоими куцыми доводами, не только в Академию наук, но и на страницы "Белой медведицы" не пустил бы, хотя бреда и там было предостаточно..." И хотел прямо, без обиняков сказать об этом академику, но во всех телефонах, выходящих на телестудию, слышались короткие гудки.

Мирабов, заинтересовавшись вопросом гражданки Чичикиной о тошноте и головной боли - предвестниках землетрясения у особо чувствительных натур, одним краем глаза смотрел на экран телевизора, а другим - на диск телефона, тщетно пытаясь прорваться с вопросом к академикам. Им тоже были отмечены два-три случая подобной чувствительности, о которых он узнал у пациентов своей больницы, и он жаждал полемики с Норовым. Только дочь его сидела будто безучастная ко всему, должно быть не понимая, зачем вокруг столько шума!

Давлятов выхватил у Мирабова трубку:

- Может, мне повезет... Удивительно, - не поверил он, - линия свободна...

- Гражданин Салих, - сказал ведущий, вчитываясь в телефонограмму. Тут вроде и вопрос и утверждение... Гражданин Салих спрашивает: расширила ли наука знания того, на чем держится земля? "Ведь известно, - пишет он, что земля - на роге быка, а бык на рыбе, а рыба на воде, а вода на воздухе, а воздух на влажности, а при влажности обрывается знание знающего..." Прошу, академик Зияев... - предоставил ведущий слово очередному, как отмечено в сценарии, оратору.

И не успел Зияев открыть рот, как инициативу подхватил академик-фе-мудянин, который, услышав имя Салиха, заерзал в кресле, сжимая кулаки.

- Позвольте ответить! - не дожидаясь своей очереди, вмешался фему-дянский академик.

- Прошу! Прошу! - смутился ведущий, словно боясь, как бы между академиками не возникла перепалка на глазах у миллиона зрителей. - Если уважаемый академик Зияев не возражает...

- Нет, я не возражаю, - мрачно молвил Зияев, - напротив, рад выслушать авторитетное мнение своего коллеги...

- Просто поразительно, - начал фемудянский академик, в упор глядя в камеру, словно желая взглядом испепелить задавшего вопрос, - в наше время, на исходе века, который называют веком небывалого взлета научных открытий... чтобы у кого-то в голове могла еще вертеться подобная белиберда о быке, держащем землю, и о рыбе на воде... Простите, гражданин Салих, но мне кажется, что вы просто решили поиздеваться не только над нами - пусть нас, участвующих в этой передаче, вы не уважаете! - но и над своими земляками-шахградцами... Любой школьник, подними его среди ночи в постели, без заминки скажет: земля держится на плавающих платформах, которые, наползая одна на другую, вызывают землетрясение... Мне кажется, что шахградцы должны выявить в своей среде таких, кто, подобно гражданину Салиху, сеет в народе суеверие и мистику, ослабляя его волю к стойкости... Мы не дадим погибнуть цитадели нашей цивилизации - родному для нас всех Шахграду!

"Сатана, - прошептал Салих, - вспомни-ка, кого Он поставил наместниками после гадян и поселил на этой земле... долины ее вы заняли каменными зданиями, в горах иссекли себе каменные дома. Сказано было: помните благодеяния Бога и не злодействуйте, распространяя на

земле нечестие... Значит, только ты один, сатана, остался жив из всех, кто пришел на эту землю после гадян... Один ты, академик..."

Салих тщетно пытался связаться с телестудией, чтобы напомнить фему-дянскому академику об этом, но ведущий программы уже нетерпеливо поглядывал на часы - вместо краткого, лаконичного ответа по заранее заготовленному сценарию фемудянин целых полчаса давал отповедь гражданину-идеалисту Салиху, в счет драгоценного времени других академиков, и невольно подвел передачу к черте.

- Уважаемые шахградцы! Не скрою, мы не успели сегодня ответить на все ваши телефоновопросы, но впереди у нас еще не одна встреча с сейс-мосветилами... Сейчас же позвольте завершить передачу... тем более что до десяти часов осталось каких-нибудь сорок минут... Простите за шутку, спохватился ведущий, подумав, что наверняка ему теперь несдобровать за это упоминание, пусть невольное, о злополучных десяти часах - начальством было строго запрещено по всем каналам связи града произносить слово "десять" применительно к ходу времени, чтобы лишний раз не смущать покой шахградцев. - Желаю всем спокойной ночи...

- И тебе, соловей, того же желаю! - воскликнул Давлятов с такой гримасой, словно собирался ударить кулаком по экрану телевизора, задержись ведущий еще на секунду...

В нашем Шахграде не было Службы опроса. И посему никто не мог сказать, что же подействовало на тех, кто вчера к десяти... простите, двадцати двум часам остался, заигрывая с судьбой, в своих домах и пренебрег почтовым предупреждением. Сегодня же многие из них присоединились к устремившимся на площадь, где рассекались основные улицы квартала.

Подействовало, наверное, то, что в школах отменили занятия, отправив детей по домам, даже младенцев не принимали в яслях... И вот уже замелькали в толпе вчерашние скептики, таща за собой упирающихся детей, которых оторвали от телепрограммы "Спокойной ночи, малыши!" с убаюкивающей песенкой и тиканьем музыкальных часов...

В толпе мелькнул и Мирабов, крепко держащий дочь за руку. Давлятов протиснулся к нему, и Мирабов, почувствовав что-то неладное, участливо спросил:

- Что-нибудь случилось?

- Какой-то тип явился ко мне с прибором, - охотно признался Давлятов. - Что-то прощупывал во дворе, измерял... искал тайную типографию, где размножают эти почтовые предупреждения... Подлец Шаршаров наклеветал на меня... Вообще меня поражают эти наши либералы-правдолюбцы, - все более возбуждаясь, продолжал Давлятов. - На Западе Шаршаров писал пасквилы о жизни в Союзе, в Союзе он пишет доносы, обвиняя честных людей в недозволенной деятельности в пользу Запада... кто хорошо платит, под дудку того они и воют, - не совсем удачно вернул в свою речь Давлятов избитую поговорку и сам же сморщился от этой безвкусицы.

Мирабов не ответил ему, и они оба помолчали, прислушиваясь к разговорам вокруг. У всех на устах была сегодняшняя телепередача с участием сейсмосветил. Возмущались тем, что академики все затуманили. Особенно тот, который набросился чуть ли не с бранью на бедного гражданина Сали-ха. Возмущавшийся неожиданно переменял тон и захохотал, изображая привычку фемудянского академика все время с подозрением щурить глаза и вытягивать губы.

Стоящая рядом женщина тоже расхохоталась и в ту же минуту вдруг стала падать. Ее подхватили и уложили, обморочную, прямо на скамейке, закричали в один голос:

- Есть ли здесь врач?!

- Есть! Есть! - побежал, расталкивая толпу, Мирабов, открывая на ходу чемоданчик с лекарствами.

Давлятов схватил за руку дочь Мирабова, опасаясь того, что она может убежать. Мирабова

пропустили вперед, он опустил на колени, всматриваясь в лицо женщины, лежавшей в обмороке.

- Каталепсия, - сказал Мирабов. - Бывает от напряжения, когда непроизвольным смехом подавляется подспудный страх...

Этих слов, казалось, было достаточно, чтобы к женщине вернулось сознание. На судорожном лице ее открылись щелочки глаз. Несколько мгновений она смотрела, не понимая, где она и что с ней, затем испуганно подняла голову.

- Который час? - спросила она тихо.

Все вздрогнули от ее вопроса, возвращавшего к тревожному ощущению времени. Какой-то гражданин дрожащей рукой вынул карманные часы:

- Пять минут одиннадцатого... - Сказал и вдруг понял, что время перевалило. - Да, да, пять минут... миновало! - воскликнул он, щелкая крышкой часов.

- Миновало! Миновало! - подхватили все.

Приступ, уложивший гражданку, невольно отвлек всех от хода времени, уже перевалившего за тревожную черту. И теперь все были на редкость предупредительны к больной. Женщины ни за что не хотели отпускать ее одну домой, гражданин с карманными часами пожелал подвезти ее на собственной машине... словом, долго не отходили... Мирабов затерялся в толпе, и Давлятову пришлось успокаивать его дочь.

- Наверное, еще с кем-то случилось плохо. Папа бросился на помощь.

- Он мне совсем не папа, - резковато возразила Хури и ничем не ответила на удивленное восклицание Давлятова: "Как это не папа?"

По их подавленному виду Мирабов догадался об обмене короткими репликами между Давлятовым и дочерью, печально вздохнул. Давлятов проводил отца и дочь к их дому, проникаясь сочувствием к Мирабову и радуясь в душе тому, что живет бобылем.

Хури легко вбежала за ворота, Мирабов задержался на улице.

- Она и вам внушала, будто бы я не ее отец?

- Да, но... - не зная, что ответить, развел руками Давлятов.

- Хури вообразила, будто я ее приемный отец... а настоящий отец принц благородных кровей - будто бы ищет ее по всему свету. Но злые люди в их числе и я - умышленно скрывают ее местонахождение... Это проскальзывало в ее словах и раньше, но сейчас она просто с ума сходит. Стала чрезмерно раздражительной, по ночам плачет... Боится, как бы принц-отец не остался погребенным под обломками хрустального дворца... Странные они, наши дети. Неприятие реальной жизни вокруг, с обманом и фальшью, выражается у одних в жестокости и цинизме, у других - в переживании выдуманной ими сказочной жизни. - Мирабов повернулся к воротам, как бы боясь, что дочь может подслушать их разговор... и между створками, освещенными светом из глубины двора, прорисовалось лицо Нахангова, в глазах которого блеснули слезы. - Не знаю, чем я обидел ее? Разве я плохой отец? Не лучше, правда, но и не хуже других... Извините, я пойду. Вздремну часок-другой, пока не начнутся звонки-вызовы. И в эту ночь, уверен, знакомые не оставят в покое. Но что поделаешь, всякие нервные, сердечные приступы настигают, как правило, после полуночи. - Мирабов вяло пожал руку Давлятову и протиснулся в полураспахнутые ворота...

Едва Давлятов ступил на свою улицу, как услышал голос Нахангова, доносившийся с его двора:

- Наргизахон! Батурбек! Сначала вас нельзя было туда загнать, теперь же не выгонишь!

- Шербек решил спать в бункере, - послышался детский голос. - Говорит, что там красивее и уютнее, чем в верхнем доме...

- Нет, нет! - запротестовал Нахангов. - Так не должно быть! Не должна семья быть

раздробленной, одни внизу, другие наверху. Семья священна и неделима - и такой она останется и в радости и в тревоге... - И, будто услышав шаги Давлятова на улице, выглянул за ворота, чтобы лишний раз напомнить соседу: - Руслан, вы не забыли о нашей конференции? Подготовка к ней идет полным ходом, создан оргкомитет... Так что думайте, шевелите мозгами... Ваше выступление должно произвести фурор!

- Я думаю... - сказал уклончиво Давлятов и вдруг вздохнул тревожно.

- Что с вами? - спросил чуткий Нахангов.

- Смотрю на вас и завидую доброй завистью, - проговорил, вымученно улыбаясь, Давлятов. - У вас семья спаянная. И дочь вас так любит... А я каждый вечер возвращаюсь в дом, где бродят одни лишь призраки...

- Да, семья моя - образцовая и вместе с тем типичная, - сказал Нахангов. - Мы сумели создать новую семью, из духа которой изгнана идея Бога. Семья эта зиждется на иных, более прочных связях: их держит в своих руках Отец (с большой буквы!), отец-атеист, образ которого олицетворяет для домочадцев одновременно и вечность и быстротечность бытия. В новой семье все движет не слепая вера, не вера вообще, а вера опыта, вера рук, глаз... все можно попробовать на зуб, проверить, потрогать... Это трудная вера, но достойная человека. И мы дали эту веру ему... Мы отвергли легкое, иллюзорное и выбрали трудное, ибо служим человеку в его каждом дне, в каждом миге его жизни... что же касается вашего одиночества, друг мой, вдруг заговорил Нахангов не своим голосом, и, когда Давлятов удивленно поднял голову, опущенную от смущения, мелькнуло лицо Мирабова, хотя и ненадолго, - ваше одиночество можно легко скрасить... свяжитесь с той особой, с которой провели бурные дни... и, может быть, она признается в том, что этот незаконнорожденный - плод вашей страсти. Ха-ха! - заключил свои слова Нахангов смехом. - Эта шутка, уверен, поможет вам спокойно уснуть... Шутка! Шутка!

- Шутка, конечно, я понимаю, - пробормотал Давлятов, хотя с этой минуты в его душу примешалась еще одна смутная тревога...

VIII

Сегодня вечером в своих почтовых ящиках шахградцы обнаружили среди газет "Шахградская правда" и "Вечерний Шахград" конверт с очередным посланием ОСС - Общественного совета спасения.

"Несмотря на то, что в нашем граде за двухтысячелетнюю его историю произошло десять тысяч четыреста сорок семь землетрясений различной силы, вчитываясь в слова послания Давлятов, - очень слабо велась сейсмологическая пропаганда среди населения. ОСС поставил себе задачей за оставшиеся до очередного землетрясения дни как-то восполнить этот пробел. При желании каждый шахградец сам может определить силу толчка по принятой в цивилизованных странах двенадцатибалльной системе.

Один балл. Не ощущается ни людьми, ни животными.

Два балла. Ощущается только теми людьми, которые находятся в покое, чаще на верхних этажах зданий. Легкие люстры иногда покачиваются.

Три балла. Отчетливо ощущается в помещениях, особенно на верхних этажах, хотя многие люди еще не осознают, что это толчок землетрясения; им кажется, что земля дрожит от проезжающего недалеко трамвая или поезда метро.

Четыре балла. Днем ощущается в помещении многими, вне помещения - лишь немногими людьми. Ночью некоторые из них просыпаются. Сдвигается с места посуда, открываются ставни окон и двери, стены трещат. Такое впечатление, будто тяжелый грузовик ударился о стену вашего дома.

Пять баллов. Ощущается всеми, и бодрствующими и спящими. В ряде случаев трескаются стекла окон. Посуда и цветочные вазы опрокидываются. В стенах прорезаются трещины. Маятниковые часы могут остановиться.

Шесть баллов. Паникеры в испуге выбегают из домов. Иногда сдвигается даже тяжелая мебель и пианино, со стен и потолка падает штукатурка. Небольшие разрушения по всему городу.

Семь баллов. Все массово выбегают из домов. В хорошо построенных домах небольшие разрушения, в плохо построенных, неудачно спланированных значительные. Отдельные трубы в заводских помещениях разрушаются. Ощущается даже людьми, сидящими в это время за рулем машины.

Восемь баллов. В сейсмостойких домах - повреждения небольшие. В обычных же домах из кирпича и глины, с деревянным каркасом - сильные. Панельные стены отделяются от каркаса. Падают заводские трубы, колонны, памятники. Опрокидывается тяжелая мебель. Люди, ведущие автомашины, испытывают сотрясения.

Девять баллов. Значительные разрушения даже в зданиях, рассчитанных на сейсмичность города. Каркасные постройки перекашиваются и наклоняются. Здания из обычных материалов сильно разрушаются, часть из них даже обрушивается на людей. Землю прочерчивают трещины. Подземные трубопроводы и другие коммуникации выходят из строя из-за разрывов.

Десять баллов. Большая часть каменных и каркасных зданий разрушается вплоть до оснований. Земля в трещинах. Искривляются железнодорожные рельсы. Повреждения в дамбах и плотинах. Вода из рек и озер выплескивается на берега.

Одиннадцать баллов. Во всем городе остаются лишь отдельные каменные здания. Мосты проваливаются. Земля разрезается широкими трещинами. Полностью бездействуют подземные трубопроводы. Сильно искривляются железнодорожные рельсы.

Двенадцать баллов. Полное и всеобщее разрушение города. Все, что на его поверхности, земля выбрасывает в воздух... Грязевые потоки выплескиваются из трещин земли и покрывают все мертвое пространство сплошным твердым слоем..."

- Конец света! - воскликнул Давлятов, вытирая испарину со лба, словно он никогда не мог вообразить подобной апокалиптической картины. А ведь это были азы, которые любой посвятивший себя сейсмологии знает наизусть уже со студенческой скамьи.

Давлятов тоже знал наизусть, но в общей атмосфере в жизни града последних дней прочитанное действовало удручающе; Давлятов невольно обежал растерянным взглядом стены, потолки, желая понять, какую же силу они выдержат. И вдруг пожалел о том, что, подобно членам ОСС, принял на себя неблагодарный труд предсказателя землетрясения.

Весь день он сидел, увлеченный новой идеей, имеющей прямое касательство к его пророчеству. Математически вычислял... уверенный, что можно смоделировать... собрав все признаки живой и неживой природы, их можно назвать "предвестниками землетрясения". Данные об изменении уровня подземных вод, трещины на поверхности земли, ее вздутие, выделение газа радона, наблюдения за необычным поведением животных перед стихией. Так можно смоделировать машину, прибор, который с точностью прогнозировал бы землетрясение, - тот самый прибор, о котором спрашивал академика Шаршаров... гнусный ренегат. Правильно ответил ему косноязычный академик Сааков: подобный прибор намного раньше своих зарубежных коллег изобрел бы Давлятов - непременно, непременно...

Если послание ОСС так подействовало на всезнающего Давлятова, то какова должна быть реакция пребывающих в полном неведении шахград-цев? Особенно должна поразить всех эта картина: огромное пространство, где тысячу лет стоял твердо град, залито потоками грязи, все мертво, до жути тихо - и над всем пространством льется какая-то неземная музыка, реют

тоскливые звуки, идущие откуда-то с верхних сфер... И на всем лежит дугой тень моста Сират с одиноким путником, фигура которого кажется увеличенной во сто крат от преломления лучей жаркого южного солнца...

Весь вечер, до без четверти десять, стремились шахградцы связаться друг с другом, но из-за массового порыва и одновременности действия срабатывал какой-то не изученный доселе закон связи - все телефоны Шахтрада оказывались разом занятыми, так что никто никому не смог дозвониться и поделиться тревогой от чтения документа ОСС.

Заговорили о животных, предсказывающих землетрясение. Кто-то набросил на свою собаку поводок и вышел с ней на улицу. И эта мода сразу перешла к другим. На площадь квартала вышли сегодня с собаками, канарейками в клетке, а один гражданин даже с макакой, привезенной им недавно из азиатской страны.

Это создало дополнительное нервное напряжение. Заворчали старухи, засемили подальше от тех, кто держал на поводке рвущихся собак... Макака закатывала глазки, вызывая у подростков вымученный смех...

- Напряжение в городе достигает критического предела, - сказал Мирабов, выглядевший в этот вечер особенно озабоченным. - В больницу доставили сегодня сорок студенток - целый курс университета. Жалобы на удушье, рвоту. У всех темно-синие пятна на теле, будто отравились газом... Симптомы оказались ложными. Случай массового психоза из-за напряжения и страха...

- Вы похудели, друг мой, - посочувствовал ему Давлятов. - Ночи, наверное, без сна...

- Что делать?! Долг! - не без рисовки сказал Мирабов и положил руку на плечо дочери.

Та нервно сжалась, но не отстранилась. Давлятов изучающе следил за каждым ее движением.

- В эти дни я особенно почувствовал, как тяжело быть одиноким, - вдруг признался он. - Парадокс! Днем и ночью каждый связан со всеми одной судьбой - или вместе выживем, или вместе погибнем... Но именно в этот момент и гнетет одиночество... Сосед мой - благодетель - посоветовал порыться в старых связях... правда, в шутку... Но будь сейчас со мной рядом какой-нибудь подросток... Именно подросток, любопытный возраст...

Мирабов, поначалу невнимательно слушавший Давлятова, оживился и сделал паузу, напряженно перебирая что-то в уме.

- Есть у меня такой подросток. Лет двенадцати... Мать уехала в Москву, оставив его на попечение тетушки. Но она больной человек... Подросток скитается, ночует у приятелей. Раз его на вокзале поймали, другой раз подрался в аэропорту...

- Законченного бандита рекомендуете? - пытался отшутиться Давлятов.

- Законченный... но не конченный. Вот вы и докажите всем это... Мирабов вскрикнул, отмахиваясь от чьей-то собаки, порывавшейся лизнуть ему руку.

IX

В эту ночь Давлятов долго не мог заснуть, думая о подростке, которого возьмет на воспитание. Правда, уже давно он не чувствовал себя отдохнувшим после сна... с того времени, когда судьба повернула его к альманеху, - с тех пор напряжение, суэта, взвинченность и повизгивание - весь набор добродетелей современного мужчины...

Но в эту ночь особенно... должно быть, его взбудоражила собака, тянувшаяся к руке Мирабова. Образ ее то возникал из темноты комнаты, то снова потухал. Давлятов вставал несколько раз, пытаясь продолжить - цифра за цифрой, знак за знаком - математические подсчеты, растягивая их в длинную формулу, которая и насытит плотью модель машины-

предсказателя...

Но и это не шло, голова затуманена, и, когда Давлятов снова лег, чтобы заставить себя уснуть, раздался стук в ворота.

- Кого черт несет в такой час? - проворчал Давлятов, направляясь через тускло освещенный двор к воротам.

За отодвинутой створкой показалась физиономия того самого инспектора Байбутаева с чемоданчиком-прибором.

- Ну вы уже и по ночам меня беспокоите! - решил с ходу пристыдить его Давлятов на случай, если он поведет себя нагло. - Я же вам все сказал... Даже признался, что страшно обижен на этот пресловутый ОСС за то, что обошли меня...

- Это и подозрительно, - промолвил Байбутаев, но тут же спохватился, боясь раньше времени выдать свое соображение на сей счет. - Простите, я бы никогда по собственной инициативе не беспокоил вас, тем более в теперешнем вашем положении, когда вы уволились и вкушаете одни лишь сухари на сладкой воде... Но мой старший инспектор... Кажется, я вам говорил, какой он вредный старикашка. Он объявил мне на виду всего управления выговор за то, что я не ступил дальше вашего двора и не осмотрел комнаты...

Что-то показалось в его словах неубедительным, и Давлятов раздраженно прервал его словоизлияния:

- И вы не менее подозрительны со своей излишней словоохотливостью... ступайте за мной!

- Этика нашего учреждения не позволяет ходить угрюмо-молчаливыми, чтобы не навлекать на себя еще большее подозрение, - ответил ночной непрошенный гость, переступая порог спальни, где царил полный беспорядок.

Байбутаев лишь глянул, чуть приподняв прибор-чемоданчик, и вышел, отметив очередное:

- Спальня...

- Гостиная, - открыл следующую дверь Давлятов.

Инспектор и сюда лишь глянул, провел бегло взглядом вдоль старого дивана и ступил назад.

- Это - кабинет, судя по чертежам на столе и книгам на полу. Вы, должно быть, работали, когда я постучал, - виновато проговорил Байбутаев, выходя во двор. - Всего три комнаты - странно. Такой большой двор создает иллюзию, будто в доме, по меньшей мере, семь или восемь комнат...

- Тогда пройдите еще раз по дому, чтобы завтра не возвращаться с подозрениями, - раздраженно сказал Давлятов.

- Нет, нет, подозрений насчет количества комнат - никаких... Только есть одно "но"... В паспортном столе мне дали справку о том, что в доме прописаны только вы одни. Диван же, который стоит у вас в гостиной... по заметным только моему глазу признакам можно утверждать, что здесь часто... проводят время еще двое граждан, точнее, гражданка и гражданин, правда, небольших росточком, но довольно толстых, - словом, они уютненько устраиваются на диване, судя по следам: приходят сюда исключительно как в дом свиданий... Я, конечно, далек от мысли, что вы, человек интеллигентный, сдаете сомнительным парочкам свое жилье за плату, но наш старикашка начальник страшно привередлив, и если сие дойдет до него, то он снова погонит меня к вам, не ограничившись просто выговором, - то ли нарочито путано излагал гость свои соображения, то ли из-за сложности умозаключений... словом, высказался.

- Что за нелепые обвинения! - воскликнул возмущенный Давлятов, но в ту же минуту вспомнил о маленьком человечке, который, подхватив на руки свою подругу, вбежал в дом.

- Вы побледнели, - зевнув, сказал Байбутаев. - Ладно, давайте сейчас не будем отвлекаться на это... Я не думаю, что вы укрываете членов ОСС... Они почти что все уже в наших руках. Есть и материальная улика в живом весе той верблюдицы, которую они прирезали... Каракалпак

- хозяин верблюдицы обратился к нам с жалобой...

- И я могу подтвердить... Видел собственными глазами, как во дворе дома по улице Староверова кривыми ножами отрезали от туши лакомые куски...

- Давайте и на это не будем сейчас отвлекаться, чтобы не нагромождать одно на другое. - Байбутаев снова открыл свой журнал. - Распишитесь в осмотре ваших комнат... - И, удовлетворенный то ли быстротой, с которой поставил свою подпись в журнале Давлятов, то ли самим очертанием его подписи в журнале, инспектор миролюбиво добавил, выходя за ворота: - Такой поздний час, и почти всюду во дворах на вашей улице свет... Только у вас его нет, и мне даже, признаться, было неловко вас тревожить...

- Свет оттого, что деньги поглубже закапывают, золотишко, - шутливо проговорил Давлятов. - Я же сплю спокойно по причине неимения сих сокровищ... Занялись бы вы лучше этим, одна облава - и все наши современные князьки в руках правосудия, вместе с их гаремами... и розовой водой, в которой купаются красавицы. Господи боже мой, а вы толкуете о двух маленьких толстеньких шутниках, якобы приходящих сюда, как в дом свиданий... И не стыдно вам?!

- Это не по нашему ведомству, - чопорно ответил Байбутаев и пошел, часто помаргивая от света, просачивающегося через щели в соседних воротах.

В шутке Давлятова насчет закапывателей сокровищ была не то чтобы доля, а изрядная доля правды - и здесь он оказался ясновидцем. Хрусталь, фарфор и иную дорогую посуду складывали поверх ковров в железные сундуки, цена на которые в последние дни резко поднялась. Всюду их ковали, даже в мастерских, традиционно работавших с деревом. Кое-кто из влиятельных умудрялись доставать и железнодорожные контейнеры малых и больших размеров. В них подвешивали и одежду из мехов, втискивали даже мебель из красного дерева, антиквариат шахских времен, кресла наподобие тронов. А во все полое металлическое засовывали ювелирное, бриллиантовое, в ход шли обрезки труб с дном, подкрашенные для эстетики мастеровыми, и казанки-чугунки, спаянные вместе в форме шара, со вделанными отверстиями... Казалось, что всю прочность защиты слижет, смахнет внезапный удар коварной стихии и пощадит лишь ими нажитое для новой, более бодрой их жизни...

Длинные очереди выстраивались у сберегательных касс. Шахградцы, так любившие вкладывать туда честный рубль, теперь требовали сбереженное обратно. Срочно переводили деньги на счета московских и ленинградских сберкасс, в адреса родственников и доверенных знакомых всюду по Союзу, подальше от Шахграда. Казалось также разумным хранить деньги у себя (закопав в палисаднике во дворе), а не в сберегательных кассах, под которые, как в насмешку над самим понятием звонкого рубля, были отведены по всему граду приземистые, невзрачные и непрочные с виду домики. Разумнее было во время болезни отлеживаться у себя дома, чем в больнице, где санитарки в случае тревоги сделают все, чтобы не успеть вынести тебя на носилках... Кривая болезней, на языке статистического отдела градусове-та, ползла вверх день ото дня - инфаркты, инсульты, комы, дурнота, тошнота, слабость и головокружение. Градсовет разослал во все лечебные учреждения циркуляр с требованием к ВКК быть строже и придирчивее и не освобождать легко заболевших от работы, ибо и деловая активность в граде заметно ослабла. Директора заводов и фабрик, руководители трестов уже сейчас предвидели провал месячного плана и просили в градусовете послабления, а самые дальновидные из них и расчетливые, обученные экономике, пророчили и общее невыполнение годового плана, если деловой ритм и дальше будет скатываться...

Телевидение объявило о предстоящей передаче телефоновопросов и ответов сейсмосветил. Ввиду создавшейся в граде нервной обстановки академики добровольно изъявили желание остаться с шахградцами до конца, чтобы вместе посмеяться над лжепророком и мошенниками

из ОСС. В общем же градосовет твердо властвовал в граде, издавал указы, рассылал циркуляры, и все они неукоснительно принимались к исполнению. Разве что кроме стихийных всплесков и слушковых, наподобие того, что город чем-то обижен на своих жителей, готовит для них кару и надобно-де град чем-то умилоствовать, хотя бы песнями и плясками...

И вот уже в толпе, которая собралась сегодня вечером на знакомой нам квартальной площади, объявился массовик - песенник-бессребреник, который, поднявшись на камень выше голов, энергично размахивал руками, чтобы в такт его дирижерским движениям все слились в единый хор.

- Начали! - скомандовал массовик и затянул: - "На Востоке добрый город... Светлый город наш Шахград".

Поначалу вяло, в несколько голосов, затем все больше воодушевляясь, толпа пела:

На Востоке добрый город, Светлый город - наш Шахград, Каждый камень здесь нам дорог, Каждый житель словно брат. Утром, вечером, зимою И в палящий летний зной, Город милый, ты со мною, Не нарушишь мой покой.

От этого слова "покой" толпа внезапно пришла в необычайное возбуждение и закачалась в такт мелодии.

Так храни наш сон ночами,
В полдень бодрость духа дай,
Будь, Шахград, навечно с нами,
Ограждай и защищай!
Утром, вечером, зимою
И в палящий летний зной,
Город милый, ты со мною,
Не нарушишь мой покой.

Пели Давлятов и Мирабов, и кристальным своим голосом его дочь - Хури, даже те угрюмые, кто за свою жизнь не спели до конца ни одной песни, подстегиваемые укоризненными взглядами соседей по толпе, тоже вторили, пытаясь польстить своему доброму граду... граду, который каждому из них с рожденья казался местами плоским, местами скучным, но и пестрым от смешения разностильных зданий, но при этом всегда твердостоящим, державным... вдруг сделавшимся чужим, загадочным, пугающим, непредсказуемым и неподвластным...

Не каждому шахградцу мог увидаться город таким, каким привиделся он Давлятову. В первые дни после возвращения из Москвы, обозревая Шахград с площадки телебашни, откуда хорошо просматривался весь град, окруженный кольцевой дорогой - главным своим трактом, - он подумал с тоской:

"Странно, как можно любить такой город? Чтобы любить этот изломанный, безвкусный, без красоты и комфорта, бесчеловечный город, надо иметь извращенный вкус..."

И тут же будто с высоты проник он оком в толщу, на которой стоял город, и живо представил всю подземную жизнь, с которой город связан, как связаны артерии и кровеносные сосуды в организме. Причудливая сеть трубопроводов... в них, булькая и чмокая, течет вода, несутся отбросы канализации, нефть и газ, провода электричества, также протянутые через трубы, тоннели метро, ходы и выходы под зданиями и улицами, по которым снуют, разгрызая металл, керамику, каменную кладку, толпы крыс... миллионы тупоносых зверьков с мокрой, прилизанной шерстью...

Как можно чувствовать себя защищенным в таком граде, где даже памятники лучшим умам прошлых, незамутненных времен заменены монументами, воплощающими не людские деяния, а идеи, вдохновляющие их на эти деяния? Идеи и сам дух воплощенной современности,

половинчатой и двойственной даже в главном своем назначении - материальном?

Даже в повседневности и быту направленность на материальную тщету и сиюминутность, хотя эта же материальность олицетворена в постройках, как бы символизирующих самое Вечность, - в Дворце свободных народов, в десятках мраморных зданий постоянной выставки достижений, Всесред-неазиатском Дворце живописцев-монументалистов, Дворце народного искусства... Вечность, сама Вечность.

И все же не кто иной, как Давлятов, первым забил тревогу о предстоящем смертельном, первым бросился спорить, доказывать вопреки академическим авторитетам, поплатился за дерзость своей службой и сейчас ходит подозреваемый в связях с теми, кто рассылает по почте предупреждения, - с ОСС...

Таков уж он, современный нигилист, - ему и хочется, но не может, а если и может, то колется... Ибо Давлятов давно заметил в себе такую особенность: мысль его словно пробирается в лабиринте с двумя, тремя ходами, блуждает почти вслепую, переходя от одной искомой точки к другой, пока наконец не придет снова к первоначальному, - и так блуждает по замкнутому кругу, в поисках решения, которого никогда не найдет. Мыслить, чтобы воплотить свою мысль в дело, для Давлятова самое мучительное наказание...

Х

И вот сей нигилист... лучше назвать его ныне модным словом парадоксалист, делает то, что в спокойной обстановке, без тревоги и нервозности этих дней вызвало бы столько разговоров, - берет на воспитание совсем отбившегося от рук подростка, двенадцати лет, которому нужно столько такта, душевной теплоты, уверенности не только в себе и в своем завтрашнем дне, но и в завтрашнем дне всего города.

Сейчас же все обошлось тихо, никто особенно не удивился, кроме На-хангова, да и то благодетельствующий сосед удивился не столько самому факту усыновления, сколько тому, с какой послушностью Давлятов сделал вывод из его ночной шутки.

Мелис - так звали усыновленного - оказался на редкость эмоциональным подростком. Градус его настроения все время колебался - от высоты заразительного смеха и детской непосредственности до угрюмого падения, молчаливой злобности.

Осмотрев дом, где ему предстояло теперь жить, Мелис сказал так, словно осмысливал и связывал многие понятия в своем незрелом уме:

- Я знаю, вы - полукровка, Руслан Ахметович. Со мной же еще сложнее замешен на трех кровях...

- Это сейчас массово, в наше время, - уклончиво ответил Давлятов, удивляясь проницательности Мелиса.

Сейчас они сидели вчетвером в квартире Мирабова, оцепенело глядя на экран телевизора, где перекашивало, передергивало физиономию ведущего под смех и крики Мелиса и Хури, пока изображение не установилось четко и ярко в цвете.

Все та же компания за овальным столом, все те же, правда, основательно сникшие и утомленные лица сейсмосветил. Телефонистки, микрофон, вставки и прочая телевизионная нехитрость. До начала передачи, за экраном, академики условились - каждому отвечать в свой час, без того, чтобы ломать четкий сценарный ход. В прошлый раз, когда, услышав вопрос гражданина Салиха, фемудянский академик перехватил инициативу у академика Зияева, произошла некоторая досадная путаница с гонораром, так что пришлось сегодня сейсмосветилам лишние полчаса потоптаться у кассы, пока бухгалтерия дотошно выясняла...

Открывая передачу, ведущий в вежливой форме попросил шахградцев посылать

телефоновопросы, только касающиеся предмета разговора, без отвлечения на частности, тогда и разговор будет научным, полезным и убедительным. "Цель наших уважаемых академиков - показать вам всю беспочвенность предсказаний ОСС, успокоить, вернуть уверенность в завтрашнем дне для полнокровного труда и отдыха".

На призыв откликнулся гражданин Забегаев, вопрос которого касался той самой трещины в земле, которую обнаружил Давлятов.

- Вам слово, академик Сысоев! - предложил ведущий, загадочно подмигнув.

- Дельный вопрос, спасибо гражданину Забегаеву... мы в первый же день осмотрели трещину на пересечении улиц Каблукова и Бородинской и пришли к выводу, что она не имеет никакого отношения к предстоящему землетрясению... Трещина расплзлась от вбитой сваи: рядом строился дом...

Хотя назвали Забегаева уважительно "гражданином" во всеуслышанье, чтобы ни у кого не было сомнения в его уголовном прошлом и настоящем, Забегаев не удовлетворился ответом, ибо это "предстоящее землетрясение", брошенное академиком неосторожно, еще больше встревожило его.

- Так предстоит или не предстоит?! - воскликнул в сердцах Забегаев, но все телефоны, по которым он хотел пробиться для связи с академиком, оказались заблокированными.

- Вопрос гражданина Нафталимова, - встрял в паузу ведущий. - Ожидается ли перед предстоящим землетрясением свечение неба? Пожалуйста, академик Зияев...

- Вообще... это спорно, - басом, хотя и неуверенно, начал Зияев. - Я лично не сторонник теории "сейсмического света". В одних случаях подобное свечение замечалось перед землетрясением, в других - нет. Это спорно... Я убежденный сторонник газа радона - это действительно примета...

"Спорно... - скептически усмехнулся Нафталимов. - Академик спорит, а зарплата идет, - перефразировал он в уме известную присказку о солдатском сне. - Погребет нас всех, а вы и под обломками будете спорить, что сие было - землетрясение или бомбовый удар..."

Но и Нафталимов, пожелавший высказать все это академикам в лицо, не смог второй раз через тысячи переплетений телефонных сигналов пробиться на студию.

- Что это за газ радон? Где его достать? Как хранить? Можно ли носить с собой в баллончике, чтобы не прозевать момента удара? Надо ли надевать противогаз? - столько тревожных вопросов задала гражданка Прият-нова. На них должен был ответить академик Аляви.

- Лично я, - в полемическом тоне начал Аляви, - пусть простит меня мой коллега, академик Зияев, трудами которого я восхищаюсь... я больше сторонник теории "сейсмического света", чем радона. Выделение радона из колодцев перед землетрясением - тоже проблематично. В одних случаях газ действительно выделялся, в других - радона не было... Это лишний раз говорит о том, сколько еще "белых пятен" в нашей науке, которые нам надо закрасить черным... или красным...

Вопрос, который задал Нахангов, был средней сложности, ибо содержал в себе и утверждение и отрицание.

- В связи с предстоящей в этом году встречей нашей планеты-матушки с кометой Галлея кое у кого в душе зашевелилось вредное суеверие. Связаны ли эти слухи о предстоящем землетрясении с полетом к нам кометы и влияет ли притяжение Галлея на землетрясение вообще? Лично я думаю, что не влияет...

- Очень здраво рассуждает товарищ Нахангов, - сказал с экрана академик Шарумов...

- Откуда он узнал, что Нахангов "товарищ", а не "гражданин"? - спросил Давлятов у Мирабова, но, не получив ответа, скептически усмехался: Товарищ "бункер".

- Очень здорово, - повторил Шарумов. - Никакая комета и планета, луна, солнце не влияют на землетрясение. Так же как планета Земля не влияет на лунотрясение, марсотрясение, венеротрясение и так далее и тому подобное... что же касается суеверия, то с ним надо бороться, как со вредным пережитком прошлого. Я - оптимист и знаю, что мы успешно уничтожили все прошлое, которого уже и нет. Есть лишь отдельные выверты прошлого в сознании психически неуравновешенных наркоманов, алкоголиков и - кхе! кхе! девиц легкого поведения. Наша задача - выскребывать из их сознания эту муть... Главное, чего мы добились, - изгнали из сознания граждан Бога, дьявола, ангелов, грехопадение и очищение, злобный порыв и раскаяние, то есть весь вредный букет религии. Избавившись от всего этого, граждане наши стали душевно спокойнее, не терзаются, не мучаются, работают, уверенные в своем завтрашнем дне. За это им надо сказать "спасибо". Обществу, откуда изгнана религия, не страшны отдельные дуновения суеверия, хотя с этим злом надо бороться до конца... Надеюсь, товарищ На-хангов, я ответил на ваш вопрос... хотелось подробнее, убедительно, посему не жалел ни своего времени, ни уважаемых телезрителей...

"Убедили!" - хотел сказать ему Нахангов, звонивший в студию прямо из бункера. И стал подробно набирать номера телефонов, чтобы пригласить Шарумова выступить с сообщением на предстоящем конгрессе, но линия была намертво занята.

Интуитивно чувствуя, что на следующий вопрос должен отвечать не кто иной, как фемудянский академик, связанный в его сознании воедино с до-носчиком Шаршаровым, Давлятов успел пробиться на студию.

- Что вы сделаете в момент землетрясения: вынесете на руках больную жену или кубышку с миллионом? - Ведущий развел руками, укоризненно глядя на экран. - Вопрос гражданина Салиха... Ну я же просил, граждане... вопросы чисто научного свойства, а не личные, бытовые... Будете отвечать? обратился он к фемудянскому академику, который побледнел от злости и перекосялся.

- Буду! - решительно заявил академик-фемудянин. - Я не из тех, кто любит избегать острых, пусть даже нелепых вопросов! - И, вцепившись злыми глазами и пытаясь сразить Салиха через стекло экрана, сказал: - Да, у меня есть жена, к счастью, пока не больная. А кубышка с миллионом есть у вас, я уверен. Заработанные обманом, лжепророчеством, шельмованием честных людей. То, что вам удалось сделать в годы культа, не повторится! Не пройдет ваш номер!

Мелис не выдержал и расхохотался. Ударив Давлятова по колену, воскликнул:

- Ну как, Руслан Ахметович, получил сдачу? Так-то! Только не пойму, почему ведущий назвал вас Салихом...

- Перепутал, наверное, - сконфуженно ответил Давлятов, но тут же отделался строгим: - Ты чего распоясался?! Веди себя прилично в интеллигентном доме.

Мелис вырвал из рук Давлятова телефонную трубку.

- Пусть ведущий извинится за свою оплошность. Полукровку Руслана называют теплокровным Салихом, - и тщетно пытался дозвониться в студию.

- Не надо, Мелис, успокойся, - устало проговорил Мирабов. - Мало ли кого как называют, не в этом суть. Меня тоже иногда путают с Наханго-вым... простите, с товарищем Наханговым, но от этого я ведь не перестаю быть Мирабовым, отцом Хури, хотя у меня нет бункера. Но, если честно признаться, я часто ловлю себя на желании быть таким, как Нахангов. Большим руководителем, сильным человеком, которого все боятся и обожают на службе и дома... Быть в числе тридцати избранных из тьмы, из миллиона - почетно и волнующе. Ступайте с Хури, побегайте по двору.

- Теплокровный Салю, - загадочно проговорил Давлятов, глядя вслед Мелису и Хури. - А

мы, значит, холонокровные амебы... Ну и подсунули вы мне типа, - обратился он с укоризной к Мирабову. - Я еще от него холодными кровавыми слезами буду плакать - помяните мое слово...

Все это было похоже на безобидное брюзжание, Мирабов знал, что Давлятов давно не спал так спокойно. С той ночи, когда за стенкой своей спальни почувствовал дыхание Мелиса. Не будь его в доме, Давлятов наверняка сошел бы с ума, ибо с каждым приходом Байбутаева ощущал тугую петлю вокруг шеи...

XI

Даже статуправлению градосовета точно не известно, во что обходится каждодневно Шахграду и его жителям напряжение от ожидания. Какими цифрами обозначится спад деловой активности на рабочих местах, болезни, тоска и неуверенность? Неизвестно и социологам, как поведут себя дальше в подобной ситуации шахградцы, что прочертится нового в их психологии, привычках и нравах. Но одно уже ясно: мрачное предсказание имеет далеко идущие экологические последствия.

Даже многомесячная, изо дня в день ведущаяся по телевидению передача, знакомящая шахградцев с основами экологии, не смогла бы повернуть разом живой интерес граждан к животным, насекомым и пернатым, добрым, хотя и давно забытым друзьям человека...

И теперь уже не редкие одиночки, а толпы шахградцев, спешащие на службу, по разным другим делам, сновали взад-вперед по улицам и площадям, крепко держа на поводке немецких овчарок, пуделей, пинчеров, азиатских лопухих собак, пытавшихся остановиться у каждого столба, чтобы обнюхать его. Домохозяйки, бегущие в магазин, привязывали своих четвероногих друзей прямо на тротуаре, и те незлобиво лаяли на прохожих, которые в других обстоятельствах непременно возмущались бы... сейчас же, даже если озлобленная чья-то овчарка пыталась зацепить проходящего мимо гражданина за брюки, гражданин дружелюбно отвечал на выпад, приговаривая:

- Ах ты защитник наш остроухий... Ах ты страж наш неусыпный...

Возле зданий, на стоянках автомашин теперь слышался хрип и лай собак. Служащие выглядывали из окон, обсуждая достоинства породы, ждали перерыва, чтобы вынести защитникам остатки с обеденного стола.

У Общества собаководов-любителей выстраивалась длинная очередь желающих получить щенка, цены на них у частных владельцев подскочили в десять раз. Самым популярным чтением на работе, в очередях и дома была брошюрка под названием "Поведение животных перед сильным землетрясением", где описывались наблюдения за четвероногими и двукрылыми, начиная с камчатского землетрясения в 1792 году до алтайского, происшедшего 2 ноября 1978 года. Животные чувствовали приближение землетрясения за несколько часов, за несколько минут. Выдержки из брошюрки читались вслух и живо обсуждались: "Бежавшие в упряжке лошади вдруг остановились и начали жаться одна к другой... Коровы были напуганы, свиньи бросались со дворов... Выли собаки и шакалы, в беспокойстве ржали лошади... В озере рыба вся ушла куда-то, и рыбаки не поймали ни одной... Лошади тревожно ржали, рвались с коновязей, коровы и быки отворачивали морды от корма, птицы в беспокойстве метались... Собаки и кошки в страхе жалась к своим хозяевам... Заревели верблюды, завыли собаки, петухи заголосили невовремя... Змеи и ящерицы ушли из нор... Шпиц хватал за одежду, скулил, пытаясь стащить хозяйку с кровати... Пинчер сначала залаял, затем громко завыл, подняв морду к потолку и как бы показывая, откуда идет опасность. Овчарка открыла дверь, стащила со спящего одеяло, вскочила на кровать, выла, предупреждая, затем бросилась из дома... Овчарка вдруг рванулась с места и, схватив ребенка из коляски за рубашку, кинулась в дверь... Муравьи,

захватив куколок, уходили из муравьиных куч..."

- Почему не людей? - спросил Мелис, прервав чтение. - Руслан Ах-метович, вы были бы рады, если муравей вместо куколки захватил бы вас и выволок из падающего дома?

- Нет, на меньше чем на верблюда я не согласен! - попытался вымученно отшутиться Давлятов, все эти дни увлеченно работавший над спасительным прибором. Впрочем, свобода его заканчивалась, и надо было снова выходить на службу. Нахангов, войдя в его положение, помог Давлятову устроиться сейсмосмотрителем в метро...

- А правда то, что говорят о верблюдице?.. Будто бы каракалпак пригнал ее из степи, чтобы предсказала она землетрясение... Святая верблюдица, якобы спасающая уже несколько городов... И что члены ОСС умышленно зарезали ее, чтобы замутировать шахградцам головы своими посланиями?

- Возможно, - уклончиво ответил Давлятов, но тут же спросил у Мелиса: - А где резон? Не лучше ли им было использовать верблюдицу, ее чудесный дар, чтобы поднять престиж ОСС?

- Я говорю то, что слышал, - вдруг сердито отрезал Мелис. - А вы все под сомнение... Меня предупреждали, что вы путаник в политике...

- Какая же это политика?! - Сквозь нотки удивления в голосе Давля-това прорезался и страх.

- Мне кажется, что градсовет специально распускает разного рода слухи, чтобы опорочить в глазах шахградцев ОСС, - сказал Мелис, усмехнувшись, - сегодня градус его настроения был ниже нуля.

- Я, например, сам страшно недоволен ОСС... Я уже говорил тому инспектору, - пробормотал Давлятов.

- Я не присутствовал при вашем разговоре... Может быть, вы мне лично скажете о причине своего недовольства ОСС?

Давлятов вздохнул и решил признаться и Мелису:

- За то, что они не пригласили меня председателем ОСС. Ясно тебе? Мелис непонимающе глянул на собеседника и нервно засмеялся:

- Зачем это вам? Там что - зарплату большую дают или другие привилегии: спецбуфет, спецбольница или номенклатурный бункер? Зачем? повторил он свой вопрос. - Комбинация из трех пешек, которая сейчас ни доске, - наиболее интересная. ОСС со своими предупреждениями, градсовет вкупе с академиками со своими опровержениями и вы как отдельная личность, не зависящая ни от кого, - со своими предсказаниями. Зачем вам сливаться с ОСС - не пойму? Время покажет, кто прав - ОСС или сейсмосветила... Но в любом случае правым останется одиночка - личность со своими ощущениями, догадками и страхом...

- Мне не нравится... - недовольно дернул плечом Давлятов, - ты всегда рассуждаешь заученно, книжно, потому-то и не поддаешься никакому воспитанию... Ты - невоспитанный мальчишка!

- Возможно, - умерил свой тон Мелис, - только не пойму, что же вас вывело из себя. Вроде бы я все вычислил в вашу пользу - одиночки, личности...

- Бедная Анна Ермиловна, моя матушка, - сокрушенно покачал головой Давлятов и бросил телеграмму на стол, - что она подумает, когда увидит, какой ты невоспитанный... А она - учти - женщина очень тонкая и интеллигентная, строгого воспитания...

- Значит, ваша матушка прилетает, обеспокоенная... - задумчиво проговорил Мелис, прочитав телеграмму. - Если вас что-то смущает, я могу вернуться к тете...

- Я не к тому, наглец! - топнул ногой Давлятов. - Я просто хочу, чтобы в доме была мирная обстановка...

Анна Ермиловна... страдальца... К тому времени, когда она должна была прилететь в Шахград, обеспокоенная за сына, живущего в таком страшном месте, мода с собак перешла на

лошадей, которых также вели всюду за собой. Несли с собой, выходя из дому, клетки с перепелками и канарейками, юные шахградцы носились с коробками, где были собраны муравьи, кузнечики, жучки - божьи коровки. Вместо почтовых марок и оберток жевательных резинок самым ходовым товаром для обмена стали паучки, мухи, аквариумные рыбки. У граждан, бегающих утром по скверам спортивно-оздоровительным бегом, были приклеены на спинах небольшие баллончики с надписью "Газ радон", а сбоку, на всякий случай, и противогаз, сложенный в чехле.

Поговаривали, что в жилищных комитетах и ЖЭКах стали организовывать по типу красных уголков - "уголки предсказания землетрясений", где томились вместе, в специально отведенных комнатах, рыбки в аквариумах, фазаны в клетках и кролики, содержащиеся на полном довольствии самими жителями.

Все глубже и дальше просачивался слух о "святой верблюдице предсказательнице", которую якобы зарезали члены ОСС, чтобы навредить шах-градцам...

Если бы Анна Ермиловна знала заранее о массовом увлечении шахградцев животными и насекомыми, то непременно перед вылетом из Домодедова забежала бы в зоомагазин. Любимых своих зеленых попугайчиков она оставляла на попечение соседки, никак не желавшей понимать, почему это Анна Ермиловна так рвется в град, который со дня на день должен исчезнуть с лица земли...

В тот же вечер, когда она должна была прилететь, Давлятов извлек из своего почтового ящика очередное послание ОСС. Мелис прочитал его вслух:

- "Похоже, что наш градсовет впадает с каждым днем в паралитическое состояние и уже неспособен что-либо предпринять, чтобы защитить шахградцев и наше имущество от уничтожения. ОСС высылает всем памятку, следуя правилам которой граждане сумеют смягчить, а в иных случаях и отвести удары коварной стихии. Строго выполняйте советы памятки, в которой изложены МЕРЫ ЗАЩИТЫ ПРИ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИИ.

I. ДО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

Дома

В каждом доме необходимо иметь батарейный радиоприемник, карманный фонарь и аптечку первой помощи. Пусть каждый из членов вашей семьи знает, где все это находится. Электрические батарейки всегда держите под рукой.

Научитесь оказывать друг другу первую медицинскую помощь. Пусть все взрослые члены вашей семьи знают, как перекрыть газ, воду, отключить электричество.

Не ставьте тяжелые предметы на полки. Надежно закрепите тяжелые предметы на полу, а мебель - буфеты, платяные шкафы - прикрепите к стенам. Пусть каждый глава семьи продумает план сбора своих близких после землетрясения на случай, если все окажутся в разных местах дома.

В школе

Добейтесь, чтобы дирекция вашей школы и учителя обсудили в каждом классе меры безопасности на случай землетрясения.

На работе

Выясните в профсоюзном комитете, существует ли на вашем заводе, фабрике, учреждении план экстренных мероприятий. Если нет - добейтесь их принятия. И пусть каждый из вас возьмет на себя какую-либо ответственность в случае чрезвычайного положения.

II. ВО ВРЕМЯ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

Старайтесь сохранять спокойствие. Если вы в помещении, оставайтесь на месте, если на улице - не забегайте в дом. Много несчастных случаев происходит тогда, когда граждане стремятся в панике выбежать из здания или, наоборот, забежать в него.

В помещении станьте у стены, ближайшей к центру, или переждите землетрясение в дверном проеме. Держитесь подальше от окна и наружных дверей.

Если вы на улице, бегите к открытому пространству. Держитесь подальше от нависающих проводов и всего, что может упасть, - парапетов, карнизов, зданий.

Не пользуйтесь свечами, спичками или другим открытым огнем.

Если вы едете в машине, остановите ее, но не выходите, пока не убедитесь, что толчки прекратились.

На работе

Заберитесь под письменный стол или другую прочую мебель. В высотном здании встаньте у опорной колонны.

Покиньте здание только по приказу штаба. Пользуйтесь лестницами, а не лифтом.

В школе

Заберитесь под парты.

Если вы оказались во дворе, держитесь подальше от стен.

Если вы едете в школу в автобусе или в трамвае, не паникуйте, старайтесь оставаться на своих местах до тех пор, пока водитель не остановит свой транспорт.

III. ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

Осмотрите всего себя и находящихся рядом с вами людей: нет ли среди вас раненых. Окажите им первую помощь.

Проверьте водопровод, газ, электричество. Если почувствуете запах газа, откройте окна и двери и немедленно покиньте помещение и сообщите об этом в райгаз.

Включите радио и ждите экстренных указаний. Не занимайте телефон, он понадобится для передачи первоочередных, важных сообщений.

Не спускайте воду в туалете, пока не проверена канализация.

Ходите в обуви, чтобы не повредить ноги битым стеклом или другими режущими обломками.

На работе и в школе

Следуйте плану чрезвычайных мероприятий, разработанных штабом.

После сильного землетрясения в городе объявляется осадное положение и против мародеров и грабителей действуют законы военного времени.

Ждите других толчков, может быть более слабых, но способных вызвать новые разрушения..."

XII

- Боже! - воскликнула Анна Ермиловна, прочитав все это. - Как я была сердцем права, когда рвалась сюда! - Особенно взволновало ее, пережившую войну, предупреждение: "...в городе объявляется осадное положение и против мародеров и грабителей действуют законы военного времени..." - Ну и ну! Вот до чего, оказывается, у вас дошло! И это в граде, который я так любила, когда приехала сюда совсем юной девушкой в санитарном поезде. После взбалмошной, потерявшей свой четкий ритм Москвы предвоенных лет Шахград казался мне воплощением патриархальной чистоты и девственности - с глиняными домами, журчащей водой... А теперь, боже! - всюду московские Черемушки... вперемежку со зданиями, в облике которых - сплошная азиатская помпезность...

В десятом часу вечера, когда Давлятов ехал в аэропорт встречать Анну Ермиловну, его мысли невольно возвращались к облику града... На площадях и скверах уже собирались толпы людей, одетых так, будто собирались они здесь не для того, чтобы переждать в тревоге время

роковых десяти часов, а на праздничное гулянье, устраиваемое после первомайского военного парада. Женщины во всем модном, сверкая жемчугами, на пуделях - яркие бантики, на головах лошадей, в нетерпении гарцующих возле нарядно одетых мужчин, кокарды. Должно быть, само ежевечернее общение знакомых людей требовало частой смены туалетов, чтобы серым, унылым обликом не подчеркивать всю тревожность момента.

На Востоке добрый город, Светлый город - наш Шахград...

Бодрая песня слышалась на всем протяжении пути, почти до самого аэропорта, который подавил Давлятова своим многолюдьем. По тревожной суете он понял, что это начало массового бегства шахградцев из города. Зато аэробус, прилетевший из Москвы, был почти пустой.

Анна Ермиловна, сконфуженная чем-то, вышла и задержалась на трапе, чтобы высмотреть среди встречающих сына.

По пути домой она с волнением смотрела по сторонам, не замечая, однако, на улицах никаких признаков надвигающейся катастрофы. А ведь в Москве наслушалась самых невероятных вещей. Мол, шахградцы выпили всю минеральную воду из подземного озера, из-за чего Шахград, такой далекий, но ставший вдруг таким близким для москвичей... осядет, рухнет вместе со всеми своими зданиями в преисподнюю... а под городом твердь с повышенной радиацией, и накопившаяся чудовищная энергия вот-вот вырвется наружу, сотрясая все вокруг на сотни и тысячи километров... и всякое подобное, что питается слухами и догадками.

Мелис с первого же взгляда пришелся по душе "московской бабушке", хотя Анна Ермиловна, еще не видя его, одобрила поступок сына, взявшего подростка на воспитание. Однако, несмотря на все брюзжания, Мелис воспитанию не поддавался из-за знаний, которыми была наспигована его голова. Книжное мешало не только воспитанию, но и умению. Мелис не умел даже гвоздь забить.

Сейчас, еще не познакомившись как следует с Анной Ермиловной, он уже рвался в такой поздний час на улицу, откуда доносился свист его приятелей. Причесывался он нервно, все время дергая рукой, и Давлятов, которого раздражала эта картина, пробормотал, ища сочувствия у матери:

- Не рви же себе волосы!

- На голове около ста двадцати пяти тысяч волос, - сказал заученно Мелис. - Ежедневно выпадает сорок пять волос, у некоторых - до шестидесяти, а за всю жизнь у человека выпадает и вырастает снова более полутора миллионов волос. - Говорил он все это нарочито бесстрастно, не считаясь с тем, что еще больше выводит из себя приемного отца. - Что вас еще интересует, дорогой Руслан Ахметович? Человеческая кожа? Могу на одном дыхании выпалить все сведения на этот счет. Мужчина вашего возраста каждый час теряет около 600 тысяч частичек кожи, а за год же - 675 граммов. К семидесяти годам потери кожи уже составляют что-то около 48 килограммов почти 70 процентов веса тела самого человека. - Выпалил и под смех Анны Ермиловны выбежал к воротам, в нетерпеливую компанию приятелей.

- Зря ты так на него! - сквозь смех проговорила московская гостя. Очень забавный мальчишка! И не старайся его перевоспитывать, вы такие разные и оба с характером. Прими его таким, каков он есть...

- Меня тревожит компания его дружков. Полудети-полустарички. Время, что ли, такое? Нет естественного перехода от детства к подростковому периоду, к юношескому... Все рывками да возвратами... - заключил свои грустные наблюдения Давлятов.

- И у тебя ничего не тянулось ровно, - возразила Анна Ермиловна и напряженно поглядела на стены и потолок гостиной, все еще не веря, что вернулась в дом, где не жила уже столько лет.

- Во всяком случае, у меня и в мыслях такого не было, даже в самые нервные, критические периоды. - Давлятов угрюмо проследил за взглядом матери, приняв ее беспокойное ерзанье за страх перед толчком. Представляешь, до чего он договорился: будто бы земля, чтобы успокоиться, требует крови... и не безвинной верблюдицы, а человеческой... Что-то вроде ритуального окровления...

- Ну, это возрастное... желание всех вокруг шокировать. - Анна Ермиловна поднялась, чтобы прекратить спор, - утомленная перелетом, она поначалу почувствовала прилив сил, едва зашла в дом, сейчас же опять накатились усталость и тревога. Она повернулась, чтобы взять саквояж с туалетными принадлежностями. Сын бросился помочь ей.

Скрипнула дверь гостиной, и, переступая через порог, еще раз повернулась Анна Ермиловна к сыну, чтобы сказать:

- Спокойной ночи...

- Спокойной земли, - машинально вырвалось у Давлятова, и, сконфуженный, он пояснил - в спину уходящей к спальне Анне Ермиловне: - У нас сейчас стало традицией желать спокойной земли...

И, сидя потом в своем кабинете за чертежами, Давлятов долго не мог отделаться от странного ощущения незащищенности, хотя приезд матери должен был как-то душевно успокоить его.

С трудом он осилил себя, не желая думать сейчас об этом, и воображение его, хотя и вязко и прерывалось, потянулось... Знак за знаком нагромождалась некая не проверенная пока формула все той же модели... хотя Давлятова все время настораживала другая мыслишка, должно быть рожденная трезвостью и скептицизмом. Мыслишка простая, но требующая к себе не меньшего внимания, чем сама идея машины... если уверенно предсказать на ЭВМ время крупного, разрушительного землетрясения, скажем, за год до него и потом постоянно отмечать это время с точностью до часа и минуты катастрофы, то число жертв и материального ущерба от землетрясения намного уменьшилось бы, но где гарантия, что за этот год сильно не нарушатся общественные связи в городе - от напряжения работников деловая активность упала бы до нуля, само ощущение страха так подействовало бы на поведение людей, что вся жизнь превратилась бы в сплошное недоразумение...

Стукнула дверь гостиной за стеной. Давлятов вздрогнул и прислушался. По вкрадчивым шагам понял, что вернулся с ночной прогулки Мелис, лег на постель, приготовленную ему в гостиной. Уже несколько дней по городу кружились слухи, что подростки, собравшись в какие-то ковбойские команды, уводят из домов шахградцев их лошадей, овец, птицу, часть угоняют в соседние городки, чтобы выгодно сбить товар, часть закалывают на пустырях на окраине Шахграда и жарят мясо на кострах, пляшут в исступлении вокруг огня. Все с той же целью, чтобы задобрить, умиловить землю. Разграбили даже несколько "сейсмоуголков" в домовых комитетах. Дикая, непредсказуемая земля готовит сюрприз - это объяснимо, но когда свои подростки создают напряжение - это возмутительно, негодовали шахград-цы.

"Наверное, вдоволь сейчас наплясался у огня, наевшись до отвала полусырым мясом, - подумал Давлятов, прислушиваясь к бормотанию Мелиса за стеной. Но тут мысль его неожиданно вернулась к тому, над чем он бился, хотя и с парадоксальной стороны. - Антарктида... Единственный материк, где никогда не бывает землетрясений, хотя там есть и молодые горы, и живые вулканы... Если бы разгадать эту сейсмическую загадку. Она бы пролила свет на всю природу страшного явления... Формула материка! - осенило Давлятова. - Начертить формулу всех материков... и Антарктиды. И заложить в машину, чтобы вычислить потом разницу... Прекрасная идея!"

От волнения Давлятов вскочил и вышел во двор, куда с улицы падали пятна света.

"Странно, - подумал он, - раньше всегда дворы были освещены, а улицы мертво темны..." Но не успел он додумать до конца свою мысль, как услышал за воротами какие-то шаги и глухие голоса. Озадаченный, он еле слышно спустил засов и отодвинул створку ворот: свет шел из соседских дворов причудливое его сияние создавало ложную иллюзию освещенности улиц. Улицы, как всегда в этот послеполуночный час, были глухо темны, хотя тех, кто стоял недалеко от его дома, Давлятов если и не увидел, то ощутил - и не ошибся.

Внимательно всмотревшись, он разглядел того инспектора Байбутаева с его всегдашним прибором-чемоданчиком в руке. Удивил Давлятова не инспектор - к его ночным визитам он уже привык, - а тот, кто был рядом... неужели? неужто такой почетный гость? сам академик, хотя и фему-дянин?

Да, это был тот, кто в недавней телепередаче назвал Руслана Давлятова "Салихом", и не только допустил эту оплошность на виду у всего града, но бестактно обрушился на Давлятова-Салиха с угрозами и обвинениями.. Сейчас он, настроенный более чем миролюбиво, стоял рядом с Байбутае-вым, прислонившись к полузасохшей орешине. У обоих был такой вид, будто они отдыхают после тяжелой работы.

Давлятов вышел, но стал, возле ворот, не зная, подходить ему к ним или же стоять, пока сами не окликнут его. Оба они не случайно возле его дома. Давлятова охватила тревога, ибо союз Байбутаева и фемудянского академика... и Шаршарова, чей затылок разглядел он в прошлый раз в машине академика. Да, все это было не зря...

- Я всю жизнь ломаю голову над тем, - сказал Байбутаев, зевая, почему это человек первое, что делает после сна, открыв глаза, - зевает? Ведь он отдохнувший, но все равно зевает. Что бы это значило? Что за загадка?

- Зачем это вам отгадывать? Что за смысл? - недовольный самим смыслом разговора пробормотал академик.

- А чтобы суть жизни отгадать! - почему-то бодро ответил Байбутаев. Нет, нет, не подумайте, что я один такой. Вот мой сосед... занят своими почечными камнями. Все, что сумел выгнать из себя, собрал в банку. Сидит и разглядывает их. И в лупу посмотрит, и через увеличительное стекло, и удивляется: откуда такое собирается в человеке? Третий еще над чем-то бьется... Словом, все голову ломают... А через эти мыслишки, думается мне, слагается одна очень большая мысль - идея...

- Какая же? - Чувствовалось, что еще не до конца подавил в себе досаду высокочтимый собеседник.

- О мировой гармонии... Вы поняли мою куцую мыслишку? Вы человек, думающий о большом, глобальном, вам, конечно, не пустить мою мыслишку к своему разуму для понимания. Вы думаете об атоме и катаклизмах... а из вот таких куцых мыслишек и рождается мировая гармония. А из ваших глобальных мыслей - мировой взрыв и жизнь на новый лад.

- Уж не хотите ли вы сказать, - заерзал академик, ступая шаг вперед от дерева, - что мировая гармония - забота маленьких людишек, а перестройка жизни - забота больших гениев?

- Точно так!

- Хм! - неопределенно высказался фемудянский академик и громко обратился к застывшему в напряженной позе Давлятову: - Коллега! Я все забываю у вас спросить: как с тем талоном, который я подарил вам на конгрессе? Отоварились ли вы в закрытом магазине? И что, интересно, купили, если не секрет?

Давлятов вдруг смутился:

- Простите, я даже забыл о вашем подарке. - Давлятов стал торопливо рыться в карманах халата, будто злополучный талон всегда был при нем, даже когда он ложился спать. - Я его, видно, куда-то засунул... Но я найду, обязательно найду талон, - пробормотал он и неожиданно

настроился на иронический лад, когда обратил взор к инспектору: - Вы нынче опять в заботах... ночных хлопотах, мой любезный мажордом...

Байбутаев насупился было от такого неожиданного наскока, но решил не терять достоинства и чести своей фирмы.

- Да, вы это верно подметили... мажордом. Я действительно обеспокоен тем, что лежит под вашим домом. И товарищ академик, гость нашего города, заинтересовался предметом... еще не до конца сотворившим собственную форму...

Решительным шагом он направился к дому Давлятова, кивком пригласив за собой хозяина и гостя. В том месте, где угол дома расходился, инспектор поставил свой прибор-чемоданчик, открыв крышку. И доска прибора со множеством делений и стрелок осветилась, замигала десятками лампочек, и Давлятов удивился тому, каким сложным оказался этот невзрачный на вид чемоданчик.

- Да, это очень сложный, тонкий и точный прибор, - словно прочитал его мысли Байбутаев, сделавшись вдруг самодовольным. - Вы же знаете, что у нас все сложнее прикрываться невзрачной оболочкой, дабы не соблазнять агентуру государств, занимающихся промышленным шпионажем! - И показал на стрелку, которая чувствительнее остальных металась от нижней шкалы к верхней и обратно: - Обратите внимание хотя бы вот на эту...

- "Уровень радиации", - прочитал Давлятов надпись над сумасшедшей стрелкой и заметил, как фемудянский академик подбадривающе закивал в такт стрелке. Его поведение снова показалось Давлятову загадочным, тем более что он вспомнил о связи академика с Шаршаровым.

- Это меня больше всего и беспокоит, - сказал фемудянин. - Если мои предположения, коллега, оправдаются, то, я боюсь сказать... мне кажется, что мы сейчас стоим на пороге настоящей революции в сейсмологии... когда все, что накоплено до сего дня нашей наукой, окажется одной большой бякой...

- Да, окажется клоакой, - решил поддержать его инспектор, не до конца расслышав меткое выражение академика.

- Не хотите ли вы сказать, что под моим домом нечто, что буквально купается в радиации?.. - побледнел Давлятов.

Фемудянский академик услужливо отодвинул прибор и настроил его на Другой радиус угла, откуда раздваивалась стена, и развел руками:

- Пока я боюсь... мне трудно делать выводы, но от них никуда не скроешься - делать их надо будет, и в самые ближайшие дни. Мне кажется, что подобные самооформляющие себя предметы самородились не только под вашим домом. Все дома - или, по крайней мере, большинство домов в городе - стоят фундаментами на предметах сигаровидной формы, насыщенных радиацией... Вы представляете, чем это грозит народу, ожидающему землетрясения?! эмоционально заключил фемудянский академик. - Нет, вы не представляете, если можете спокойно спать в таком доме!

Давлятов не сразу обратил внимание на последние слова гостя, его сильнее всего поразило то, что и сеймосветило вдруг заговорил о "городе, ожидающем землетрясения". Значит, он тоже поверил? Или просто оговорился от волнения?

Сдержанно кивнув, ночные гости стали удаляться к освещенной части улицы, и Давлятов так и остался в недоумении, не успев спросить академика не оговорился ли он? Ведь еще вчера с экрана телевизора он грозил разоблачить, вывести на чистую воду лжепророков из ОСС?

Может, сей предмет под домом и заставил фемудянского гостя усомниться, склониться к вере?! Давлятов вернулся в дом и увидел, как со стороны освещенной спальни выходит во двор Анна Ермиловна в ночном халате, должно быть прямо с теплой постели...

- Я так испугалась, - сказала Анна Ермиловна; ей показалось, что сын не расслышал ее. - Подумала: это нехорошо, что ты вышел на ночь глядя... Что случилось?

- Ничего, - медленно проговорил Давлятов, думая о том, стоит ли рассказывать матери о ночных визитерах. - У меня это привычка - закончу работу и выхожу перед сном на пару минут к воротам. Успокаивает...

- А мне сквозь сон почудилось, будто был толчок. - Анна Ермиловна поежилась, и Руслану показалось, что она ищет сочувствия.

Давлятов дотронулся до ее плеча и вдруг сказал то, чего и сам не ожидал:

- Теперь я, кажется, понимаю, отчего отец в ту ночь умер. - И сделал выразительный жест, прижав себе рот ладонью, словно боялся, что выдаст какую-то тайну, выболтнув лишнее.

- Отчего же? - усталым тоном спросила Анна Ермиловна, но тут же сказала с некоторым раздражением: - Впрочем, неужели смерть его была столь загадочной? Не думаю, чтобы смерть человека, столько лет прожившего со мной, но в один прекрасный день жестоко предавшего меня, была загадочной и наполненной особым смыслом... Бессмысленная смерть одинокого человека, о котором некому было позаботиться... И причину надо искать в его характере, а не в окружающих людях и обстоятельствах. Отец твой был сильный человек, но сентиментальный, скарденный и злобный. Он ухитрился исковеркать жизнь двум женщинам...

- Двум? - рассеянно спросил Давлятов, но так, словно впервые слышит об этом, хотя Анна Ермиловна, с тех пор как увезла его в Москву, все дни посылая проклятия на голову той, к кому стареющий лев Давлятов ушел... но так и не пришел и от которой с полпути вернулся одиноким в этот дом.

- Да ты ведь все знаешь, - с укором глянула на Руслана мать, и он устыдился чего-то, невнятно бормотал, будто уличили его в равнодушии и черствости.

- В ту ночь дом чуть сдвинулся, - торопливо заговорил Давлятов. Только наш дом... Один во всем городе. Локальное землетрясение...

Это и вовсе показалось Анне Ермиловне неинтересным, она зевнула, поежилась и сказала сыну:

- Поспи хотя бы пару часов. Тебе ведь утром на службу... Возьми меня с собой. Я не помешаю - ты будешь работать, а я ездить от станции к станции и смотреть. Говорят, что после московского и ленинградского ваше метро самое удобное...

- Да, так говорят, - ответил Давлятов, ступая следом за матерью в дом. - Может выдержать девятибалльный толчок. - И, проходя по коридору к дверям своего кабинета, вдруг вспомнил о том маленьком человечке, который, подхватив свою хихикающую подругу, забежал в гостиную... следы их на диване обнаружил пронизательный Байбутаев.

Давлятов постоял в тревоге, но все же решился толкнуть дверь гостиной. На диване, свернувшись в беззащитной позе, лежал Мелис.

По тому, как глаза его все время вздрагивали, чувствовалось, что спит он беспокойно. Красный свет сентябрьской луны, падающий из окна, был похож на отблеск костра, вокруг которого он недавно плясал, бросая в огонь мясо жертвенных овец и собак...

XIII

Чувствовалась вялость... спад популярности телепередачи с участием сейсмосветил, собиравшей у экрана разом миллион шахградцев, вдыхавших одним вдохом и выдыхавших одним выдохом общей солидарности и обреченности. Выбегающих потом, как по команде, на открытые пространства улиц и площадей, чтобы разглядеть приближающееся из тьмы начало времени, протяженность его, а потом и хвост, мелькнувший за чертой двадцати двух часов...

Уф! и сегодня пронесло... слава тебе господи...

Весь парадокс был в том, что прогнозы пресловутого ОСС из вечера в вечер не сбывались - в то время как разъяснения, с которыми выступали по телевидению сейсмоакадемики, чтобы разоблачить ложность слухов и домыслов, уже казались малоубедительными, что тоже подогревало страсти. К сегодняшнему дню сквозь туман слухов прочерчивалось... будто сейсмосветила, ведущие борьбу за умы шахградцев, стали сдавать перед упорством ОСС, который обращался лишь к чувствам горожан, и в какой-то момент чувства их стали заглушать разум, знания... слепые чувства, замешенные на порывах, инстинктах, бессознательном, и это несмотря на то, что ОСС пользовался обычными почтовыми отправлениями, размноженными на допотопной ротационной машине, а сейсмосветила - самой массовой, самой быстрой, современной связью с шахградцами - телевидением. Странно еще, что Главное почтовое управление до сего дня не сделало ничего, чтобы оборвать эту еле мерцающую связь между ОСС и горожанами, - ведь проще простого не пропустить, задержать все письма с предупреждением и навсегда закрыть ОСС лазейку для подогрева слепых чувств...

Эту оплошность Главного почтового управления можно объяснить его болезненным любопытством: не задерживая письменные предупреждения ОСС, Главное управление, должно быть, само страшно переживало - чем же все это кончится? Будет или не будет? Ведь в самом первом предупреждении было сказано, что ОНО произойдет, тряхнет до основания, ударит... в течение этой недели, но не позже тридцати дней. Неделя эта уже протекла - от понедельника, вторая неделя перевалила за середину, впереди еще - третья и четвертая, так до тридцати дней, но не позже, когда должно произойти... Да, либеральное легкомыслие почтового управления надо объяснить только одним любопытством. Дескать, пусть почтовые предуп- ; реждения занимают каждое строго свой ящик в ряду ящиков у подъездов домов, а мы посмотрим: сбудется или не сбудется?

А тем временем накатывалась та самая коварная вялость... и не от научных острых споров и полемик среди сейсмоакадемиков. Правда, какая-то скрытая возня, похожая на борьбу, была и в их среде, но больше престижного свойства - за знания и награды, представительство на всемирных конгрессах, дачные заботы, на худой конец... тоже люди-человеки со слабостями и странностями. И вот, волею судьбы случайно собравшись в городе, который жил ожиданием, академики, чья наука должна была выдержать испытание на правду, сами же сейсмоакадемики, от одной телепередачи к другой, на глазах миллионов шахградцев снимали камень за камнем из здания сейсмологии, которое с такой прочностью воздвигалось ими же самими многие десятилетия. Осознанно? Конечно же - нет! Скорее, стихийно, из желания поставить под сомнение гипотезу коллеги, свою же, кровную - защитить во что бы то ни стало, в пылу увлечения не думая о том, что и коллега-академик, фемудянский он или новосибирский, опровергнет на глазах всего Шахграда твою гипотезу. Вот и сегодня, в семь вечера, на виду у доверчивых шахградцев были развенчаны самими же сейсмоакадемиками - непроизвольно, конечно! последние из оставшихся основополагающих догм сейсмологии, после чего все здание науки рухнуло, правда, без пыли и отлетающих обломков... пожертвовали академики своим зданием во имя спасения ста тысяч зданий Шахграда разной высоты, от одноэтажных уютных домиков времен генерал-губернаторства до девятнадцатизэтажных, дрожащих и гудящих, - конца века.

Все сегодня внешне было как обычно... хотя что-то ведь должно быть внешне сдвинуто, ибо шли уже пятнадцатые сутки с того дня, когда было получено шахградцами самое первое предупреждение ОСС. Но все тот же стол, опоясанный плотными телами академиков, оставивших в разных местах и местечках Союза свои семьи, уютные дачи и ставших невольными пленниками южного града, где местные красотки сверкали фосфорическими

очагами, а непьющие теперь бродяги стояли ровные и подтянутые у столбов, как гвардейцы. Бодрый ведущий, которому фосфорические мини-телефонистки, порхая, подносили телефоновопросы взбалмошных шахградцев... "Боже, боже, сказал бы Салих... виноват, Давлятов, глядя на все это, - странная и необычная натура моих шахградцев, даже сквозь мерцающие заряды всеобщего страха они умеют показать свою извечную скуку-скукотищу". Зато Нахангов генерал безбожия... виноват, Мирабов - врач-бессребреник - ввернул бы по поводу всей этой колеблющейся ситуации свою теорию о пришествии нового сверхчеловека, хотя никакие подпорки не могли удержать качающееся здание сейсмонауки.

За эти пятнадцать волнующих дней ожидания душевный градус шахг-радцев неоднократно поднимался к точке возбуждения и опять падал до нуля апатии, "синдром землетрясения" - говоря языком психиатров. Среди прочих знаний, умений, разумений за эти дни сильно возрос уровень их научной грамотности, что и засвидетельствовали телевопросы.

- Гражданин Шахангарян спрашивает: правда ли, что незадолго до землетрясения изменяется скорость продольных сейсмических волн? Вам слово для ответа, академик Гирляндский! - резко наклонился в сторону Гирляндского ведущий.

Гирляндский почему-то покраснел, хотя цветное телеизображение и не показало этого зрителям, должно быть, что-то смешалось в сложной, тонкой душе академика.

- Мне нравится вопрос гражданина Шахангаряна, - вдруг необычно громко заявил Гирляндский. - Он свидетельствует о возросших научных запросах рядового труженика... Что же касается продольных волн, то перед саракозским землетрясением они действительно менялись, в то время как перед караковским землетрясением подобных изменений не выявлено, хотя оба эти землетрясения происходили с перерывом в четыре месяца в одном сейсмическом районе... Так что здесь нужны еще наблюдения, уточнения, выводы и паравыводы. Гирляндский особенно подчеркнул это слово "паравыводы", ибо сам ввел его в научный оборот, что должно было, наверное, означать двойной вывод или вывод, наложенный на другой вывод, что делало бы вывод вдвойне убедительным.

Гражданин Шахангарян давно уже не считался теми) кто его знал, простым тружеником. Ювелирных дел мастер, имевший в своем подчинении подмастерьев с золотыми молоточками, он позвонил на телевидение из-за желания посмешить пьяную компанию, собравшуюся у него на даче. Услышав о себе такое нелестное, он под хохот компании снова бросился было к телефону, чтобы поиронизировать насчет "простого труженика", крепко держащегося за фонарный столб на улице, но не пробился и вернулся, угрюмый, к своему председательскому месту и запел: "Арагат, Арагат... ты моя вершина". И пока компания на даче Шахангаряна пела густыми голосами, ведущий прочитал следующий вопрос взволнованного шахградца Кызылбаши.

- Вопрос гражданина Кызылбаши, обращенный к академику Златоусту: можно ли предугадать готовящееся землетрясение по изменению электричества в земной породе?

Златоуст с ходу, едва ведущий сжал губы, выпустив последнее слово, напористо сказал:

- Похвально! Спасибо гражданину Кызылбаши за его эрудицию. По всему видно, что он знаком с трудами академика Хотеночкина, ныне, к сожалению, покойного. - И Златоуст как-то небрежно откинулся в кресле, расслабился с ироничным выражением лица и молвил: - Но и эта игра электричества в земной тверди - загадочна. И, говоря словами моего коллеги Гирляндского, в одних случаях электропроводимость в породах меняется, в других - остается без колебания. Так что подобное - спорное, полемичное, резко неопределенное и недоказуемое. - И, по-детски выпучив глаза, глянул на экран, словно пытался разглядеть в радужном сверкании стекла гражданина Кызылбаши. - Вы меня поняли?

В отличие от прошлых передач, когда задавшие вопросы шахградцы на ответы

сейсмосветил реагировали остро, недовольно, а в ряде случаев и злобно, все, кто сегодня пробивался в телестудию, были настроены благодушно, в лучшем случае - иронично-безобидно, как-и гражданин Кызылбаши, бывший турецкий подданный, который у себя на родине был дважды обвинен - сначала в сочувствии к республике, затем в сочувствии к монархии, то есть в европеизме, в пашизме, в неосултанстве, младотуркизме, пока не нашел отдохновения от политических тронотрясений в Шахграде, куда был вывезен товарищами, определившими его на службу в Академию обществоведческих знаний - преподавателем вавилонской истории. Слушая ответ на свой вопрос, Кызылбаши вдруг нечаянно прослезился, испытав глубокое уважение к академику Златоусту в ответ на его похвалу, хотел было еще раз связаться с телестудией, чтобы поблагодарить академика, но связь предательски не сработала.

- И этот вопрос говорит о глубоких сейсмических интересах наших земляков! - воскликнул ведущий, который предварительно посоветовался о чем-то с очередным оратором, показав ему телефонограмму. - Гражданка Коллетт спрашивает: "Можно ли предсказать землетрясение по его повторяемости в данном городе по годам. Я слышала, что у нас, в Шахграде, сильное землетрясение случается каждые двадцать лет. И если учесть, что последнее было в шестьдесят шестом году, то сейчас, в восемьдесят шестом..." - Голос ведущего дрогнул, он проглотил паузу и сказал: - Здесь гражданка Коллетт от естественного волнения не уточнила, что она имеет в виду, говоря о восемьдесят шестом годе, но мы-то с вами, уважаемые телезрители, понимаем... ибо ждем каждый день, живем этим ощущением... Пожалуйста, академик Юсубалиев!

- Конечно, - начал по-азиатски медлительно, но основательно академик Юсубалиев, - в теории повторяемости есть своя логика. Она наблюдается, но на других планетах. У нас же землетрясение может повторяться, но без точной даты - может ударить и завтра, и через год, и через сто, а потом опять через день, через год и так далее. Теория требует подтверждения... Вот и все! - заключил свой краткий ответ Юсубалиев.

Гражданка Коллетт, которая умиленно смотрела все это время на академика Юсубалиева, приятно напоминавшего ей кого-то, кого она не могла вспомнить, услышав его ответ, прошептала: "Спасибо вам! Спасибо...", хотела было донести свою благодарность лично до слуха академика, но вторично выйти с ним на связь не смогла, сколько ни крутила диск телефона, - бывшая балерина, она ужасно страдала в этой азиатской столице из-за отсутствия интеллигентного общества... И вот Юсубалиев... едва краски экрана, нарисовали его облик крупно и выпукло, у гражданки Коллетт сердце приятно провалилось куда-то, ибо почувствовала она наличие в Шахграде сего интеллигентного общества, пусть в одном лице, пусть временно, пока Юсубалиев вместе с остальными светилами конгресса - заложник града.

- Ба! - воскликнул Давлятов, потирая от удовольствия руки. - Ну и академик! Ну, сейсмологи! Они и камня на камне не оставили, разобрали башню, которую сами же пытались строить... Вавилонскую башню, которая всеми благами им светила - и знаниями, и наградами, и дачами с обогреваемым бассейном, и бункерами на случай, если... у-ы-ых!

Как обычно в день передачи, он сидел дома у Мирабова, куда привел и Анну Ермиловну. Воскликнув, Давлятов бросился к телефону, и все сидящие у телевизора увидели, как он выкатил глаза от удивления и стал почему-то дуть в трубку, не веря тому, что линия оказалась свободной. Услышав с другого конца недовольный голос телефонистки: "Перестаньте дуть! Говорите же!", стал торопливо говорить, нервно хихикая после каждого слова, будто телефонистка одной рукой записывала его вопрос, другой щекотала его...

- Следующий вопрос адресуется академику Златоусту, - объявил ведущий и стал читать медленно, с короткими паузами: - "Теперь, когда вы, сейсмоакадемики, общими усилиями развенчали собственную науку, вашу мать-кормилицу, с ее физическими законами, не пора ли перейти, так сказать, к моральному закону стихии. Не думаете ли вы, академик Златоуст, что

землетрясение имеет прямое отношение к нашему с вами образу жизни? Не приходит ли оно к нам как кара, когда мера зла перевешивает меру добра? Вот вам живой пример: архиепископ Константинополя - кстати, ваш однофамилец Златоуст Иоанн за проповеди против зажравшихся, алчных земляков был сослан императрицей Евдоксией. И что же вы думаете? В день его ссылки случилось в Константинополе такое сильное землетрясение, что Евдоксия, убоявшись знамения, тут же вернула Златоуста в столицу... Еще пример? Пожалуйста! В Иерусалиме в храме Святого Гроба Господня вместо стены - скала, треснувшая от землетрясения как раз в тот момент, когда чистая душа Иисуса Христа покинула его брренное тело. Что вы на это скажете, уважаемый академик?" спрашивает гражданин Са-лих, - подавленным тоном заключил ведущий и тут же нервно скомкал лист, будто обжег себе руку.

Златоуст чуть растерянно глянул на коллег за столом и, обдумывая ответ, разгладил свои густые брови.

- Видите ли, гражданин Салих, я воспринимаю ваш вопрос как шутку, не более, - нашелся академик. - Ибо кто в наш век космических кораблей, лазера, мирного и немирного атома может поверить подобным легендам? Никто! Даже дети... Я, конечно, могу ответить еще проще и убедительнее: не знаю, не видел, не слышал - ни однофамильца своего Иоанна, ни тем паче императрицу Евдоксию - и не присутствовал при экзекуции мифического Христа... Но я вижу, гражданин Салих, что вы человек крайне любопытный. Вы умудряетесь участвовать в каждой нашей передаче... Давайте условимся так: в удобное для вас время вы звоните в номер гостиницы, где я проживаю, и мы встретимся с вами для обстоятельной беседы. Согласны? Если да - то запишите мой телефон: 33 - 02 - 22, гостиница "Звезда Востока". Жду вас...

- И мой телефон запишите, гражданин Салих, - вдруг брякнул фему-дьянский академик. - 33 - 02 - 22, "Звезда Востока"! - И угрожающе глянул с экрана.

Экран дрогнул, разошелся полосами, после чего застыла вставка: "Передача окончена". Мирабов, видя, что Давлятов торопливо записывает телефоны академиков, сказал досадливо, будто это задело его больше, чем академика Златоуста:

- Ну при чем здесь святой Иоанн и треснутая скала? Этот Салих не просто шутник, злобствующий тип. В то время, когда град в ожидании: быть или не быть? - Салих лезет со своими штучками...

- А чем это вас так задел Салих? - лукаво глянул на него Давлятов. Человек имеет право на свой вопрос, каким бы он нелепым ни казался. Вы гуманист, ночами не спите, бегаеете из дома в дом к посторонним людям - и бескорыстно... а рассуждаете, как мой благодетель, бункеровладелец Нахангов. Странно... Ваш гуманизм - он что? Без моральных заповедей? Без крепкой основы? Сегодня хочется помогать людям - помогаю, завтра отвернусь от них?

- Да, мое желание помогать всем и каждому - естественное, без всякой религиозной подоплеки. Это вас интересует? Оно самой природой заложено в натуре, генетически закодировано. И здесь библейские заповеди ни при чем. Мирабов закашлял от накотившего к горлу нервного напряжения, и Анна Ермиловна, воспользовавшись паузой, успела вставить:

- Можно подумать, Руслан, что ты сам во всем слепо следуешь этим моральным заповедям! - И положила руку на плечо Мелиса, словно боясь, что он вспыхнет и резко вмешается в спор.

Мелис, однако, ничем не выказал своего нетерпения. Как и два часа назад, когда они расселись у экрана телевизора, Мелис был угрюмо-замкнут и крепко сжимал Хури руку, будто все, что происходило вокруг, не касалось их обоих.

- При чем здесь я? - попытался было оправдаться Давлятов. - Я высказываю суждение общего порядка. - Но вдруг, воодушевившись чем-то, подался вперед к Мирабову... и Анна Ермиловна с удивлением заметила, что на месте ее сына сидит человек с таким видом, словно его только что побили камнями. - Не вы ли, доктор, говорили вчера, что психических срывов и

болезней стало в пять раз больше, чем в обычные дни, - сказал он глухим голосом, - Град сходит с ума. И как излечить его? Чем?

- Фу! - воскликнула Анна Ермиловна с облегчением. - Мне такое привиделось, Руслан... кажется, я тоже схожу с ума...

Никто не обратил внимания на ее слова. Мирабов, будто задетый за живое, поспешил возразить:

- Да, но какое это имеет отношение к моральным заповедям? Идет естественное психическое движение. Замечено, что стресс был патологией тех лет, когда мы с вами были студентами. В последующее время психические срывы выражались в форме депрессии, облик нынешнего десятилетия выражает шизофрению...

- Понимаю, - усмехнулся Давлятов, - ваша научная теория беспроборна. Но объясняет ли она душу более полно, чем догматы моральных заповедей? Ведь душе, той драме, которая ее раздирает... ее не измерить сухой теоремой. Для того чтобы душа примирила себя с жизнью, нужно то извечное покаяние, жертвоприношение и искупление...

При слове "жертвоприношение" Мелис вздрогнул, словно очнулся от дремоты, и загадочно улыбнулся. Но Анна Ермиловна уже встала и замахала руками:

- Довольно спорить, мальчишки! До десяти осталось двадцать пять минут. Марш на воздух!

Давлятов и Мирабов нехотя пошли за ней к выходу.

- Я не выйду, - сказал Мелис, и лицо его снова замкнулось.

- Я тоже! - поддержала его Хури.

- Ну, как хотите! - раздраженно пожал плечами Мирабов и почему-то добавил бессмысленное: - Конечно, это не бункер, но, может быть, выдержит...

XIV

Пронесся слух, что градсовет выдает разрешение всем желающим на строительство личных бункеров, что даже открыто еще одно бюро - Бюро гуманитарных услуг... Все устремились к зданию градсовета сбоку башни, часы на которой каждые полчаса отбивают время, приближая его неумолимо к тревожным двадцати двум. Бежали через сквер, ломая кусты, выбегая со всех четырех его выходов к потокам машин. Затопали по всем этажам, в поисках пресловутого Бюро, тыкались во все двери, просовывали головы во все окошки, спустились во двор, закрутились штопорами вокруг серого, тяжелого здания, возбужденные, слегка напуганные и сердитые, - и так кричали, возмущались, пока председатель градсовета Адамбаев не вызвал наряд милиции.

Милиция оттеснила всех подальше от балкона, куда вышел Адамбаев. Председатель объявил притихшей толпе, что нет никакой надобности в подобном бюро и уж тем более в самих бункерах, ибо градсовет по-прежнему убежден, что землетрясения не будет.

- Тогда почему же вы построили себе бункер под домом? - крикнул, задрав голову кверху, весельчак.

Адамбаев был вельможно непроницаем, когда говорил, что все это сплетни, желание бросить тень на руководителя, у которого нет иной заботы, как о благе шахградцев.

- Но ведь тридцати наиболее уважаемым шахградцам построены бункеры! подал голос все тот же весельчак. - На улице Железной в доме, где живет министр животноводства. Могу показать даже то место во дворе, где открывается вход в убежище...

- Мы это проверим, - неопределенно пробормотал Адамбаев и почему-то поднял голову наверх, словно ждал молнии, хотя утро было безоблачное и жаркое.

- На улице Авиаторов, в доме, где живет начальник треста дефицитных товаров, - проговорил робко из толпы бывший турецкий подданный Кы-зылбаши и, воодушевившись

подбадривающими взглядами вокруг, с резкостью воскликнул: - Или вы об этом тоже не знаете?
- Нет, почему же? - возразил толпе Адамбаев. - Догадываемся.

От такого полупризнания толпа загудела, но кратким, как выдох, гулом и тут же успокоилась, готовая в любую минуту к вспышкам.

- Могу указать еще на дом, где в бункере собираются - ха-ха! - певички со своими высокими покровителями, - истерически крикнула гражданка Коллетт, та, что прославилась накануне своим телевопросом, обращенным к академику Юсубалиеву. - Дом директора ювелирной фабрики Шахангаряна, отъявленного холостяка... балагура.

- Спасибо, я записал, - сделал пометку в книжке Адамбаев и шагнул назад, желая тем самым мирно завершить собственное явление к народу, но голос Мирабова, в котором прозвучали резкие нотки, заставил его остановиться.

- Мне, уважаемый председатель, доподлинно известно, что бункер есть и в доме нашего знаменитого земляка, писателя, академика, лауреата Государственных премий, председателя Совета, директора конгресса, генерального инспектора-распорядителя фонда... Клуба всемирной литературы и прочая, и прочая... пишущего под псевдонимом Заратуштра... Об этом я узнал случайно. - Мирабов говорил уже доверительно окружающим его шах-градцам. Меня вызвали к нему, повели куда-то вниз, и это оказался бункер - восемь комнат, зал с плавательным бассейном, теннисный корт и гараж для машины... Среди всего этого и лежал с гипертоническим кризом наш великий земляк...

- Ну, вы это зря! - Адамбаев сделал повелительный жест в сторону Мирабова. - Не надо! Мы должны беречь доброе имя писателя даже ценой замарывания собственного. Писатель - наша совесть. И у кого поднимется голос, чтобы заглушить нашу совесть? Не надо, гражданин! Здесь я с вами не согласен и не буду брать адрес писателя на заметку...

Магическое слово "писатель", видно, умиротворяюще подействовало на толпу - никто не возразил Адамбаеву, стало даже как-то тише, и только Давлятов, случайно оказавшийся здесь, недалеко от станции метро, где работал, проговорил сочувственно Мирабову:

- Убедил председатель? Убедил! - И, воспользовавшись паузой, сказал вдруг о том, о чем не хотел говорить из страха перед своим благодетелем: Пусть писатель... совесть... Но ведь вы, товарищ Адамбаев, не станете отрицать, что бункер есть и в доме директора Института истории религии Нахангова. Или он тоже в списке совестливых?

- Возможно... - После отповеди Мирабову, при молчаливом согласии толпы, Адамбаев почувствовал себя увереннее. - Ничего не могу вам сказать... Проверим. - И уже думал председатель градсовета идти в наступление, чувствуя размягчение среди собравшихся, даже некоторую растерянность, хотел доказывать, что самый верхний слой града - тридцать или сорок лиц, которые при любых критических обстоятельствах - урагане, наводнении, нападении, землетрясении - имеют особое право на спасение, дабы полностью не нарушилась жизнь в граде, которая зависит от их воли, ума, энергии... но вовремя промолчал, понимая, что певички и главный ювелир города как-то не вписываются в общую модель руководства по спасению...

- Что это вы? - Мирабов с раздражением обратился к Давлятову. - Не надо было говорить о Нахангове, да еще и во всеуслышанье. Человек столько вам добра сделал. Отца родного, можно сказать, заменил...

Давлятов, не зная, как ответить на его вопрос, молча перешел улицу, с подозрением глянул на Мирабова.

- А вы что делали в градсовете? Личного бункера захотелось?

- Почему бы и нет?! Моя жизнь в такой же цене, как и ваша. Вы ведь тоже вынырнули из своего метро. Небось всю ночь не спали и боялись пропустить очередь на запись в это гуманное Бюро...

Давлятов опешил и сел на скамейку в сквере, но, видя, что Мирабов прошел мимо, вскочил и побежал за ним.

- Меня удивляет... - проговорил растерянно. - Вы раздражены мною, будто черная кошка пробежала между нами...

- Да, я недоволен, - с жестокой неумолимостью ответил Мирабов. - Я не умею притворяться. Меня раздражают ваши наскоки на Нахангова. Неблагодарно предавать своего доброжелателя... благодетеля - как вы его называли.

Давлятов, снова почувствовав тяжесть в ногах, сел на первую попавшуюся скамейку и умоляющим тоном попросил Мирабова, который с осуждением посмотрел на него:

- Давайте объяснимся. Ведь мы были так откровенны друг с другом, так доброжелательны. А тут вдруг ссора и раздражение...

Мирабов нехотя сел на краю скамейки и тревожно посмотрел по сторонам.

- Мне тоже кое-что не нравится в ваших словах, - осторожно молвил Давлятов, тоже оглядываясь. - К примеру, Салих... что он вам сделал дурного? Вы осудили его за то, что он вспомнил Иоанна Златоуста и императрицу? Помните? - заискивающе посмотрел Мирабову в глаза Давлятов.

- А кто он вам? Брат? Сват?

Давлятов заерзал от его испытующего взгляда и сказал, напряженно всматриваясь в проходящих мимо шахградцев, словно искал среди них того, о ком шла речь:

- Он часть меня, этот Салих, притом часть наиболее активная в сомнениях и вопросах. Я ведь человек, выражаясь вашим врачебным языком, амбивалентный, как и большинство сегодняшних типов. Так вот... ко всему я испытываю два чувства, всему даю две оценки... самые противоположные, мучительно раздваиваюсь.

Мирабов выслушал его внимательно и с таким видом, будто испытал облегчение, воскликнул:

- Не пойму тогда, чем я вас не устраиваю, когда защищаю Нахангова?! Каким бы он вам ни казался властным, сухим, рациональным и удачливым ведь, признайтесь, вас более всего бесит его удачливость? - он тоже дополнение моей сущности...

Приятель помолчали, с удивлением глядя друг на друга, словно только теперь обнаружили истинное лицо каждого, и, воспользовавшись паузой, возле них остановился тощий кособокий человек, который шел за ними от самого здания градсовета.

- Позвольте присесть к вам, - несколько манерно выразился он и, не дожидаясь приглашения, сел между ними, положив на колени потертый портфель.

- Вы страховой агент? - с неприязнью спросил у него Мирабов.

- Не только, - загадочно произнес незнакомец, открыл портфель, но ничего не вынул из него и захлопнул. - Познакомимся, моя фамилия Лютфи.

- Вы продаете разрешения на эти бункеры? - неожиданно для самого себя задал такой вопрос Давлятов.

- Как вам сказать? - продолжая нагнетать таинственность, сказал Лютфи. - Но для начала давайте пожмем друг другу руки, чтобы проникнуться доверием. - И протянул руку в сторону Мирабова, который в ответ не сделал никакого движения.

- Вы человек бесцеремонный. С такими мы не знакомимся, - важно ответил Мирабов и посмотрел на Давлятова так, словно спрашивал у него: "До каких пор этот тип будет играть на наших нервах?"

- Моя бесцеремонность с лихвой окупится, когда вы поймете, что услуги, которые я предлагаю, жизненно важны для вас, особенно в такое время, когда ко всему приходится пробираться через сложные лазейки и лабиринты - от одного доверенного лица к другому, по

некоей пирамидальной системе с фараоном наверху, - выпалил Лютфи эту смесь, состоящую из намеков, упреков и бессмысленности, ловко замазанную трезвостью и участием. - Но если говорить начистоту, то из всей толпы, собравшейся у градо-совета, я выбрал только вас двоих, интуитивно почувствовав влечение, как к людям весьма порядочным... Я, так жду этой катастрофы - простите за кошунственную откровенность! Жду, что она сразит всех лжецов, мелких людишек, оставив только несколько порядочных шахградцев, от которых пойдет потом новый род, порода с чистой кровью... И мой долг всячески помогать людям порядочным... и из тысячной толпы я разглядел черты порядочности только у вас обоих. Недаром вы тянетесь друг к другу, затем опять раздражаетесь - я невольно подслушал вашу мелкую ссору. Простите...

Мирабов и Давлятов, переглядываясь, иронически слушали словоохотливого незнакомца, потешаясь не только над тем, что он говорит, но и над всем его обликом, манерой выражаться, жестулировать, открывать поминутно и опять захлопывать свой портфель, словно в нем содержался очень важный документ.

Давлятов подумал, что подсевший начнет оглядываться по сторонам, дабы никто не подслушал их разговор, шептать на ухо или, во всяком случае, выстрелит целую тираду туманностей, чтобы не выдать себя незнакомым лицам. Лютфи и не думал ничего утаивать, решил идти напролом, зная наверняка, что лишь голая откровенность не вызовет никаких подозрений и кривотолков в таком мокром деле, о котором он намерен был говорить. Потому он сказал без обиняков:

- Адамбаев сказал неправду. Действительно, градсовет решил дать разрешение на строительство бункеров, кроме тех тридцати, сооруженных ранее. Но не сразу всем, чтобы не было бума и паники, а по сто разрешений каждую неделю... хотя, согласитесь, и в этом нет никакого смысла, ибо за две недели, оставшиеся до катастрофы, разрешение успеют получить только двести домовладельцев. А остальные двести тысяч? Простите! - спохватился Лютфи, потирая руки, словно они у него озябли. - И опять меня заносит в стррону... Должен признаться, что я человек в высшей степени прилипчивый. Со мной общаются, но потом я вижу, что начинаю всем надоедать своей прилипчивостью, желанием всюду всем помогать. Иногда мне деликатно намекают, стараются тихо отойти от меня, но все ищу связей - назойливо ищу, даже с теми, кто не нуждается в моем обществе... как вы, например...

- Не страдаете ли вы циклотемией - угрюмая подавленность и подозрительность сменяется у вас чувством полета, желанием поговорить о возвышенном? - прервал его Мирабов.

Лютфи вдруг помрачнел, насупился и сказал нехотя:

- Ничего нет возвышенного в том, что я вам предлагаю... Шеф наш - его побаивается сам председатель градсовета. Депутат, который ворочает трестом с миллиардным оборотом... он забрал все эти сто разрешений, чтобы распоряжаться ими по своему усмотрению... Но боюсь я, что разрешения могут попасть в руки подлецов, которые и выживут после катастрофы, в то время как не останется ни одного порядочного... Вот я и предлагаю: желаете ли вы купить себе по разрешению на бункеры?

- Депутат - это его кличка? - спросил Мирабов, явно заинтересовавшись тем, что пришлось услышать.

- Нет, конечно! Неужели вы думаете, что у наших людей скудная фантазия, чтобы называть так шефа? - обиделся Лютфи. - Он действительно личность неприкосновенная.

Давлятов же, напротив, сидевший подавленным не столько словоохотливостью незнакомца, сколько его нервной напористостью и суетностью, спросил как бы между прочим:

- А он, скажите, в числе тех тридцати уважаемых шахградцев, имеющих личные бункеры?

Безобидный вопрос его почему-то снова обидел Лютфи, и он, досадливо хлопнув себя по колену, воскликнул, да так, что прохожие оглянулись:

- Я вижу, вам бункеры не нужны. Что же, есть люди, которые вдут против собственного блага, правда, по недоразумению или недомыслию. Вы в их числе... Тогда, может быть, заинтересуют другие услуги гуманного Бюро. Они разнообразны, как и сама жизнь...

- Выходит, и Бюро создано, и разрешения на бункеры можно получить? Мирабов как-то недоверчиво хохотнул, чувствуя накат нервного напряжения от долгого сидения на одном месте.

Лютфи порывисто встал, окончательно раздосадованный, но тут же, вспомнив о чем-то, снова сел.

- Меня удивляет неопределенность ваших вопросов! И только такой терпеливый посредник, которым движет идея, может сидеть с вами уже битый час... Да, Бюро гуманитарных услуг, в поисках которого метались шахградцы вокруг здания горсовета, создано, но негласно, ибо, узнав, что оно выдает только сто разрешений в неделю, толпа может повести себя непредсказуемо. Тайна Бюро - это его защита. Депутат, личность инициативная и широкая, расширил услуги Бюро. Кроме бункеров мы можем предложить свои услуги на кладбище. Мы можем гарантировать лучшее, видное место на кладбище, бронировать участки для семейных склепов, изготовив заранее и мраморные плиты, и целые памятники с именами будущих... кого не пощадит рок катастрофы. Это на кладбищах первого и второго класса. Но самая приятная наша услуга, связанная с кладбищем высшего класса в Хантеми-рове. Слышали такое? Наше Бюро может выдать вам заранее документ с перечислением ваших званий и наград... академика, например, большого начальника - министра, и тогда вы можете спать спокойно, уверенный в том, что ваш катафалк въедет мимо мраморных колонн в ворота Хантеми-ровки... - Видя, что удивление, даже недоверие все еще не сходит с лиц его слушателей, Лютфи пояснил: - Я так откровенен с вами из-за своей идеи... сохранить как можно больше в нашем граде порядочных людей, не погубленных стихией.

- И сколько все это стоит? Вы берете за услуги наличными или можно в кредит? - Мирабов почему-то кивнул совсем поникшему Давлятову, словно подбадривая его.

- Вы же знаете, что кредит в эти дни - ненадежная форма денежных отношений. По негласному постановлению градсовета кредит отменили в сфере государственных услуг, почему же наше Бюро должно им пользоваться? И вообще, это уже не моя забота. Я вам даю телефон лица, который направит вас к другому - и так вы наконец свяжетесь с тем, кому вручите пакет с деньгами. Я знаю только телефон одного из лиц нашего Бюро... хотя, как вы догадываетесь, Бюро наше связывает если не половину шах-градцев, то весьма солидный его средний слой, насчитывающий тысячи граждан, ни один из которых, я уверен, не видел в лицо Депутата... Ах! - вдруг неожиданно воскликнул Лютфи. - Я выговорился, и мне стало легче. Вы же понимаете, что нельзя такое держать все время в себе - можно сгореть.

- Если вы все это говорили для того, чтобы освободить душу, тогда вы действительно не порядочный человек, - проговорил недовольно Давлятов и поднялся с места.

- Да, нечестно морочить нам головы всякой чепухой, - поддержал его Мирабов, поднимаясь следом.

Лютфи в некотором расстройстве остался сидеть, тщетно пытаясь закрыть портфель на замок.

- Вы меня не совсем правильно поняли, - сказал он, протягивая в их сторону руки. - Если не верите, запишите телефон того лица, которое сведет вас с другим лицом... 33 - 22 - 02... До встречи! - помахал он им вслед и с жадностью поднес ко рту бутерброд с сыром.

Давлятов машинально записал названный телефон и, пройдя с Мирабовым десяток шагов по направлению к метро, вдруг хлопнул себя по лбу:

- Ба! Так это же телефон фемудянского академика! Пройдоха! Битый час дурачил нас! - И

бросился назад в сторону сквера, но скамейка, на которой они сидели с посредником Бюро услуг, была пуста.

Досадливо морщась и чертыхаясь, Давлятов вернулся к Мирабову, дожидавшемуся его возле афишной тумбы, но тут же бросился к телефонной кабине, чтобы лихорадочно набрать номер 33 - 22 - 02.

Мирабов ждал, просунув голову в полуоткрытую дверцу. Аппарат щелкнул, и после короткой паузы послышался в трубке неживой, ровный, без интонаций механический голос, с первых же слов навевающий тоску: "Гражданин/ка, если ты/вы/ желаешь/ете иметь дело с Бюро гуманитарных услуг, звони/те/ по телефону 33 - 22 - 02. Желаю/ем/ успеха..."

- 33 - 22 - 02, - растерянно повторил Давлятов и повесил трубку, потер ухо, словно механический голос продырявил ему ушную перепонку. - Записали?

- Мне не нужно! - резковато ответил Мирабов и, быстро попрощавшись, свернул за угол.

"Опять обиделся, - подумал, глядя ему вслед, Давлятов. - Да и со мной творится что-то неладное. Не надо поддаваться общему психозу..." - и еще раз повторил вслух:

- 33-22-02.

И едва он произнес эти цифры, привлекающие своей таинственностью, послышалось рядом шипение. Давлятов вздрогнул, остановившись в защитной позе, не понимая, откуда такие звуки, будто недалеко подожгли шнур, по которому, потрескивая, побежал огонь. Мелькнуло в сознании Давлятова страшное, что сейчас последует взрыв... но вместо сильного взрыва где-то далеко грянул выстрел...

Давлятов пригнулся, зажмурил глаза, ожидая криков, шума вокруг... но все на площади у входа в метро было буднично - шахградцы входили в одни стеклянные двери метро, выходили из других потоком... шаг за шагом поток редел, рассеиваясь, и Давлятов понял, что никто, кроме него, не слышал выстрела.

"Слуховой обман, - догадался Давлятов. - Акоазмы - говоря медицинским языком... Нервы-нервишки..."

XV

Вместо обычной отеческой благожелательности на лице Нахангова промелькнуло недовольство. Давлятов съезжился и застыл у ворот. Нахангов уже наполовину влез в машину, хотел было отъезжать, но, видно, сжалился над соседом, спросил:

- Вы не пожелали разрешения на собственный бункер? Странно. - В тоне его прозвучала издевка.

- Он бы заломил дикую цену. Вы ведь знаете мои возможности, пробормотал Давлятов, даже не подумав о том, откуда благожелателю известно о его встрече с посредником Бюро гуманитарных услуг.

- Резонно, - сказал Нахангов и кивнул, приглашая соседа к себе поближе. Затем сел в машину, оставив дверцу полуоткрытой, и громко, чтобы слышали и прохожие, предложил: - Пожалуйста, пользуйтесь моим бункером комнат на всех хватит. Тем более что скоро, совсем скоро я запру вас там писать доклад, - вы ведь помните о нашем конгрессе?! Это будет первый такого рода Всесреднеазиатский конгресс, который возвестит всему миру об окончательной, бесповоротной победе атеизма...

- Помню о конгрессе. И все время думаю о своем выступлении, пробормотал Давлятов, подавленный широтой и размахом предстоящего конгресса.

- Думайте больше о Салихе, - сказал просто и буднично Нахангов. Думайте о том, как развенчать его взгляды, которые уже стали разъедать кое-какие пустые душонки. Салих -

главный ваш враг. Изгоните его! Нахангов хлопнул дверцей, и машина плавно устремилась вперед, увозя его подальше от растерянного взгляда Давлятова.

Из Давлятова словно выдули все тепло. Почувствовав себя утомленным, он повернул обратно к дому с намерением отлежаться и прийти в себя. В последнее время просыпался с одной и той же назойливой мыслью: "Как сегодня - ударит?" - и еле поднимался с постели, ощущая себя разбитым после тревожного сна. И если бы не его врожденная педантичность, аккуратное отношение к службе, ничто не заставило бы Давлятова выйти из дома, даже ожидаемый катастрофический толчок.

Объезжая кольцо сырого, темного туннеля, разрезанного освещенными, многолюдными станциями метро, он вовлекался в работу, чувствуя, как становится увереннее, оцепенение сменяется возбужденностью к вечеру... к тому часу, когда шахградцы покидали свои дома, устремляясь подальше на открытые пространства...

В первый раз, без всякого на то оправдания, Давлятов не шел на службу... и едва он протянул руку, чтобы толкнуть ворота, как чуть было не стал жертвой очередного недоразумения. Ворота сами открылись, и из дома прямо на него выскочил тот самый маленький, хохочущий человек со злыми глазами, неся свою подругу на руках, выскочил, едва не ударив хозяина дома в грудь, и бросился в переулок.

Появление его было до того неожиданным, а поведение до того нахальным, что Давлятов, возмущенный, бросился за ним, но того уже и след простыл... похоже, забежал в чьи-то открытые ворота.

Давлятов подумал, что совпадения сегодняшнего утра - не случайны. Встреча с Наханговым, приказавшим Давлятову поскорее избавиться от Са-лиха, и появление этого выродка, тайком пролезшего в дом и заночевавшего где-то рядом, за стеной его кабинета. Между всем этим, вне сомнения, есть связь...

Во дворе, в кресле-качалке, он увидел Анну Ермиловну, встретившую сына тревожным, быстрым взглядом. Она сидела в той же позе, как и пятнадцать минут назад, когда Давлятов прошел мимо нее на улицу. Только сейчас она казалась еще более сухонькой и старенькой. Давлятов задержал шаг и всмотрелся... Но Анна Ермиловна даже не шелохнулась, лишь спросила:

- Что-нибудь забыл?

- Нет, решил остаться дома. Нездоровится... И еще мне не нравится Мелис. Который день он не идет с утра в школу...

- Ну, ты же знаешь, что в эти дни никто не живет по расписанию. Почему они не отменяют занятия в школе?

Давлятов зашел в гостиную и стал с решительным видом возле дивана. Мелис открыл глаза, безразлично глянул на Давлятова и повернулся на другой бок.

- Ты что - не узнаешь меня? - раздраженно спросил Давлятов. Мелис чмокнул слипшимися губами и, не поворачиваясь к нему, ответил:

- Мозгу достаточно пяти сотых секунды, чтобы распознать объект или субъект, изображение которого выхватил глаз...

Это бесстрастное и заученное вдруг чем-то пронзило Давлятова, будто открыло ему глаза на ужасную, невероятную истину о содеянном Мелисом.

- Ты что натворил? - сказал Давлятов, испугавшись собственных слов. Ответь мне сейчас же! - И толкнул Мелиса в бок. - Не спи!

- Ладно, не буду спать, - Мелис повернулся в его сторону, но глаза не открыл. - Без сна человек может прожить лишь десять суток, а без пищи несколько недель... Можете меня не кормить, Руслан Ахметович...

Хотя Давлятов привык к его манере разговаривать, но сейчас она подействовала раздражающе.

- Отвечай: где ты вчера был до часу ночи?! Я знаю, где ты был, что делал... Не зря он выскочил мне навстречу со своей мерзкой подругой на руках, - сказал безо всякой связи Давлятов и сам смутился.

Мелис глянул на него с сожалением, сел на диване, приготовившись к разговору.

- Знаете? - Мелис все еще старался казаться бесстрастным. - Если знаете, то вам же лучше молчать, чтобы не было лишнего шума... Хотя, впрочем, какой может быть шум? Даже наоборот. - Он говорил бессвязно, хотя мысль его работала четко и ясно.

- Выражайся яснее, - понизил голос до шепота Давлятов. - Да, какой может быть шум?.. - сказал и запнулся, чувствуя, что не может говорить.

Мелис, видя растерянность Давлятова, сделался нарочито циничным:

- Почему я должен что-то рассказывать? Вы кто мне? Все, что случается со мной, - это мое. Ни теплоты между нами, ни доверия. Я вам расскажу, а вы пойдете и продадите меня ради собственного спокойствия...

- Ты совершил ужасное. И боишься признаться как мужчина. - Давлятов сел в кресло, почувствовав головокружение.

Мелис походил по комнате босой, заложив руки за спину. Чувствовалось, как он заново переживает случившееся и желает выразить это как можно вдохновеннее.

- Главное, земля успокоилась. Она требовала жертвы и получила, произнес он с удовольствием, подчеркивая каждое слово.

Давлятов, обессиленный, еще глубже ввалился в кресло, чувствуя, как к горлу подкатывается истерический комок.

- Убил?! Ты убил... человека?

Мелис несколько не растерялся, наоборот, все еще переживал чувство удовлетворения содеянным, потому Давлятов со своими вопросами казался назойливым.

- Это вы узнаете у следователя... если, конечно, донесете на своего приемного сына... Впрочем, донесете, я знаю. Вы из поколения тех, кого учили доносить еще со школьной скамьи...

- А ты - мерзавец! - Какая-то сила заставила Давлятова вскочить с места. - Убивать нравственнее, чем доносить?

- Если ради общего блага - то нравственнее, - зло глянул на него Мелис, и этот взгляд его словно подтолкнул Давлятова к дверям, и он бросился из гостиной с криком:

- Он - убил?! Мама, ты слышишь?! Что теперь будет?! Как будто нам землетрясения мало!

- Что вы не поделили? - услышав крики, Анна Ермиловна заторопилась в дом, споткнувшись о порог.

Встретившись с ней у дверей, Давлятов, непонятно отчего, разом лишился всей страсти и злости и даже растерялся, не зная, какими словами ей все объяснить.

- Видишь ли... он сотворил нечто ужасное, но не хочет в этом признаваться... и, как всегда, хамит и грубит...

- Ну как с тобой не грубить? - Анна Ермиловна укоризненно покачала головой. - Ты с самого утра такой несносный... Марш на работу! Марш! Иначе будет ужасный скандал в благородном семействе. Я стану на защиту Мелиса...

- Это отчего же? - обиделся Давлятов.

- Тебя-то я как-нибудь сорок лет знаю, а его всего неделю. И не думаю, что он такой безнадежный...

- Ты, не видя стервеца в лицо, уже защищала его. - Давлятов, будто задыхаясь, потеревил

воротник рубашки и пошел к выходу. - Разбирайтесь сами... из благородных ли побуждений это убийство или же... - Давлятов, не зная, как выразиться, постоял у открытых ворот, мрачно поглядывая на улицу. И, в сердцах махнув рукой, пошел не всегдашней дорогой, а в обратную сторону, жалея, что не сказал фразу, которую обдумывал уже несколько дней, чтобы хоть как-то уточнить свои отношения с матерью: "...И вообще, похоже, что ты приехала не облегчить мне жизнь, а наоборот..."

Спускаться в метро, на службу, не было уже смысла. В эти суматошные дни начальство может не заметить его отсутствия на работе. Зато, как опоздавшему, у первого же входа в метро сделают ему отметку на удостоверении личности.

"Личность, личность, как высока твоя цена", - иронически пропел Давлятов и тут почему-то вспомнил телефон гостиницы.

В предвкушении чего-то юмористического набирал он в телефонной будке номер 33-22-02, уверенный, что снова услышит механического теле-фоноробота. Но - удивительно, - едва он набрал последнюю цифру, сразу же раздался в трубке голос фемудянского академика, словно тот в нетерпении ждал звонка Давлятова. Давлятов опешил, хотя фемудянин настойчиво приглашал его к разговору: "Прошу вас, говорите... академик слушает..."

- С вами говорит Салих, - выдохнул Давлятов наконец.

- А, гражданин Салих! - будто обрадовался фемудянский академик. Почему же вы не пришли? Я вас весь вечер прождал... Там, где мы договаривались...

"А где мы договаривались?" - хотел было спросить Давлятов, но от такого неожиданного поворота снова смутился и повесил трубку.

Он потоптался в будке, тяжело дыша, недовольный своим поступком: "Нехорошо... оробел, как дитя. И перед кем? Перед демагогом..." И снова стал крутить диск, настраивая себя на длинное объяснение с юмористическими пассажами и меткими обвинениями.

На сей раз вместо вкрадчивого голоса фемудянского академика в ухо ему выстрелило: "Гражданин/ка/, если ты /вы/ желаешь/ете/ иметь дело с Бюро гуманитарных услуг..."

- Алло? Алло? - в отчаянии дул в трубку Давлятов. - Какой у вас телефон? - словно механический голос мог прервать свой повторяющийся текст и вежливо ответить ему.

"..Желаю/ем/ успеха..." - отчеканил хвост фразы телеробот и после короткого визга, свиста, означающего паузу, настроился повторить записанное: "Гражданин/ка/..."

Давлятов чертыхнулся, повесил трубку, затем снова снял, чтобы накрутить вокруг диска номер, который подсказал ему телеробот: 33 - 22 02.

- Академик Златоуст слушает, - послышался на том конце провода голос человека, только что проглотившего кровавый бифштекс, но еще наслаждающегося вкусом мяса во рту, отчего голос его казался сочным, но и не совсем ясным.

- Товарищ Златоуст? - удивился Давлятов.

- Да?! Да?! - подбодрил его Златоуст. - Это гражданин Салих. Рад вас слышать... Что случилось? Я вас весь вечер прождал..., в назначенном месте...

- Я это место не вспомнил... - не своим, хриплым голосом сказал Давлятов и почему-то снова подул в трубку. - Алло?

- Ах, не вспомнили! Как жаль! Третий столик справа в ресторане "Звезда Востока". Вспомнили теперь? Ах вы такой-сякой, - слегка добродушно пожурил его Златоуст.

- Мне место нужно в Хантемировском кладбище, - неожиданно для себя выпалил Давлятов. - На участке, где покоятся министры, академики...

На том конце провода отчетливо прослушивалась тяжелая пауза, словно вместо сочного вкуса мяса во рту Златоуст ощутил горечь желчи и поперхнулся.

- А вы, гражданин Салих, не потеряли чувство юмора в эти сумасшедшие дни - похвально! -

с досадой проговорил Златоуст. - Никогда бы не поверил, что вам, потустороннему человеку... в потустороннем мире было спокойно лежать рядом с министрами и академиками. Никогда бы не поверил! Будьте здоровы! - И тот конец провода донес до уха Давлятова короткие гудки.

"Пропесочил", - усмехнулся Давлятов, но тут же наполнился гневом. Захотелось сказать ему в лицо... в ухо все, что думал Давлятов о Хантемировском кладбище, об академике, сейсмонауке и прочее, прочее критическое, либеральное, чему научился в то короткое, но яркое время, когда сочинял для альманаха "Белая медведица". Но вместо Златоуста ему проскрипел на ухо тот самый робот, нудный и леденящий: "Гражданин/ка/, если ты/вы/..."

- Если мы, вы, они... - передразнил его Давлятов и повесил трубку. Кстати, сделал это вовремя, ибо очередь, собравшаяся у кабины, уже желая выдворить его оттуда силой, угрожающе постукивала по стеклу.

Давлятов выскочил прямо на очередь, которая от неожиданности отпрянула, и заторопился к открывшемуся недалеко проспекту.

Страшное ощущение непричастности охватило его. Неужто, подумалось Давлятову, все это из-за того, что не мчится он сейчас в дрезине по сырым тоннелям, со стальной каской на голове, направляя луч фонаря на округлые поверхности, затянутые трубами и кабелями, желая обнаружить трещину от давления или смещения земли, зловещий вестник предсказанного... катастрофического...

С каждым днем все заметно нагнеталось... и уже близко к тому последнему, предсказанному сроку... "...но не позже тридцати дней...", толпы, собирающиеся на открытых пространствах в один и тот же час, редели, излучая все более слабые и слабые дозы электрического поля страха...

И не оттого, что все меньше шахградцев верило в роковой день, устремлялись они теперь подальше, в еще не тронутые сентябрьским духом, зеленые местечки за городом - Кумчан, Данган, Ичмуллу, где за последнюю неделю натянули, подняли, надули палаточный городок на пятьдесят тысяч семей, и еще ехали и ехали мимо милицейских постов... Градсовет в первый день решил было выселить палаткожителей, не имеющих на такое жительство разрешения, но Адамбаев вовремя вспомнил, что за чертой Шахграда его власть кончается, и передал дело о незаконном заселении зеленых местечек в облсовет, который оказался, в свою очередь, не таким волевым, собранным... под стать своим ленивым, полусонным владениям; словом, по сей день не решились, что делать с палаточным Шахградом.

В этот вечер празднующийся Давлятов решил переждать десять часов не у себя в квартале, а в Большом сквере. Еще задолго до этого часа он занял место на скамейке и стал смотреть на прохожих - в упор и вызывающе, чтобы скрыть смущение. Он бы, конечно, успел доехать до дому, чтобы переждать интригующий час вместе с Анной Ермиловной, Мелисом в кругу знакомых, с которыми всегда легче.

"Но пусть они выяснят все с Мелисом до моего прихода. Не хочу иметь к этому отношения", - думал Давлятов.

Он заметил новую странность в поведении шахградцев. Напряжение, возраставшее изо дня в день, выработало в них обманчивую реакцию. Они научились скрывать страх друг перед другом, и теперь замкнутые, бескровные лица-маски, на которых не мелькало ничего искреннего - ни удивления, ни досады, выдавали в них людей опустошенных, изломанных, не живущих, а играющих отведенные им роли в этом многочасовом спектакле.

Если бы Давлятов обладал способностью мысленно сжимать пространство, то увидел бы в одно и то же время, но в разных местах Шахграда стоящего в толпе и фемудянского академика, с которым разговаривал по телефону, и Шаршарова, которого давно не видел, и Салиха, на белое одеяние которого никто не обратил внимания, и даже того маленького человека со злыми

глазами, которого какой-то шутник прижал к дереву и сделал на нем отметку, будто измерял рост... И еще увидел бы он, как к толпе, ежевечерне собирающейся в его квартале, подъехала милицейская машина. Милиционер подозвал Мелиса, на виду у всех втолкнул его в машину и увез в неизвестном направлении.

XVI

Анна Ермиловна ждала сына у ворот, напряженно всматриваясь в темноту, и, увидев его, встрепенулась и в отчаянии заломила руки.

- Боже! - воскликнула она. - Они... ты прав, тысячу раз прав! Действительно убили! Жестоко и бессмысленно! Мелиса забрали прямо на площади, у всех на виду... Но я уверена, его вынудили дружки, сам он на такое неспособен.

- Так быстро забрали? - Почему-то больше всего это поразило Дав-лятова.

- Они пошли и сами на себя заявили, - Анна Ермиловна ухватилась за косяк ворот, почувствовав головокружение. - Ах, как я нервничаю! Я побежала за машиной и кричу: "Мелис, Мелис, почему ты это сделал? Скажи, что это не ты, тебя вынудили..." А он улыбается, довольный, прижатый с обеих сторон милиционерами, и отвечает: "Так надо было, дорогая Анна Ермиловна, во имя спасения города. Жертвоприношение земле для ее успокоения... Земля не приняла кровь той меченой верблюдицы... Нужна была человечья... Спите теперь спокойно, граждане! - махнул он толпе. - Спите спокойно и помните Мелиса... пророка нового времени, спасшего всех вас..."

- Позер! - недовольно проворчал Давлятов, ступая за матерью во двор. Хороший подарочек получил я от Мирабова, век буду помнить.

- Ну при чем здесь доктор? - Анна Ермиловна, обессиленная, опустилась в кресло, пожившись от прохлады. - Ты бы видел, как рыдала его дочь Хури, побежав вместе со мной за машиной... безутешными слезами... "Я чувствовала, что это мой родной брат - его мой папа-принц потерял у моря. Теперь я обязательно найду своих настоящих родителей", - заявила она ошарашенному Мирабову.

- У каждого свои заботы, - неопределенно выразился Давлятов. - Ну, почему ты здесь расселась? Пойдем в кабинет и обсудим, как нам вести себя в этой ужасной истории...

- Ты всегда боялся брать на себя ответственность, - с недовольным видом поднялась с места Анна Ермиловна. - И сейчас, не бойся, выкрутишься...

- А при чем здесь я? - удивился Давлятов. - Он у меня всего две недели... и как бы я ни пытался его воспитывать...

- Две недели и двенадцать лет, - загадочным тоном перебила его Анна Ермиловна, будто что-то вспомнив наконец. - Да, да, друг мой, - именно столько времени ты знаешь Мелиса.

- Что за чушь?! Что за аллегория?! - возмутился Давлятов.

- Скоро! Очень скоро ты поймешь, что это за аллегория, - ответила Анна Ермиловна, закрывая за собой дверь спальни и оставив Давлятова в растерянности. Он постоял возле двери, чтобы сказать что-нибудь примирительное, но не решился и просидел в своем кабинете в оцепенении до самого рассвета.

А на следующий день он узнал от следователя Лютфи (как потом выяснилось, родного брата посредника Бюро гуманитарных услуг) все подробности, детали и всю тонкость жертвоприношения. Из свидетельства очевидцев, признания самих подростков, а также из тщательного осмотра места происшествия и трупа мужчины средних лет вся картина той ночи сделалась такой выпуклой, что слепила глаза.

Эти трое подростков, старшему из которых, Равилю, только что исполнилось шестнадцать

лет, покружившись с криками вокруг костра, как они делали это каждый вечер, с наступлением темноты незаметно отделились от компании и, подавленные, поплелись в сторону лесопилки.

Угонять сейсмочувствительных овец или коз у доверчивых шахградцев становилось все труднее, сегодня же вообще вся компания довольствовалась лишь двумя краденными курами, которые были общипаны и зажарены на жертвенном огне. Набросились, выхватывали каждый по куску, этим же троим вообще ничего не досталось, потому они весь вечер были угрюмы, танцевали вяло, выкрикивали что-то хриплое и все время норовили лезть в драку. Мелиса даже в огонь толкнули, брови у него опалились. Отпрянув назад, он упал, пополз на четвереньках, Равиль и Петро - второй из этой тройки - с разбега прыгали через его спину, свистя и улюлюкая. В каждом слове и жесте чувствовались скованность и отчаяние. Так и простились, разошлись небольшими группами, уходя в Шахград переулками, через пустыри, мимо лесопилки, а свернули, чтобы помыться в душевой.

На лесопилку они всякий раз проходили свободно, минуя железную калитку недалеко от больших ворот, и охрана, ослабленная напряжением этих дней, не очень-то отличала своих от чужих, только вскакивала она, когда у ворот останавливалась машина с грузом. Охранники махали руками, требуя документов, затем лениво возвращались в сторожку. Так совпало: всякий раз, когда подростки приходили на лесопилку, вторая смена заканчивала работу, и им приходилось мыться в душевой вместе со взрослыми. Взрослые принимали их за своих, и подростки, особенно старший, Равиль, рады были оказывать им знаки внимания: одному натирали спину, другому подавали с вешалки одежду, и старая душевая, дыры которой были забиты наспех фанерой, оглашалась веселыми криками, смачными шутками, анекдотами.

Сегодня Мелис почему-то был смущен, ему казалось, что все обращают внимание на его обгоревшие брови. Собственное лицо ему казалось одутловатым, с неестественным выражением. Он все всматривался в запотевшее зеркало, ругая себя за то, что не ответил по достоинству шутнику, толкнувшему его прямо в огонь. И в глазах собственных друзей казался теперь слабым, и эта слабость как будто размягчила его тело. Струя душа не бодрила, наоборот, сковывала движения, и Мелис в беспокойстве то заходил под душ, то снова выходил из-под струи и садился на скамью возле вешалки. Равиль и Петро смеялись, толкали друг друга, отпуская остроты. Рабочие подхватили их шутки, и в этой общей атмосфере шума Мелис вдруг задел ногой кого-то, лежащего под скамьей. Нагнулся и в полумраке увидел спящего мужчину, видно заползшего сюда пьяным. С одного взгляда было видно, что это бездомный спившийся, опустившийся человек, ночующий где попало. Мелис пнул его ногой, но мужчина не проснулся...

Мелис вскочил вдруг, возбуждвшись, и бросился под прохладную струю душа. Взрослые один за другим покидали душевую, и Мелису было интересно: заметил ли кто-нибудь из них лежащего под скамьей. Рабочие садились на скамью, надевали обувь, переговаривались; хотя рука лежащего, словно согнутая в судороге, выглядывала из-под скамьи, никто не обратил внимания на него.

Подростки поплескались от души, довольные тем, что остались одни. Только Мелиса тревожила обида, чувство ущемленности. Так и хотелось ему вытащить спящего из-под скамьи под струю душа и насмеяться над ним, чтобы показаться сильным.

- Смотрите, гость, - сказал он и наступил пяткой на руку лежащего под скамьей. Нажал сначала легко, затем с силой.

Мужчина еле слышно застонал, но не проснулся.

- Сладко спит, сурок! - вымученно засмеялся Равиль и пошел к выходу. Петро даже не посмотрел на спящего.

Равнодушие Петра больше всего и задело Мелиса. И когда они вышли на пустырь слева от

лесопилки, Мелис вдруг остановился и сказал решительным тоном:

- Это же он! Я узнал... Это он зимой с меня шапку сорвал - и скрылся! - И бросился обратно к душевой, зная, что и друзья, хотя и без особого желаяния, пойдут за ним, понимая, что это какая-то причуда Мелиса, - ведь не мог даже разглядеть лицо лежащего в полумраке под скамьей, а тем более узнать его.

Мелис забежал в душевую и какую-то секунду стоял возле скамьи в нерешительности. Но когда Равиль спросил: "Это он, ворюга? Не обознался?" Мелис изо всех сил пнул лежащего ногой в бок, приговаривая: "Он! Будет знать, как шапки срывать! Он, конечно!"

Мужчина застонал и забился дальше, к стене. Мелис второй раз достал его ногой, и тогда все втроем схватились за край скамьи и отодвинули ее в сторону. Мужчина с трудом сел, обхватив голову руками.

- За что, ребята? - спросил он с ужасом в голосе.

Мелис размахнулся и ударил его по рукам изо всех сил, приятно чувствуя упругость своих мышц.

- Посмотри на меня! Если узнаешь - поймешь за что! Не узнаешь напомним!

Мужчина мутным взглядом посмотрел на Мелиса и повалился со стоном на бок.

- Берем его под руки - и на пустырь! - скомандовал Мелис таким тоном, что Равиль и Петро, хотя и были старше его, обхватили лежащего, стали поднимать на ноги. На ногах он не стоял, и они поволокли его по освещенному двору, мимо работающих. Взрослые посмотрели в их сторону, но ничего не спросили.

- Помогите, братцы... невиновен я, - слабым голосом позвал мужчина кого-то, чувствуя, как злая сила в образе этих трех подростков вцепилась ему в горло, чтобы вытрясти душу.

Последний раз он попытался звать на помощь, когда волокли его мимо охранников. Но те даже с места не сдвинулись, глянули из окна: выводят из лесопилки пьяного бродягу, значит, так надо, сказали охранники друг другу. Взять с него нечего, одежда засаленная, ведут не грабители...

Оттащили подростки и бросили почти бесчувственное тело на камни пустыря. И едва мужчина ударился головой об землю, сразу ожил и попытался бежать на четвереньках из последних сил. Петро, чтобы не показаться пассивным, решил не отставать в удалестве от товарищей. Двумя прыжками он догнал и бросился со всего маху тяжестью тела на пьяного и прижал его к земле.

- Лежать! - скомандовал он. - Не шевелиться! - И, сидя на нем верхом, ударил кулаком по затылку.

Равиль помог, пнул лежащего ногой в бок. Мелис прыгнул на него со всего маху. И так втроем били лежащего, бессловесного, притихшего, до тех пор, пока он еще шевелился, еще стонал... а потом притих...

От ударов по его телу, ставшему плоским и совсем как ватным, уже не чувствовали удовольствия. Били все слабее, все мимо...

Тяжело дыша, первым отошел Равиль, за ним Петро с чувством выполненного долга. Мелис еще постоял над телом, повернул его ногой на бок, но при свете слабой луны не разглядел, жив ли он. Ничто в его душе не защемило, ничто не откликнулось. Только мысль мелькнула: "Я - сильный, я заставлю себя уважать..." Видя, что друзья удаляются в темноту, Мелис побежал за ними, но вдруг остановился и попросил:

- Подождите меня... - И побежал обратно, повернул лежащего на спину и только теперь по каким-то еле уловимым признакам понял, что мужчина мертв...

- Земля... прими его кровь и успокойся, - прошептал Мелис, чувствуя, как вместе со страхом за содеянное в его душу вкрадывается облегчение, будто это должно было возвысить его над

серым и будничным...

Вот то общее, что узнал Давлятов у следователя, и сразу же решил, что эта история касается его лишь постольку, поскольку Мелис - его приемный сын, и история эта локальна, без далеко тянущихся связей. Именно в этом как раз Давлятов ошибался, ибо в истории, как потом выяснилось, оказалось столько связей во времени и пространстве и так причудливо переплетенных, что распутывать их мог только такой многоопытный следователь, как Лютфи...

XVII

Пока Лютфи распутывает, обратимся вновь от частного случая с Мелисом к делам града, миллионное население которого продолжало жить между страхом и надеждой.

Тем более что мы, шахградцы, получили в этот вечер еще одно послание ОСС, которое гласило:

"На очередном заседании ОСС было решено сделать его постоянным общественным институтом, который продолжил бы свою деятельность и в напряженный период перед землетрясением, и в относительно спокойные времена, до очередной коварной Игры стихии, ибо Шахград, как известно, стоит в районе сейсмической активности.

Поскольку неумолимо приближается день, о котором ОСС предупреждал, мы хотим, чтобы как можно больше людей спаслось от гибели; желаем отвести беду от нашего красавца Шахграда, сохранив его для будущих поколений. Задача эта трудна, но благородна. ОСС нуждается в помощи вашей. Направляя гражданам вопросник, ОСС надеется сослужить этим службу не только жителям Шахграда, но и всему человечеству. Как ответственно ощущать себя здоровой частью человечества и пытаться спасти его даже ценой собственной гибели! Вопросы, на которые ОСС просит ответить шахградцев, помогут всеобщему спасению.

Итак, в момент землетрясения, не теряя хладнокровия, отметьте:

1. Время первого толчка - день и час, с точностью до минуты.
2. Как длительно было землетрясение и его колебания - горизонтальные или вертикальные, с рывками, подбрасыванием?
3. Какие земные или неземные звуки слышали?
4. Излучался ли свет? На какой стороне неба?
5. Какие из предметов передвигались по комнате?
6. Какие повреждения появились на стенах, потолке?
7. Как вели себя ваши домашние животные перед землетрясением?
8. Чувствовали ли вы заранее его приближение душевно - смутным беспокойством, ощущением беды - и физически - головной болью, тошнотой?

Заранее благодарим за то, что вы не поддались панике и точно и полно ответили на все наши вопросы. Ответы посылайте по адресу: улица Неглинка, дом 17, ОСС..."

- Меня удивляет! - воскликнул Нахангов, едва сын его Батурбек звонким голосом прочитал послание ОСС. - До сих пор не могут прикрыть эту позорную лавочку... Может быть, теперь, когда ОНО сообщило свой адрес... улица Неглинка, - стал вспоминать он, глядя поочередно в застывшие лица домочадцев. - Да, есть такая улица, недалеко от завода грампластинок...

Тугая на оба уха Офтоб-биби, восьмидесятилетняя мать Нахангова, тоже сидела со своими, напряженно глядя на сына и пытаясь по движению его губ понять, насколько сегодняшний вечерний сбор семьи чреват... и по тому, как все сжались от слов Нахангова, поняла матушка, что накрутилась еще одна суровая нить беспокойства. И едва она, поддерживаемая с обеих сторон, поднялась из бункера, где прождала со всеми роковой час, и легла в постель, прошептала:

- О Субхон-обло! Отведи беду... усьмири землю, прости ей грехи. Не оставляй моих домочадцев без защиты своей... Субхон-обло...

Произнеся все это, она почувствовала умиротворение и тихо заснула, уверенная в том, что не останется без защиты, хотя страх и беспокойство ночью толкали, будили ее не один раз, и тогда Офтоб-биби казалось, что сын услышал ее мольбу и что утром за завтраком он встретит ее недовольным взглядом и осудит, ибо в такой семье, пользующейся всеми благами безбожной жизни, не должно быть места тайным шепотам, заклинаниям. Раньше и вправду не было места этому позору. Офтоб-биби давно не вспоминала, жила весело, радуясь успехам сына, его взлету, достатку, уверенности, но с тех пор, как потеряла слух, вдруг сделалось ей неуютно, будто все отодвинулось от нее, чтобы осталась она в одиночестве.

Да, не зря Нахангов вспоминал улицу... С самого утра сотни шахградцев устремились на поиски и нашли Неглинную не возле завода грампластинок, а в районе протезной фабрики. Улицу-то нашли, и все дома поочередно, с первого по сотый, но на месте дома 17, куда шахградцы, уцелевшие после катастрофы, должны были посылать свои хладнокровные ответы, белела площадка, отгороженная чугунными решетками... со следами то ли строящегося здания, то ли дома, который уже разобрали по кирпичу, оставив для всеобщего обозрения лишь кое-какие контуры. Шахградцы постояли, мрачно глядя, затем решили, что дом 17 появится на этом месте сразу же после землетрясения - очередная штаб-квартира ОСС, вынужденная из-за преследований градсовета каждый день менять свое местопребывание... На том и разошлись, прислушиваясь к шумам и гулам, идущим, как им мерещилось, из-под земли.

Шагали пружинисто, легко ступая и подпрыгивая, пытаясь инстинктивно выйти из-под власти земного притяжения, и если бы такая походка сделалась привычкой шахградцев, то на их ногах наверняка выросло бы нечто вроде ласт, дающих им возможность, чуть приподнявшись над землей, парить, чтобы не чувствовать ни колебания, ни сотрясения тротуара. И оправдались бы тогда предсказания сейсмояпонцев о том, что в конституции шахградцев со временем произойдут необратимые изменения от постоянного напряжения.

В числе любопытствующих был и Давлятов, правда, не откровенно любопытствующих, а исподтишка. Он не бросился, как все, искать дом 17, а, придя на работу, напряженно вслушивался в разговоры, где-то в глубине души чувствуя, что указанный в послании ОСС адрес - вымышленный. Ведь в самом деле, не стал бы самозванный Совет так опрометчиво вести по своему следу... хотя, если вдуматься, в этом тоже была своя дерзость. То ли Давлятов поддался массовому психозу, то ли была это его личная убежденность, но он, как и все, был убежден, что дом с номером 17 по Неглинке появится сразу же после землетрясения... может быть, как единственное сохранившееся здание во всем граде.

Впрочем, Давлятов ловил себя на том, что мысли его скачут как-то прерывисто, то убегая куда-то, то застревая в чем-то ватном, делаясь ненавязчивыми. Да, немудрено сойти с ума - эти ночные визиты Байбутаева, выскивающего что-то внутри дома и вокруг него своим мигающим и свистящим прибором, непонятное охлаждение к нему Нахангова, объясниться с которым не хватило духа... а вдруг он догадывается о его теперешнем образе жизни. И сколько бы Давлятов ни успокаивал себя тем, что не может делить с Мелисом ответственность, все равно вина может пасть и на приемного сына, если обстоятельства дела будут до конца выяснены, - об этом и намекнул ему следователь Лютфи.

"Не мы ведем дело, а дело ведет нас по тернистой дороге", афористично высказался Лютфи, интеллигентно поклонившись Давлятову у дверей следственной.

Сей афоризм и был последней точкой в размышлениях Давлятова. И он, чтобы отвлечься и забыть всю навязчивую муть в голове, лихорадочно взялся за дело, которое казалось ему сейчас увлекательным и важным. Еще вчера забывший обо всем на свете ради своей идеи,

направивший всю страсть ума и фантазии, всю изобретательную находчивость, чтобы завершить модель, с помощью которой можно с точностью до минуты предсказывать землетрясение, он сегодня бросает эту работу, и, что самое обидное, на стадии завершения, когда надо было лишь начертить хвост формулы. И ничто уже, никакие доводы, уговоры, посулы не заставили бы его вернуться к работе, начатой с таким лихорадочным рвением, но не доведенной до конца и брошенной из-за другой обжигающей идеи. Ее, идею эту, даже назвать нельзя с определенностью - не то из области религии, не то психологии, не то криминалистики - в ней всего понемногу. Но, зная ум Давлятова, можно с уверенностью сказать: то, чем он теперь занялся - разоблачением взглядов Салиха, - он сумеет сделать наукой, тем более к его услугам вся пытливая мысль человечества, от Сократа до Фрейда и нашего ученого земляка

Нахангова, несколько книг которого легли на стол Давлятова рядом с "Философией религии" Гегеля.

Правда, и здесь не обошлось без свойственного Давлятову внутреннего борения. Что в данной ситуации важнее для нас, шахградцев? - думал он. Модель прогноза, которая спасет не только Шахград, но и тысячи других городов, или труд, показывающий всю порочность мыслей пресловутого Са-лиха и рассчитанный на духовное оздоровление миллионов? Бренная жизнь и духовное бессмертие? Материя и дух? И Давлятов после мучительного колебания вновь выбрал служение духу, хотя подспудно и понимал: духовные искания заставят его самого родиться заново, сделаться другим - лучше или хуже, будет зависеть, как выразился Лютфи, от того, "куда дело повернет...".

Рассказывая о новой страсти Давлятова, мы не зря вспоминаем Лютфи, распутывающего дело Мелиса и двух других подростков. Да, не зря: оба расследования странным образом переплетались, вводя в историю новое лицо Субхана; о его появлении - хоть и позднем - в граде уже стали поговаривать с надеждой.

На столе Лютфи был лишь магнитофон, монотонно записывающий показания подростков, охраны, сидевшей в тот вечер в сторожке, и рабочего, бродившего в то время во дворе лесопилки. Стол же Давлятова буквально трещал, и он то и дело протягивал руку к книге в тисненном золотом переплете, на которой было крупно написано "ОГНЕУПОРНЫЕ ПОРОДЫ" и имя автора работы "Академик Бабасоль В. С". Протягивая дрожащую руку, он тут же отдергивал ее, хватал карандаш и продолжал, подавляя волнение, делать наброски. Волнение Давлятова было не творческого характера, а, скорее, суеверного, ибо знал он, что между тисненной золотом обложкой находится текст, не имеющий отношения ни к академику Бабасолю, ни к огнеупорным породам, хотя, может быть, со словом "огонь" такие, как "огонь геенны", - и все в таком условном, гротескном, гиперболизированном смысле. Узнал бы академик Бабасоль, для какого камуфляжа используется его доброе имя, его бы хватил удар от испуга. Но пока академик Бабасоль не узнал, что за труд скрывается под его фамилией, попытаемся проследовать за Давлятовым в книгохранилище Института истории религии, откуда был извлечен сей странный фолиант.

Поскольку это был единственный экземпляр, сохранившийся во всем Шахграде, доступ к нему, по понятным причинам, был строго ограничен, исключение составляли лица, за которых ходатайствовал Нахангов. Изучив документ, скрепленный его печатью, двое молчаливых сотрудников института повели Давлятова куда-то вниз, по сырым и темным ступенькам, пока не стали у железной двери, откуда мигнул на них и тут же закрылся глазок. Дверь как-то мягко, без скрипа отодвинулась, но проход загородил стол с раскрытым журналом, на котором лежала толстая, в два пальца, шариковая ручка, привязанная за конец к столу тонкой цепью.

Сотрудники поставили свои подписи в журнале, затем церемонно протянули ручку Давлятову, который машинально оглянулся, не заметив нигде рядом охранника, глянувшего в

глазок. Это его почему-то смутило, и роспись его получилась корявой из-за дрожи в руке.

Коридор, по которому они зашагали дальше вглубь, был от стен до потолка опоясан трубами, издающими разные звуки, и, вслушиваясь в них, Давлятов понял, что по одним трубам течет вода, другие, подобно насосам, втягивают в себя какие-то шарообразные предметы, а внутри третьих искрится в проводах электричество. Все это, наверное, поддерживало нужную температуру и влажность и яркость в главном помещении, где хранились книги и рукописи на арабском, персидском и папирусы на арамейском, халдейском, а также свитки из кожи с древнееврейскими знаками и эсперанто.

Впрочем, это была лишь догадка Давлятова, ибо в само книгохранилище их не пустили. В железной двери открылось окошко... вытянулась чья-то волосатая рука. Сотрудники положили в нее пятиугольный жетон. Затем переглянулись с досадой, как бы не одобряя Нахангова, приставившего их сопровождать в подземное фолиантохранилище такого несерьезного типа, как Давлятов.

Не прошло и двадцати секунд, как из окошка высунулась волосатая рука. Вместе с книгой, заранее приготовленной к их приходу, сотрудники получили жетон для выхода с шестью углами.

Так же молча вернулись они к столу с журналом, расписались в графе "Выход с отходами ума", справа от графы "Выход с ценным продуктом ума", и опустили шестиугольный жетон в урну, прикрепленную сбоку стола. Поднявшись наверх, поспешно сунули в руки Давлятову отходы ума, словно желая скорее избавиться от него.

Давлятов даже не посмотрел. Быстро засунул книгу в портфель и, попрощавшись, бросился к стоянке такси и лишь в машине, по дороге домой, не в силах подавить волнение, глянул и чуть не ахнул, увидев на обложке название "Огнеупорные породы". Хотел было остановить такси и ехать обратно, подозревая сотрудников в подлом подвохе, вместо отходов ума подсунувших ему ценный продукт ума, чтобы помешать его работе.

- Остановите! - крикнул Давлятов, и от резкого торможения книга раскрылась, чуть не вывалившись из рук Давлятова, и взгляд его выхватил, из страницы слова: "...и к фемудянам - брата их, Салиха. Он сказал: народ мой! поклоняйтесьЖогу!.." - Не останавливайтесь! - крикнул, но уже другим, воодушевленным тоном Давлятов, указывая вперед, к проспекту, и водитель, с сомнением глянув на него, проворчал:

- Видно, нечистая сила завелась в здании, откуда вы вышли. То притягивает к себе, то отталкивает... Вот и вчера вышел оттуда... то ли Солибаба, то ли Бабасоль, и тоже - пристроился удобно на заднем сиденье, вынул книгу и вдруг кричит: "Остановите!" Только я нажал на тормоза, кричит: "Не останавливайте!" Потом даже разговорились - уважаемый человек, академик. Дома вспомнил про этот случай и засомневался: неужели и их, солидных людей, нечистая сила может замутить? Как вы думаете? - лукавым тоном спросил словоохотливый водитель.

- Неудивительно, что этот Бабасоль вел себя так нервозно, - проговорил Давлятов, подумав, что и академик был поражен, когда увидел, какой труд скрывается под его именем. Но тут же отогнал эту мысль, понимая, что не стало бы солидное учреждение заниматься таким камуфляжем, ставя в неловкое положение академика. Скорее всего, это козни каких-то мерзопакостников. Вместо истлевшей обложки "отходов ума" вклеили сии "отходы" в переплет книги Бабасоля - для юмора и фарса! А может быть, во всем этом скрывается некий смысл? Надо при случае узнать у Нахангова - он-то уж знает наверняка, в чем смысл такой пестрой смеси.

Не до конца успокоил себя этим Давлятов, ибо не покидало его суеверное чувство. Сидя за столом в лихорадочно-приподнятом настроении, он долго не мог протянуть руку, чтобы

раскрыть нужную главу фолианта под названием "Преграды".

- "...Народ мой! - стал читать он, все более воспалаясь, тоном торжественным и пророческим. - От Господа вашего пришло к нам ясное указание: "Эта верблюдица Божия служит вам знамением; оставьте ее пастись на земле Божией, не делайте ей никакого вреда; чтобы не постигла вас лютая казнь..." Лютая казнь... - повторил Давлятов, прислушиваясь к удаляющимся звукам собственного голоса, и сразу же вспомнился тот московский гость делегат на ВДНХ, с заветным копытом в кожаном мешочке, и неожиданная встреча с ним уже в Шахграде, когда бегал он в поисках верблюдицы, прирезанной кривыми ножами в соседнем дворе...

"Эта верблюдица... служит вам знамением..." - Давлятов вскочил, задохнувшись от тоски и непонятного восторга.

- Но почему? - прошептал он, закрывая глаза. - Почему Нахангову так уютно в паре с Мирабовым, а я... я должен изгонять Салиха?

Но тут же голос разума, который он называл чувством долга, заставил его очнуться, и, вернувшись к столу, Давлятов подумал, что после изгнания Салиха, его второго "я", станет легче и образовавшуюся пустоту можно заполнить чем-то другим... лечебным плаванием или собиранием почтовых марок. Разум его, правда, с колебанием, принял этот довод, и он записал с научной бесстрастностью:

"Известно, что верблюдиц наши предки посвящали своим божествам, метили и отпускали на волю во исполнение какого-нибудь обета. Нарушивших данный обет божества должны были покарать мором, градом, землетрясением..."

Секунду поразмыслив, он поставил перед словом "предки" уточняющее слово - "суеверные", затем перечеркнул и написал для усиления - "наши темные предки", зато после "божества" ввернул словечко "якобы". От этой казуистики Давлятову вдруг сделалось дурно, и он снова вскочил, трагически вопрошая:

- Но почему же? Почему Шаршарову уютно с... господи боже! Баба-соль! Так это же фемудянский академик! Почему я сразу не подумал?! Из памяти вылетело - Бабасоль! Почему он не изгоняет предателя Шаршаро-ва? Не клеймит его? Не бичует? Я же должен выворачивать свою душу и выскребать ее!

Тут случилось с Давлятовым такое непонятное, что в других обстоятельствах он бы и сам не поверил и клялся бы, что не было ничего подобного, но при теперешнем его душевном состоянии все это вполне могло сойти за явь, ибо одним из действующих лиц был сам Руслан, а самого себя не замечать и опровергать все же не пристало, как бы Давлятов ни был трезв и рассудителен. Тем более случилось это с каким-то эффектом привлекательности, не было самого зрелища, а было лишь чувство зрелища, ибо все это не воспринималось отдельно, а непосредственно переживалось Давлято-вым, хотя где-то в глубине сознания он, может быть, и ощущал фантастичность происходящего с точки зрения сегодняшнего реального времени.

А ощутил он... будто находится на площади, посреди которой возвышалось угрюмое капище. Из распахнутых ворот валил горький дым, от которого верблюды, шагающие мимо, морщась воротили морды. По краям площади, подле полукругом тянувшихся - стена к стене - каменных домов, расположились под навесами паломники, держащие путь в Каабу, близ Мекки. Весь день здесь не утихал гомон и топот, сновали взад-вперед в пестрой одежде амаликиты и гифриты, хасамы и мадианитяне с лицами веселых разбойников. Собравшись из разных мест пустыни, они, не теряя времени, тут же собирали краткосрочный, на день или два, базар, торговали мечами, верблюжьими седлами, рабами, плутовали, а с наступлением темноты жарили мясо на костре, бросая голодные взгляды на кувшины с вином; иудеи отдельно, в сторонке готовили свой излюбленный савик [Савик - каша из ячменной муки (арамейск.)].

Старейшина города и содержатель капища, имеющий от него немалый доход, ходил с двумя телохранителями мимо навесов, всматриваясь в лица приезжих, будто замышлял что-то. Совсем недавно он получил высочайшее разрешение настоятеля святилища в Мекке - вместо куска камня, отсеченного от черного камня Каабы, поставить в капище эти два изваяния - мужчины и женщины в натуральную величину, стоящих в обнимку, чтобы фему-дяне и останавливающиеся здесь по пути в Мекку люди чужих племен поклонялись сразу двум божествам, взамен старого идола, прозванного Йагусом [Йагус буквально: посылающий дождь]. Йагуса же, из-за которого не было ни дня покоя фемудьям - чужие племена зарились на него, пытаясь унести любой ценой, даже ценой смертельного кровопролития, - старейшина подарил соседям, чтобы те защищали границы фемудян от набегов. Вырезанные из зеленого камня, новые идолы излучали загадочный свет, который и отпугивал и привлекал фемудян. Безо всякого спора согласились они вынести святой камень и поставить на его место истуканов с человеческими лицами. В этих божествах был заключен и некий высший смысл, кроме простого смысла мольбы о милосердии и помощи. Фемудяне, глядя на изображение себе подобных, могли в своих грезах отождествлять себя с дающими, милосердными и почти безгрешными. В моменты особого волнения они воображали себя уже и бого-человеками, хотя и боялись признаваться в этом даже друг другу. Это расслабляло их, снимая с души нарост запретов и тайн, и мнили себя фемудяне избранными среди других племен, которым многое дано и позволено...

Настоятель всматривался, пытаясь понять, о чем же говорят приезжие, выйдя из капища, где они только что поклонялись новым божествам. Нет, он не боялся возмущения или осуждения. Ему, человеку сентиментальному важен был сам эффект переживания перед ликом стоящих в обнимку мужчины и женщины. По жестам их и мимике настоятель догадывался, что ни один, даже самый благочестивый паломник не испытывает удивления или досады после выхода из дымного капища; наверное, потому, что оберегают чистоту чувств и силу волнения для Святилища в Мекке, в конце своего многотрудного путешествия по пустыне. Да и не все они считают своим долгом поклоняться местным, фемудьянским идолам. Лишь состоятельный пилигрим или тот, кто настойчиво повторяет свой обет, надеясь на благосклонность божества к его мольбам, шел в сторону жертвенника, обложенного простым камнем, близ сухого колодца, ведя за собой упирающуюся овцу или верблюдицу.

К нему подбегали служители жертвенника, чтобы отогнать овцу в загон слева от колодца, а верблюдицу - в загон справа, где их придирчиво осматривали живодеры. Не обнаружив на теле животного никаких следов насилия, тут же, на глазах дарителя метили его, протыкая раскаленным прутом уши, и пускали в стадо, где меченого новичка обнюхивали со всех сторон другие верблюдицы, как бы выражая и сочувствие и радость от того, что душа их будет отдана божеству. А принесший жертву переступал порог капища, чтобы поклониться идолам, и вид униженной верблюдицы, которой проткнули ухо, настраивал душу молящегося на высокую ноту. Ни лужицы крови вокруг черного мрамора, на котором стояли обнявшись идолы в человеческом облике, ни зола и пепел, ни смрад и сырость внутри капища не остужали переживаний молящегося.

И сегодня все шло своим чередом; как и все дни, пока длится сезон паломничества - хадж; началось оно по лунному календарю с месяца ау-л-хиджжа. И только к концу хаджа, когда толпы едущих в Каабу рedeют, цены на жилье в палаточных гостиницах, на базарах рабынь падают ниже обычного... но и это уже не смущает предприимчивых фемудян, довольных выручкой.

Закрывшись в своих домах, они считали и складывали дирхем к дирхему и, увлеченные, не слышали криков и улюлюканья мальчишек, сбегавших вниз по холму:

- Салих, Салих, откуси себе ухо!

Тот, за кем они бежали, корча рожицы и дергая его за полу холщовой накидки, лишь растерянно улыбался, пытаясь казаться дружелюбным к своим преследователям. Бледное, истерзанное болезнью лицо и дергающаяся рука, которая, описав дугу, опиралась на посох, выдавали в нем странника, только что вошедшего в город.

Впрочем, фемудяне - и взрослые и дети - видели его не первый раз. Своими странными выходками и речами он прослыл среди них сумасшедшим. Появлялся он здесь ненадолго днем, слонялся на базаре, смущая паломников проклятиями в адрес божеств, называя их пустыми, бездушными истуканами из глины. Не щадил ни Хабула, ни богиню Манат, ни Баллу. И так возмущал всех, что благочестивые забрасывали его камнями и так гнали до самой черты города. Хоть и исчезал он после этого надолго, о нем не забывали, фемудянские купцы частенько видели его то в Рухате, между Меккой и Мединой, то в Ал-Валине, в землях племени хасама, то в самом Таба-ле, на пути из Йемена, и всюду назойливо и иступленно поносил он божества племен, призывая верить в единого Бога, милостивого, милосердного... "Я передаю вам то, с чем послал меня господь мой! Я передаю вам то, с чем послал меня господь мой ради вашего спасения..."

В последний раз его видели в Джудде, где он также был жестоко побит камнями. Старейшина Джудды призывал тайно умертвить его, доказывая, что бродяга со своими бредовыми речами не так уж безобиден. Отрицая богов каждого племени, он, как червь, подтачивает вечноезеленое родовое дерево, возвращенное на дедовских обычаях, родном языке, непохожести нравов, в угоду чуждой, привнесенной откуда-то идее единобожия!

В прошлый раз, едва он появился на площади в окружении мальчишек и, выкрикивая проклятия, сразу бросился в капище, чтобы побить посохом Йагуса, - настоятель велел телохранителям не трогать его, пусть выльет весь свой гнев на Голову идола. В ярости он даже сдвинул камень, пытаясь повалить его набок, а люди вокруг смотрели и потешались. Он же воспринимал это как признак их слабости и еще больше воспалялся. И даже когда телохранители набросились на него и скрутили ему руки, он, удовлетворенный, подумал, что фемудяне уже созрели, настало время отделить ложь от истины...

И с какой ребячливой горечью рыдал он, упав лицом ниц на песок бархана, когда узнал от паломников, что в капище фемудян вместо сраженного им привезли новых идолов, окаменевших в объятии мужчину и женщину, и что поклоняются теперь себе подобным, погрязшим в грехах и блуде, и не только сами все ниже опускаются в пучину порока, но и соблазняют паломников из других племен, обогащаясь на лжи.

И сейчас, когда он спустился с пологой улицы на площадь, настоятель решил опять потешиться представлением, чтобы развеять скуку. И дал знак телохранителям - не задерживать его у входа в капище.

Он шагал, сжимая посох, с таким видом, будто страсть, овладевшая всеми его помыслами, застилала ему глаза. Он никого не замечал, кроме мальчишек, хотя в предвкушении бесплатного представления шли за ним и взрослые. Настоятеля он не увидел, а, скорее, почувствовал нутром и, словно получил толчок в грудь, остановился перед ним. Ярость в его глазах сменилась сожалением, даже печалью, и он сказал с дрожью в голосе:

- Бабасоль... В прошлый раз мне показалось, что ложь отступила... Ты заметил это по моим глазам, не мог не заметить, ибо ты проницателен. О, как ты, должно быть, смеялся надо мной, когда телохранители твои толкнули меня в ров... чтобы я захлебнулся в крови жертвенных верблюдиц! О, как ты смеялся, гордец! И чтобы еще больше унижить меня, вместо куска камня поставил в своем мерзком капище сына и дочь блуда!

Бабасоль ответил не сразу, словно боялся, что унижит себя разговором с бродягой. И все же не удержался:

- Не ты ли сам гордец, если воображаешь, что мы выбрали себе новое божество только ради того, чтобы унижить тебя?!

Ответ настоятеля пришелся по душе всем, вокруг послышался смех. Салих переждал, пока смех прекратится, правый глаз его помутнел и почти перестал видеть.

- Знают ли фемудяне и люди других племен, кого ты привез из Каабы? спросил он и крикнул, обращаясь ко всем: - Знайте же, это - Исаф и Наила, дочь Зайда из племени джурхум. Они пришли в Каабу, забежали в Святой Дом и, видя, что дом почти пуст, предались там блуду! И в искупление грехов были превращены в каменных истуканов! Вот кому вы поклоняетесь! Детей греха вы считаете своим божеством! Разве это не ложь? Не избежите вы за это наказания, нет!

- Это Зу-л-Халаса [Зу-л-Халаса - божество войны (арабск.)] и Руда [Руда - богиня плодородия], - с достоинством ответил Бабасоль. - Они принесут фемудянам и всем, кто им поклоняется, изобилие и удачу в войне! Они сделают наш город избранным среди других, и всюду, от моря и до моря, наш город будут называть великим. Иди теперь и поклонись нашим божествам, и ты... может, и тебе перепадет удача! - И по его знаку телохранители толкнули Салиха в капище, и он, войдя туда со словами: "Пришла истина, и исчезла ложь, поистине ложь - преходяща!" - и, замахнувшись, ударил посохом слившихся в одно тело от крепкого объятия истуканов с человеческими лицами, излучающими загадочный зеленый свет...

"Пришла истина, и исчезла ложь", - истратив всю свою ярость, с разбитым посохом он вышел из капища. Чувствуя себя страшно опустошенным, еле держался на ногах. По замкнутым лицам вокруг он понял, что на этот раз его не согреет ни одна иллюзия, ни толика надежды, и, бросив взгляд на загон, где понуро стояли меченые верблюдицы, сказал:

- Сказано вам было в прошлый раз: эта верблюдица Божия служит вам знаменем. Оставьте ее пастись на земле Божией, не делайте ей никакого вреда, чтобы не постигла вас лютая казнь... Вы ослушались, все, что здесь собрано для жертвоприношения Богу, ты, Бабасоль, и твои люди закалывают тайком ночью, чтобы утром продавать мясо верблюдицы в своих лавках...

И, будто от слов его, одна верблюдица испуганно метнулась в загоне и, бросившись напролом через перегородку, поскакала мимо капища по площади. С криками бросились за ней мужчины, выхватывая из-за пояса кривые ножи. И обезумевшая верблюдица вдруг споткнулась и упала на передние ноги. На нее сразу же навалились, нанося удары ей в бок, и не успела верблюдица испустить последний вздох, как уже растаскивали ее тушу в разные стороны, отрезая от нее лакомые куски.

- Вот вам предзнаменование того, что теперь неминуемо! - мрачно сказал Салих и отвернулся.

Настоятель, бесстрастно наблюдавший эту сцену, не замедлил ответить ему:

- Иди и отрежь себе лакомый кусок! Эта верблюдица принесена в жертву любви! Пусть это будут Исаф и Наила, дочь Зайда, как ты их назвал. Но они сама любовь земная, дарующая жизнь... и у нее мы просим дождя, защиты от врага, здоровья себе и своим детям... Ты скажешь: малым вы довольствуетесь! Иди и попируй вместе со своими во славу любви мужчины и женщины, и тогда, может быть, ты ответишь внятно: что предлагает нам взамен твой Бог?! - И телохранители снова толкнули Салиха в спину.

Он поскользнулся, но удержался на ногах и повторил как одержимый:

- Знайте же, кара неминуема!

- Хорошо! - усмехнулся настоятель Бабасоль. - Спор окончен, потому что у тебя нет других доводов, кроме угроз... Тогда наведи на нас то, чем грозил ты в прошлый раз, - землетрясение, и мы поверим, что ты посланник Бога...

- Это будет неминуемо! - упрямо тряхнул головой Салих, чувствуя, что и левый глаз его

мутнеет.

- И ты никого не спасешь? - спросил Бабасоль с иронией. - Неужели среди нас нет ни одного безгрешного?

Салих посмотрел в растерянности по сторонам и в толпе хихикающих мальчишек увидел Руслана. Его открытый взгляд чем-то тронул Салиха, и, подойдя к Руслану, он положил руку на его плечо:

- У меня только одна душа... И я отдам ее за спасение этого мальчика... Идем со мной, - попросил он Руслана, и Руслан, удивленно посмотрев по сторонам, пошел за Салихом, принимая все это за игру.

Все видели, как они идут через площадь, в красных, предзакатных лучах казалось, что контуры одеяния Салиха все бледнеют, сливаясь с общей уходящей картиной, и так смотрели на них до тех пор, пока Салих совсем не исчез.

Когда бросились туда, где Руслан остался один, нашли его под деревом, лежащим в такой позе, будто он прислушивался к гулу земли и так заснул. Мальчишки кричали, но он не просыпался. Тогда подняли его на руки и понесли домой... и было слышно, как всю дорогу он рыдает во сне...

Давлятов очнулся: расщепленное чувство его, воспринявшее картину как в кривом зеркале, вновь замутилось в своей одномерности, возвращая Руслана Ахметовича к обыденному. Он лишь удивился, увидев, как на руку его капнула слеза: неужели плакал? Что взбудоражило его душу? Не успел Давлятов подумать об этом, как увидел в окне физиономию того маленького человека со злыми глазами. Давлятов от неожиданности отпрянул назад от стола, но уродец, схватившись за подоконник, подтянулся и кивнул, явно желая поговорить с хозяином дома.

Давлятов совладал с собой и, глянув на него пристально, махнул рукой:

- Иди, не до тебя мне сейчас, - не в силах скрыть укора и даже презрения.

Гость пожал плечами, мол, как пожелаете, и исчез. И тут же в дверь кабинета постучали, и вошла встревоженная Анна Ермиловна.

- С кем это ты разговариваешь? - спросила она, будто еще с порога не увидела, что сын один в своем кабинете.

- Станный вопрос, - неопределенно пробормотал Давлятов, машинально отодвигая от себя рукопись.

- Извини, мне почудилось, - устало заметила Анна Ермиловна, опускаясь в кресло. - Ты опять чем-то увлекся серьезным... а там Мелис под следствием... Все эти дни я чувствую свою ненужность.

- Ненужность? - не придавая значения словам, спросил Давлятов.

- Да, и растерянность... Кстати, - снова перевела она разговор на Мелиса, - ребята держатся молодцами. Все они страшно горды тем, что в Шахграде только и разговоров об их ужасном поступке...

Давлятов смотрел на нее так, будто пытался узнать ее с новой, неожиданной стороны, и вдруг спросил:

- Знаешь ли ты о том, что наш род берет свое начало от ветхозаветных фемудян? - Взволнованный, он встал и зашагал по комнате. - Разве тебе это ни о чем не говорит?! Не наполняет твою жизнь особым смыслом?

- Я знала об этом, - тихо и буднично проговорила Анна Ермиловна.

- Знала? - удивленно воскликнул Давлятов. - И молчала? Как же так?! И Салиха ты знала? И настоятеля капища Бабасоля? И видела, как несли меня, спящего, домой и как я рыдал всю дорогу во сне?! Расскажи, это же ужасно интересно!

Анна Ермиловна сначала отнекивалась, говоря о том, что плохо себя чувствует, но затем

смягчилась и рассказала...

XVIII

Представляю, как нелегко вести следствие Лютфи, сохраняя беспристрастность и присутствие духа в атмосфере всеобщего недоумения и неодобрения вокруг. Едва шахградцы узнали о мотивах преступления, они сразу же прониклись к нашим подросткам сочувствием, а когда стали открываться подробности ритуального убийства, с такой хладнокровием совершенного ради успокоения напряженной земли, сочувствие сменилось откровенным неодобрением правосудия.

С завидной точностью собирающиеся по вечерам вместе на открытых пространствах шахградцы первым делом говорили о подростках, ставших для них ближе самых близких.

"Возмутительно! - слышались всюду голоса. - Наши дети решились на такое ради всеобщего спокойствия, а их собираются судить. Из-за кого, спрашивается? Из-за какого-то бродяги? Да их не судить надо, памятники им ставить!"

Правда, никто из возмущавшихся даже имен подростков не знал, просто слышали, что какие-то юные шахградцы в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет совершили такое... причем зачинщиком жертвенного убийства был как раз таки самый младший в компании, двенадцатилетний... тем более юнец-молодец. И выбрали они в жертву кого? Обыкновенного бродягу, шаромыгу, без дома и семьи, ничем полезным не занимающегося, даже, кажется, и имени собственного не знающего... Одни называли его Карим, другие Хаким... промелькнуло в судах и пересудах и имя Субхан. Почему-то имя и выбрали, называя убитого - Субхан, возможно, из-за звучности, хотя бродяга с именем все равно вызывал неприязнь, несмотря на то что не ходил уже больше среди шахградцев в своей поношенной, с чужих плеч, одежде, с клеенчатой рваной сумкой, где была черствая лепешка и луковица на завтрак.

"Разве можно ставить на весы Фемиды жизни миллиона шахградцев и одного бродяги?" - рассуждали в вечерней толпе, более всего возмущаясь тем, что их, людей с гарантированными правами, положением в обществе, с цветными телевизорами в уютных квартирах, у экранов которых они должны были завтра снова собираться на встречу с сейсмосветилами, равняли перед законом с изгоем, отщепенцем, не состоящим ни членом кассы взаимопомощи, ни жилищного кооператива, не говоря уже о членстве в Обществе географов, минералов, любителей-цветоводов, дермотовенерологов, в Союзе композиторов "Есть на Востоке добрый город..." и художников "Нарисуем - будем жить", "Палочка-выручалочка".

"Требуем немедленно освободить наших детей-героев!" - все настойчивее раздавались голоса, нашлись такие, кто готов был всю холодность доводов и жар возмущения шахградцев излить в форме заявления в Верховный суд града и собрать под ним миллион подписей в защиту "наших детей".

Правда, в тот же вечер эта затея не была воплощена, ибо никто не мог толком назвать имена "наших детей", а писать вообще о задержанных и обвиненных в нарушении "нравственности" или называть их просто "благородными героями" посчитали для такого серьезного общественного шага не совсем убедительным. Хотя и наиболее нетерпеливые, организовавшие инициативную группу, требовали писать немедленно и даже клялись, что знают имена подростков, и чаще других почему-то опять называли имя Суб-хан, забыв, должно быть, что еще десять минут назад этим именем называли самого бродягу...

Жаль, не было в тот вечер среди инициативной группы граждан Анны Ермиловны. Она, из-за своей незанятости на дню по два раза, утром и вечером, идущая на встречу со следователем, Мелисом и его друзьями, могла быть такой полезной.

О, многое рассказала бы милейшая Анна Ермиловна, взволнованная подробностями, которые она узнавала после каждой встречи с Лютфи, хотя эти подробности могли быть интересны сами по себе любопытствующим шахградцам как еще одна, в общем-то банальная история частной жизни, и сомнительно, что они, эти подробности, сослужили бы добрую службу тому же Мелису. Скорее наоборот, сколько бы потянулось неожиданных, на первый взгляд уму непостижимых, связей от убитого, принесенного в жертву Шахграду, к другим лицам, к Давлятову, к самой Анне Ермиловне, к покойному ее супругу Ахмету Давлятову, к людям им близким, что все запуталось бы, замутив образ "наших детей-героев". Так что лучше попросим словоохотливую от нервного возбуждения Анну Ермиловну не касаться этих подробностей, о них мы узнаем со временем из первых уст - от Лютфи, а весь свой пыл направить на скорое освобождение из-под следствия Мелиса И его друзей.

Впрочем, Анна Ермиловна это и стала делать, едва прощупала она общественное мнение. Вместе с родителями Равиля и Петра бросилась она на розыски инициативной группы, собирающейся, как ей донесли, на самой фешенебельной "спасательной" площадке в центральном сквере, куда выходили по вечерам жители прилегающих кварталов, так называемый средний слой Шахграда: управляющие трестами, директора баз и начальники главков, известные певцы, беллетристы, ювелиры, люкс-косметички и секс-парикмахеры словом, те, кто не был в списке законных бункеровладельцев, но, благодаря связям с Бюро гуманитарных услуг, уже строил себе подземные убежища, хотя и тайно, не рекламируя это.

И действительно, место, куда Анна Ермиловна торопилась, вначале показалось ей не островком страха и отчаяния - таким выделась ей площадка в ее квартале, - а райским уголком, местом отдохновения души, защищенным вековыми платанами и липами, которые нигде не росли во всем Шахграде, кроме центрального сквера. Высокий, в форме раскрывшегося цветка лотоса фонтан, искусственно подсвеченный снизу цветогаммой, розы, гладиолусы и пестрая смесь других цветов и дорисовали эту надпись: "Шахт-рад - роза Востока". Лотки с прохладительными напитками, светящиеся, свистящие, хлопающие игрища-автоматы и скамейки под тентами, где можно сидя переждать время, приближающееся к десяти и... у-х-х! - и, зацепившись, лениво уходящее потом за черту.

А как принаряжена была эта вывалившаяся из домов публика - с истинно восточным блеском и богатством, смешанным с безвкусицей, так что одетой в скромное ситцевое платье москвичке Анне Ермиловне стало неловко. Она остановилась, не зная, что говорить и как узнать, есть ли среди этой почтенной публики члены инициативной группы, которая организовывалась стихийно, на одном лишь голом желании возмужать и с сарказмом остричь.

Инженер Байт-Курганов, продавец овощного лотка Сержантова и фабричный юрист Саллаев - чувствительные натуры, более всего задетые зарядом толпы, инстинктивно потянулись друг к другу, собрались в кружок - и, не споря и не претендуя на роль лидера сей группы, демократично зашептались, вырабатывая коллективное мнение о действиях "наших детей", мнение, как было подчеркнуто выше, деятельно благоприятное. Доселе неизвестные друг другу, эти трое шахградцев, люди разного возраста, пола и принадлежности к классам, добровольно взяли на себя роль хлопотливых и самоотверженных, хотя, столкнувшись они со следователем Лютфи не за глаза, а лицом к лицу, он бы мог рассказать много любопытного о каждом из энергичной тройки, и более всего об инженере Байт-Курганове. И тогда поползло бы обратное мнение, в чем-то, возможно, и порочащее сплоченную тройку, мол, возмущаются они действиями правосудия не из благородного негодования, а скорее, из корысти, желая преодолеть собственное чувство ущемленное(tm).

Но оставим пока личность самого Байт-Курганова и обратимся вновь к растерянной Анне Ермиловне, которую подвели наконец к тройке и представили как бабушку одного из "наших

детей". Бабушка торопливо заговорила со свойственной ей точностью оценок, с каждой своей фразой все более удивляясь тому, как слушают ее Байт-Курганов и КЮ.

Душевные переживания тройки, впрочем, объяснимы. Едва члены инициативной группы узнали имена подростков и все, что касалось их прошлой жизни, будто сконфузились и остались недовольными, ибо для эффекта дела, которому они отдавали свой досуг, наверное, важна была сама идея, сам порыв и возмущение. И потому все тревожило и возбуждало в деле подростков, когда картина была без грубых контуров и все называлось общо и абстрактно - "наши дети". Теперь же, когда о них с мольбой говорилось как о реальных лицах, подростки в глазах толпы выглядели преступниками. Осуждали их жестокость и цинизм, подсознательно вспоминали собственных детей, с которыми сами не очень-то ладили, страдая от их диких выходок, от их неверия во все святое, что питало души их родителей.

И может быть, отсюда и неожиданное предложение к Анне Ермиловне о том, чтобы она сама составила текст прошения в Верховный суд Шахгра-да. Как бывшая школьная учительница, она сумеет сделать это в меру логично и эмоционально, литературно грамотно, а инициативная тройка займется сбором подписей тысяч и тысяч шахградцев под прошением.

Пока Анна Ермиловна тайком от сына сидит над текстом прошения, глянем на шахградцев, толпящихся внутри стеклянного колпака аэропорта и трех городских вокзалов дальнего следования.

Очередное, четвертое послание-предупреждение ОСС хотя и было выдержано в обычных, спокойных тонах, но чем-то взбудоражило шахградцев, а тут еще и последний срок - тридцатидневка неумолимо приближается, и многие, даже те, кто колебался, твердо решили в эти дни уехать подальше из Шахграда... хоть в Каюктепе, в Липомедовск, в Коннозаводск - в тихие, нетронутые местечки, где земля дышит в такт и в лад с дыханием дождевого червя, чтобы не потревожить...

Шахградцы целыми семьями, взяв с собой самое малое и необходимое золото и бриллианты, заполонили аэропорт, куда пришлось вызвать дополнительно наряды милиции. Начальники трех вокзалов также были в панике. Остались невозмутимыми лишь те, кто заранее предугадывал этот массовый исход, - спекулянты, вписавшиеся в иерархию Бюро гуманитарных услуг, в цвету и румянце...

Но потом что-то не срабатывало в хитроумной цепочке, и самолеты поднимались в воздух почти пустыми из-за того, что спекулянты не могли к тому часу и дню распродать билеты - то ли посредники, наподобие Лют-фи брата следователя, в какой-то момент выпускали из рук дело, то ли сам Депутат - таинственный и всесильный фараон - устало смахивал с лица пот, обремененный тысячью забот. Нелегко натягивать всю паутину, которой Бюро опутало Шахград, что-то непременно лопалось...

И у тех, кто тщетно пытался улететь, создавалось ощущение, что весь Шахград стремится вырваться за свои пределы. И беспокойство шахградцев подогревалось еще и тем, что объявленная телевстреча с сейсмоакадемиком-ми (очередная!) все откладывалась безо всякого разумного объяснения, затягивая опровержение послания ОСС. Поползли слухи, самые нелепые, наподобие того, что академики полным составом своей Академии вошли в добровольные члены ОСС, слившись со своими вчерашними противниками. Не бескорыстно, конечно. Первыми бросаются за борт идущего к гибели корабля. От сознания этого даже в тех, кто не верил в последний срок, вкралось сомнение. Скептики, не верившие ни одному слову сейсмосветил, вдруг почувствовали себя беззащитными, будто их предали. Затем пронесся слух, что сейсмоакадемики тайком разъехались по своим городам, оставив шахградцев на произвол судьбы... а ведь обещали быть до конца - до победного. Обеспокоенный председатель градсовета Адамбаев вмешался. Выяснилось, что сейсмоакадемики, сидя на обломках

собственной науки, которую сами же искусно разобрали по кирпичику, не знали, как ответить на очередное послание - ОСС, - спорили, даже ругались между собой, не в силах прийти к общему мнению. Адамбаев в сердцах сказал, что сейсмоакадемики злоупотребляют гостеприимством шахградцев, призвал их покончить с распрями и напрячь свой ум - все равно никто из них не сможет уехать, пока не станет всем ясна судьба града.

Обреченно почувствовали себя заложниками Шахграда сейсмоакадемики и прекратили дразни, чтобы напрячься... Напряжение ощущалось во всем. Анна Ермиловна, прибежавшая на следующий вечер к центральному скверу, уже с сочиненной петицией, сконфуженная, долго искала в толпе Байт-Курганова и была обескуражена тем, что ей сказали. Будто Байт-Курганов, самый активный из инициативной группы, тоже натянул палатку за городом и намерен пока безвыездно жить на чистом воздухе, вдали от шума городского.

Признаться, мы не подозревали о таком качестве худой, полувисохшей старушки, как моторность. Заведенную, ее уже ничем нельзя было остановить. Натура ее страстно желала страдать. Она и развелась в свое время с Ахметом Давлятовым исключительно ради того, чтобы пострадать. Из-за своего извечного желания пострадать она и от уюта отказалась, оставив все имущество Ахмету Давлятову (имущества и всего прочего нажитого накопилось к тому времени на двести тысяч, не меньше), поселилась в одной комнате общей квартиры в Москве и, нацепив рюкзак на плечи, была все время в путешествиях - то пешком, по старинным русским городам, то колесных - к знакомым, на Кавказе собирала целебную травку, держала настои... И эта самая моторность не позволяла ей унывать и расслабляться. Легкая на подъем, ироничная, милейшая Анна Ермиловна, бессребреница. Сжимая в руке последнюю трешку, бросилась она к выходу на проспект, чтобы как можно скорее выбраться на такси за город, в местечко Кауфманское, где и натянул свою палатку коварный Байт-Курганов.

Коварство Байт-Курганова мы раскроем позже, а сейчас доверчивая Анна Ермиловна стремится к нему, думая о Мелисе и его друзьях, страдающих в следственной тюрьме. И как бы ни пыталась она скрыть от сына свою деятельность, которая для нее, скучающей, стала сильнее страсти, Давля-тов-младший все же узнал и возмутился. Ему казалось безнравственным, поддавшись массовому психозу, вырывать Мелиса из рук правосудия - пусть ответит за содеянное сполна, пусть и он, как и каждый, ступит на стезю страдания, чтобы очиститься. Так выразился патетичный и гневливый Давлятов и пригрозил даже, что уйдет из дома, чтобы не видеть и не слышать всю эту возню, тем более что Нахангов предложил ему в полное распоряжение одну из комнат в своем бункере, чтобы мог Давлятов в тиши и безопасности подготовиться к конференции.

С трогательной симпатией думая о чудачествах своего сына, Анна Ермиловна и не заметила, как проехала по кольцевой дороге. Справа на большом пространстве с обеих сторон быстрой горной речки и забелели остроносые, плоскокрышие, покатые, туго натянутые и гудящие от пробегающих потоков ветра... удивительно, чувствовалась во всем гармония и порядок, ровные ряды смыкались с площадью. А ведь Анна Ермиловна уже заранее была в панике, представляя палаточный городок как хаотическое сооружение шахградцев, думающих каждый день лишь о своем спасении и посему, пусть временно, пренебрегших законами общежития.

Многие улицы здесь повторяли шахградские названия. Номера домов и таблички с фамилиями домовладельцев висели у входа в палатки. На стоянках машины стояли рядами. Передвижные магазины-гастрономы назывались "Ново-шахградскими".

Известно, что градсовет в первые дни палаточного бума издал указ, но, чувствуя возмущение шахградцев, пошел на попятную, и удивительно - не ощущающие надзора властей, их предписаний, ограничений и поощрений, шахградцы все же сумели так организовать свой быт, будто по-прежнему давил над ними закон. Склонность к порядку была у них в крови, и

если бы вместе с Анной Ермиловной приехал сейчас сюда председатель градсовета Адамбаев, он бы порадовался сознательности граждан.

Оценив обстановку, Анна Ермиловна поняла, что Байт-Курганова надобно искать в центральной части городка. Прошла мимо лающих собак, бегающих вокруг палатки с натянутой цепью на шее, лошадь высунула морду из-за перегородки и глянула на нее, но она упорно шагала, довольная тем, что все идет хорошо... не подозревая, что в какой-то момент карты ей может спутать некая личность весьма неопределенного свойства, которая из-за своего образа жизни давно уже превратилась в полуреальную-полумифическую персону (звали ее Субхан), но именно благодаря этому свойству ставшая столь популярной среди шахградцев.

А Байт-Курганов вдруг повел себя вельможено. У палатки с табличкой при входе: "Улица Вечного Огня, дом 18, кв. 45. Инженер Байт-Курганов С. И." Анна Ермиловна была остановлена женщиной с мелькающими нервными глазами, должно быть женой инженера, и опрошена. Анна Ермиловна торопливо объяснила, рассчитывая на приветливость и сочувствие, но женщина, не сказав ни слова, ушла. И, выглянув, сказала, что Байт-Курганов занят, и просила подождать у входа в палатку.

Мимо торопливо шли с покупками, бегали дети, стреляя водяными пистолетами, ритм, расслабленный вдалеке, сгущался, приближаясь к центру города, и временами даже испускал жар от чрезмерного всплеска напряжения минуты текли, откладывая воск, который твердел на глазах. А Анна Ермиловна все ждала, уже начиная сомневаться и в Байт-Курганове, и во всей этой затее с петицией, чувствуя себя обманутой.

Время шло, уже перевалило за девять, на столбах, которых Анна Ермиловна ранее не замечала, вдруг зажегся свет, создавая ощущение реальности всей этой жизни, показавшейся поначалу призрачной. Должно быть, долгое ожидание Байт-Курганова, вокруг палатки которого ходила взад-вперед Анна Ермиловна, сбивало с толку. И если бы не Мелис, Анна Ермиловна давно бы махнула на все рукой и уехала бы назад в Шахград, ругая Байт-Курганова за бестактность и коварство.

Но разве могла знать беспокойная Анна Ермиловна, что в палатке, откуда не выходил Байт-Курганов, происходил весьма серьезный разговор, даже не разговор, а действие - фантастическое, феерическое, с мельканием лиц, переселением душ, раздвоением, а затем снова соединением, с двуедиными типажамми, - словом, борение с огнем и дымом, запах которого, правда, никто из сорокатысячного населения палаточного городка не чуял.

Но близко к десяти все представилось Анне Ермиловне в истинном свете, когда из палаток стали торопливо выходить шахградцы, собираясь со всех сторон к площадке, посередине которой стояла обдуваемая сквозняками палатка инженера Байт-Курганова.

Толпа оттеснила Анну Ермиловну назад; растерянная, она заметалась, хотя и успела подумать о странности ситуации. Ведь для того все и собрались здесь, зная, что даже самый сильный толчок не тронет палатку с места, разве что если разверзнется земля и все провалится...

Тогда почему же в одно и то же время, как и во все прошедшие вечера, шахградцы вышли, смешавшись в толпы, - среди них промелькнул и доктор Мирабов, - будто жили они и сейчас в кирпичных и бетонных домах? Привычка? Любовь и почтение к порядку, который у всех в крови? Но не совсем обычное поведение шахградцев смутило Анну Ермиловну, когда увидела она, что все, кто собрался вокруг палатки Байт-Курганова, вдруг упали на колени напряженные позы, поднятые вверх руки, страстная мольба в голосе. И все голоса смешались в хоре просящих, молящих:

- О, Субхан, защити, отведи беду, не дай погибнуть... прости нас, прости...

Словно порывом тысяч голосов палатку сплющило со всех сторон. Из дыры на ее острие, как легкий дымок, выполз жар, поднимаясь все выше. И в этот момент из палатки вытолкнули

человека, которого Анна Ермиловна не разглядела. Человек по инерции немного пробежал в сторону молящихся и резко остановился, едва не упав к ним в объятия.

Тысячи дрожащих рук потянулись к нему, повторяя, как заклинание, все то же имя - Субхан, взывая к нему и прося защиты, но человек почему-то выделил и повернулся к Анне Ермиловне с удивлением на лице. В худощавом, тщедушном человеке она узнала того, о ком рассказывала недавно сыну, спросившему об их фемудянском происхождении.

Странно, но Субхан ничуть не изменился за столько лет, возможно, оттого, что изменилась Анна Ермиловна, которой казалось, что всех остальных не задело время.

Тот, к кому обращались с мольбой жители палаточного городка, поднял руку, в которой совсем не чувствовалось силы, и, подойдя к передним, легко коснулся головы одного, другого, словно прикосновением своим снимал страх и успокаивал, - и так пошел он по ряду, легко коснулся лба Мирабо-ва, подбородка Хури, Шаршарова, и видно было, как из коленопреклоненных уходит напряжение. Затем пошел он вдоль второго ряда - от его прикосновений у женщин выступали слезы на глазах, старики отбивали поклоны... Всеобщая стихия единения, дух соперничества витал всюду, смягчая сердца. Как хорошо любить в массе...

Обойдя всех, Субхан повернулся и сделал шаг в сторону палатки; и тут Анна Ермиловна, пораженная, увидела Байт-Курганова. Байт-Курганов также с удивлением посмотрел в ее сторону, словно укоряя за то, что она так долго тянет с делом, ради которого приехала.

Боясь, как бы Байт-Курганов не заперся в палатке, Анна Ермиловна бросилась сквозь редеющую толпу и у самого входа в палатку снова столкнулась с той самой женщиной.

Сейчас она встретила гостью с дружелюбием на лице и виновато проговорила:

- Извините, Найман Зияевич заставил вас ждать... Хотя с самого утра говорил о том, что вы приедете, и даже несколько раз выходил встречать вас у кольцевой дороги...

- Ничего, ничего, - пробормотала растерянная Анна Ермиловна, заходя в скромно обставленную палатку - складные стулья и стол, надувные матрасы и прочие походные вещи.

- Добрый вечер, дорогая Анна Ермиловна! - подчеркнуто вежливо встал ей навстречу Байт-Курганов.

Анна Ермиловна протянула ему конверт, куда была вложена петиция. Байт-Курганов бегло пробежал глазами, остановил взгляд, переменился в лице и стал читать медленно, вникая, и Анна Ермиловна, наблюдающая за ним, не могла отделаться от ощущения, что между убитым бродягой, фему-дьянским проповедником Субханом и инженером, работающим в сейсмостроительстве, есть кровная, родственная связь, тревожащая своей загадочностью.

- Похвально! - сказал Байт-Курганов. - Все изложено старательно. Думаю, что это подействует на членов Верховного суда, и мы скоро увидим вашего внука и его друзей на свободе... Правда, вы здесь не подчеркнули, что Мелис - ваш внук, но члены суда об этом, наверное, уже знают из документов Лютфи.

- А почему я должна была подчеркнуть это? - наивно спросила Анна Ермиловна. - Правда, я могла бы как-то неназойливо отметить, что поскольку Мелис - приемный сын моего сына, то, естественно, он приемный внук... Простите, я несколько запуталась. - Анна Ермиловна умолкла, заметив в глазах собеседника холодный блеск.

Воспользовавшись ее растерянностью, Байт-Курганов сказал просто, безо всякого напряжения, будто был с ней давно в доверительных отношениях:

- А теперь я вкратце расскажу вам свои мытарства... и вы поймете, что я человек бескорыстный.

- В этом я не сомневаюсь, - улыбнулась Анна Ермиловна вымученно.

- Спасибо... Так вот, я долгое время работал строителем. И знаю, как воздвигались самые

престижные здания нашего града. Дворцы, музеи, выставочные павильоны и высотные жилые дома. Все строилось из рук вон плохо. Начальники крали цемент и лес, железо и сталь, пластмассу и стекло. Комиссия градсовета принимала эти здания, якобы выдерживающие все десять баллов. На самом деле здания и дома не выдержат и шестибалльного толчка. Начальники связаны с Бюро гуманитарных услуг... Я бил тревогу, доказывал, что это преступление. Что из-за проделок мафии жизни миллиона шахградцев под угрозой... Меня стали преследовать, объявили умалишенным и запрятали в психбольницу... Начальники тогда совсем распоясались. Вы ведь знаете их психологию - когда им удастся отвести от себя угрозу, они как бы мстят вдвойне за то, что их хотели потревожить. Они стали красть все, что попадет им под руку, и без надобности, и закапывали ворованное.

Вот вам вкратце мой рассказ, дорогая Анна Ермиловна, бессребреница... Остается лишь молиться, чтобы кто-нибудь из них - слон либо кит, дракон, черепаха либо осел - не повернулся на бок под землей. Только молиться... повторил собеседник, вставая, и, как только он повернул голову к выходу, мелькнуло перед ее глазами лицо Субхана...

И снова мучительно сжалось сердце Анны Ермиловны. Вспомнила она вопрос сына, заданный в упор и беспощадно: "Знаешь ли ты, что наш род берет начало свое от ветхозаветных фемудян?" Так что же сказала на это милейшая Анна Ермиловна? Послушаем затаив дыхание...

XIX

- Да, я знала, что род наш идет от фемудян - племени, давшего свою кровь ныне здравствующим, бодрым, румяным, склонным к изобретательству и наукам народам, среди которых и англичане с одного конца света, и японцы с другого, - сказала в тот вечер Анна Ермиловна, обращаясь к изумленному Руслану. - Благородный народ, сознательно растворивший себя среди других, во имя их расцвета, чтобы самому потом исчезнуть с лица земли! Фемудяне! Я не только знаю это, милый Руслан, сын мой непутевый и оттого еще более любимый... я не только знаю корни и крону древа нашего генеалогического фу! какое слово, ненавижу его, но все равно часто произношу к месту и не к месту! - не только знаю, но и многое помню из того, прошлого времени, когда племя наше было еще в силе, поклонялось каменным идолам и слушалось во всем старейшину Бабасоля.

Мы были грубы, в нас затвердела одна лишь плоть, мы разбоем брали все у других племен, мы были эгоистичны, как дети, и так длилось до тех пор, пока племя не стало стареть, хиреть, и впадать из-за холода души в сумасшествие, и постигать всеобщее, отказываясь от частного и эгоистичного. А постижение всеобщего есть болезнь отдачи и растворения. Ты ведь знаешь тягу сумасшедших воображать себя шагающими по ступеням перевоплощения и растворения во всем чужом - лишь бы выйти из себя, из своей плоти и души, которая тревожит, пугает, навеивает кошмары. Так и мы, фемудяне, чтобы уйти от кошмаров утонченной души, отдали свою кровь для возвращения других, современных народов, а они, в свою очередь, направляют теперь свою энергию на такие диковинные машины и роботы, что диву даешься и думаешь - неужели в корабле, летящем сейчас навстречу комете Галлея, минуя Луну, Венеру, Уран и прочие планеты... неужели в материале корабля замешена и капля нашей, фемудянской крови? Страшно! И волнующе!

Давлятов, ожидавший поначалу увлекательного рассказа, заскучал от этого длинного предисловия, тем более что то, о чем говорила Анна Ермиловна, было книжным и банальным. Поэтому Давлятов, воспользовавшись паузой, сказал сухо:

- Ладно, все это теория... Меня мучает другое: Салих, пригрозив городу фемудян страшной карой - землетрясением, увел меня куда-то вдаль - это я помню, хотя и смутно, не в деталях.

Увел, чтобы отдать мне свою душу и спасти... А потом? Что было потом? Сквозь сон и дурман я чувствовал, что меня несут на руках домой... А ты? Где была ты? - Возбужденный, он почему-то схватил со стола ту самую книгу, которая была скрыта под обложкой труда академика Бабасоля "Огнеупорные породы", открыл, хмурым взглядом пробежал несколько строк главы "Преграды". Досадливо поморщившись, потянулся к другой книге, более объемистой, с твердым переплетом, на котором было золотом тиснено: "Лев Шаршаров. Гениальный роман. Издательство "Братья Хаембрук и мадам Лулу", полистал страницы, которые замелькали главами "Бытие", "Исход", "Числа", "Книга судей Израиле-вых", "Книга псалмов", и почему-то взгляд его задержался на строке из "Книги пророка Захарии". Давлятов прочитал ее вслух: - "И раздвоится гора Элеонская от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдет к северу, а половина ее - к югу". Вот! - сказал Давлятов и захлопнул книгу, хотя во взгляде, который он бросил на ее переплет, мелькнуло злорадное и мстительное.

- Да, да! - запротестовала Анна Ермиловна. - Не надо мне читать, ни из Ветхого завета, ни из Нового... Нам, к счастью, не пришлось тогда увидеть конец света.

- Значит, пророчества Салиха не сбылись? - спросил Давлятов со смешанным чувством облегчения и досады. - Но ведь в Коране ясно сказано...

- Нет! Субхан отвел беду... - сказала она так, словно сомневалась - и не в увиденной тогда и пережитой картине, когда выбежала навстречу тем, кто нес спящего Руслана на руках, а в своих сегодняшних ощущениях, связывая убитого бродягу, проповедника-спасителя Субхана и инженера Байт-Курганова одной кровной связью. Не разобралась пока в причинах такой связи - вот и сомневалась.

И рассказала Анна Ермиловна - в фемудянском своем воплощении имевшая бесхитростное имя Хайша, - как в страхе выбежала из дома, услышав гул толпы. Ноги ее подкосились, и она чуть не упала на острые камни, когда увидела, как несут ее бесчувственного сына на руках, с растерянными, даже виноватыми лицами, словно эта толпа издевалась над Русланом, а теперь желает сгладить вину перед матерью.

На самом же деле всех, кто пошел за подростками к дому Хайши, смутила загадочная картина исчезновения Салиха... словно брэнное тело его, как ледяное изваяние, испарилось в жарком воздухе, а душа, которую он обещал Руслану, вошла в мальчика. И он, утомленный и разморенный ее теплотой, заснул и всхлипывал теперь во сне оттого, что чистая душа его вдруг расширилась, чтобы понять и сострадать.

Пришедшие столпились у порога, в нетерпении наступая друг другу на ноги. И только двое посмели войти за восклицательной от горя Хайшой, чтобы уложить мальчика в постель. Затем молча вышли, не объяснив ничего, и, пока Хайша пыталась привести сына в чувство, толпа отошла, направляясь к площади капища, и ощущение страха передавалось друг другу не только через взгляды, но и шаги и жесты. Ощущение неминуемой беды влекло их к старейшине Бабасолю, хотя никто из фемудян толком не знал, о чем они будут с ним говорить и чего требовать. Возможно, настоятель капища утешит их чем-нибудь и успокоит, на то он и глава города - мудрый, коварный и всесильный...

Был в беспокойстве в тот час и Мухаммед из Ясриба, добровольно заточивший себя в пещере горы Хири, чтобы провести в молитвах - изо дня в день - месячный пост. С раннего утра он чувствовал себя больным. Проснувшись, долго лежал в постели, укрывшись одеялом из верблюжьей шерсти, ощущая тоску. Головная боль тянулась крученой жилой к правому глазу. С Мухаммедом такое случалось нередко - бодрость и здоровое ощущение жизни вдруг, безо всякой причины, сменялись слабостью и мнительностью, назойливой мыслью о смерти. Тогда не находил он себе места, не мог сидеть, лежать, сосредоточиться на чем-то. Казалось, что не только духом, но и всем своим существом, зудящим, ноющим, ощущал он накатывающийся

страх.

Сейчас Мухаммед не мог сосредоточиться и произнести даже молитву, которую повторял из вечера в вечер. Не ощущал волну таинственного подъема, наполнявшего все его существо, чтобы в молитве воспрянуть и слиться в чувствах с Незримым, Великим, Милосердным, Славным, к которому не раз обращался за поддержкой.

Глотнув воды из кувшина, Мухаммед снова лег, прижав к зудящему глазу шерсть, но вместо привычного тепла по телу его пробежала дрожь, будто сырость, которую он раньше не ощущал, просочилась во все поры, остудив кровь. Он задыхался, чувствуя, как тоска подкатилась к горлу. Ощущение неминуемой беды заставило Мухаммеда поднять голову, и перед его глазами засверкали красные, голубые, зеленые искры. Судорожно ухватился он за край постели, вдруг почувствовав, как какая-то волна обволакивает его всего и поднимает, отрывая от твердой земли. Он крикнул от ужаса и почувствовал облегчение. И теперь Мухаммед ничего не ощущал, кроме легкого чувства полета внутри воздушного столба... Только сейчас, после второго или третьего круга, он понял, что летит не в одиночестве, а в компании некоего существа, между крыльями которого он сидел, судорожно вцепившись в косматую шею, источающую резкий верблюжий запах, ориентирующий бедуина в любой, даже незнакомой местности.

Но лишь морда да длинная шея роднила летающее существо с верблюдом. Ослиные ноги его барахтались в воздушном потоке, явно сбивая ритм тяжелых крыльев, и существо напрягалось изо всех сил, натужно пыхтя.

Мухаммед хотел спросить, кто его напарник, взявший на себя незавидную роль вьючного животного, и куда летят они сквозь ночную мглу, но не решился. Весь вид угрюмого существа говорил о том, что затея с ночным путешествием ему в тягость и вынужден он пуститься в рискованное предприятие лишь по принуждению...

Все выше поднимались они, молча... вознеслись над заснеженной вершиной горы Хира, обдавшей Мухаммеда холодным дыханием.

Изгиб неба засиял вдруг загадочным матовым светом и задрожал, словно плавал в голубом океане. Свет густел, из матового перехода в ярко-красный, режущий глаз. Затем изогнулся, принимая причудливую форму лотоса. И все это было похоже на вспыхнувшее пламя, - кружась в вихре, оно разливалось над изгибом неба, куда по строгой прямой, будто привязанный к лучу света, летел сейчас Мухаммед. Ярко-красное, то разрешаясь по краям, то снова собираясь в огромное, плавающее зарево, ослепляло, мешало разглядеть того, кто, перелетев через изгиб лотоса, устремился навстречу Мухаммеду. Лишь очертились контуры его тела в редящей дымке. Напрягшись, Мухаммед разглядел покрытые густой шерстью руки, которые, взяв за края, натягивали шелковую ленту со знакомыми арабскими знаками.

- Читай! - категорично приказал тот, кто подлетел в облаке дыма. "Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед - его пророк", - было написано на ленте, и едва Мухаммед произнес это, как услышал вокруг невероятное движение и шум.

Приказавший вывернуть из облака и повис перед Мухаммедом. Еще не разглядев его, Мухаммед поспешил спросить:

- Кто ты?

- Не пугайся, я миролюбив... Я вестник Аллаха и послан, чтобы донести до тебя истину. Меня зовут Джабраил, но, честно признаться, мне не очень нравится мое имя. - В мрачноватом голосе послышались доверительные нотки. Впрочем, меня предупредили, чтобы я не очень доверял тебе... - И, обратившись к тем, кто шуршал над головой Мухаммеда крыльями, посвистывая от нетерпения, приказал: - Давайте хором: благо тебе, пророк...

Тот, кто назвал себя Джабраилом, имел гладкое и гибкое тело с рыбьим хвостом между ног; голова его с холодным, бесстрастным, никогда не меняющим свое выражение лицом

начиналась прямо от туловища, как у горбуна, и в таком облике косматые, резко выделяющиеся своим цветом руки вовсе не казались необычными. Вокруг Джабраила, резвясь и ликуя, помахая немощными крылышками, летали ангелы, ответившие на его призыв хором:

- Благо тебе, пророк, благо... - Сонм ангелов ловко и изворотливо летал вокруг, стараясь не задеть его ни клювом, ни хвостом.

- Благодарю тебя, Бурак! На сей раз ты отправился в мирадж по первому нашему зову, без ворчания и притворства, - обратился торжественно Джабраил к существу, на чьей покатоной лошадиной спине восседал Мухаммед. - В прошлый наш призыв доставить к жилищу Аллаха пророка Ису [Иса - Иисус] едва не стоил ему жизни из-за его необязательности, - снова доверительно обратился к Мухаммеду Джабраил. - Впрочем, Ису и без того лишили жизни, правда, не здесь, на небесах, а на грешной земле. Остерегайся и ты обращенных в свою веру, пророк! О, сколько раз они будут клясться твоим именем, отрекаясь от тебя...

- Прошлое недостойно того, чтобы о нем вспоминать, а будущее безвкусно, - недовольно проворчал хриплым голосом Бурак и лягнул какого-то назойливого ангела ногой, пытавшегося, играючи, ущипнуть его за хвост. Скажи, сколько продлится на сей раз наш мирадж... чтобы я мог экономно расходовать свои силы...

- Миг и одну ночь, - загадочно произнес Джабраил. - Вернее, в первом измерении он продлится всего лишь миг, во втором - целую ночь...

- Не хочешь ли ты сказать, замшелый философ, что лишь миг продлится время, когда весь мирадж от начала до конца переживет в своем воображении наш новый пророк? Всего лишь на миг, как озарение, откроется ему все это? Зато в физическом времени наш полет протянется целую ночь... Зачем эта путаница времен? И стоило ли из-за этого беспокоить меня, вызывая из стойла, чтобы доказать, что наш мирадж будет длиться в реальном времени и пространстве? Скучно! Я ведь только-только задремал после трудного дня...

Джабраил хихикнул не без злорадства, прежде чем ответить Бураку.

- На то и сотворил тебя Аллах из букета тварей земных, кровь которых течет с разницей во времени, чтобы преодолевал ты любые измерения.

- Молчу! Молчу! - поспешил успокоить его Бурак и, верный своему слову, промолчал потом весь путь.

Он сделал рывок, преодолевая какой-то невидимый барьер, и Мухаммед почувствовал, что задыхается в разреженном воздухе и вот-вот потеряет сознание. Еще миг - и он бы совсем провалился в небытие... но сверху послышалось загадочное шуршание... плоской белой лентой потянулось перед его глазами многорукое существо. Чем-то влажным прикоснулись к засохшим губам Мухаммеда, приведя его в чувство.

- Кто это? - растерялся Мухаммед, заметив лишь отлетающую дымку.

- Это добрейший Микаэл, - услышал голос Джабраила. - Аллах посылает его одаривать... всех живых ежедневной долей питья и еды... Привет тебе, дружище, - крикнул он вслед растворившейся дымке, но ответа не получил...

Красный свет над лотосом тем временем стал тускнеть, уходя за изгиб неба, чтобы не ослепить Мухаммеда, перелетевшего благополучно через этот изгиб в сопровождении своей свиты с мрачноватым Джабраилом впереди.

- Смелее! - крикнул Джабраил, подлетая к Мухаммеду и ловко выныривая из-под него. - Мы ждали избранника. Теперь, когда Аллах избрал тебя, мы покажем тебе его владения, чтобы мог ты рассказать о них заблудшим - для их радости и устрашения... За мной, пророк! Только предупреждаю: то, что ты увидишь, мы открываем пока лишь только тебе из всех живущих ныне, как если бы мы открывали занавес в театре... Смелее, посланник! И следи за дыханием, мы приближаемся к сфере с разреженным воздухом!

- Смелее, посланник! - затараторили, повторяя за архангелом Джабраилом, все прочие ангелы, ровными рядами справа и слева сопровождая летящего Мухаммеда, зрение которого, казалось, обострилось во сто крат. Ведь иначе он не увидел бы, как внизу разверзлась земля, из нее, окутанное дымом и огнем, стало вытягиваться вверх нечто странное, невообразимой формы, мигающее пятнами света.

На высоте седьмого неба Бурак замедлил полет, и Мухаммед разглядел и понял: то, что летело внизу, было, скорее, живым существом, с множеством голов, и каждая голова, поворачиваясь в разные стороны, дробилась на бесчисленное количество лиц. На каждом из них болталось по два длинных языка, а чуть ниже, из подбородка, тянулись цепи: и множество ангелов, ухватившись за них с разных сторон, крихтя, поднимали вверх сие подобие живого существа.

Несколько ангелов из свиты Мухаммеда отделились и полетели, чтобы приветствовать своих братьев и сестер, тянущих тяжелую ношу, и Джабраил, недовольный их своеволием, кратко молвил, глянув в сторону Мухаммеда:

- Это ад!

И только он так сказал, как весь ад повернулся так, чтобы Мухаммед мог понять, что это лишь внешняя сторона ада, причудливое сооружение, не похожее ни на что виденное ранее, на земле. Верхний свет преломился так, что Мухаммед смог, хотя и в общих чертах, разглядеть и внутреннюю сторону ада, сплошь обьятого пламенем. До обостренного слуха избранника донеслись и звуки, пробивающиеся сквозь адский огонь, - шипела и булькала расплавленная смола, железные прутья, раскаленные добела, трещали. От ощущения жара Мухаммед стал задыхаться, боясь потерять сознание и свалиться с Бурака прямо в пекло.

- Надеюсь, вы догадываетесь, пророк, что в адском огне грешники испытывают такие муки, которые трудно вообразить даже мне, пережившему уже шесть светопреставлений от сотворения мира! - сказал Джабраил, выныривая из-под копыт Бурака, чтобы поддержать слабеющего Мухаммеда за плечо.

Из плотной голубизны вдруг вынырнул и прочертился трон, сложенный из зеленого жемчуга и золота, с высокой спинкой и ножками, которые так прямо и твердо держались в воздухе, что трон не качался и даже не дрожал. Мухаммед всмотрелся, с сожалением отметив про себя, что трон пуст... хотя, возможно, ему не дано было увидеть сидящего на нем, а спросить у всезнающего Джабраила он не решился.

Ад подлетел и остановился слева от трона и также повис, словно встал на что-то твердое. Ангелы отлетели, выпустив цепи, и расселись прямо на головах ада, как стражники.

Тут Мухаммед услышал другие звуки, идущие из пекла ада, - визг, похожий на поросычий, да такой истошный, будто животное проткнули каленым железом. Крики обезьян, вопли женщин: "Спаси от бесчестья! Не открывай моей наготы!" - и старческие голоса: "О моя седая борода! Что с ней стало?!"

- С адом все ясно, - скучным голосом проговорил Джабраил. - Обезьяны в бытность людьми - клеветали и соблазняли, в свиней превращены в день суда те, кто присваивал чужое. В пекле, в огненном вихре носятся и слепые - те, что боялись правды и судили несправедно. Немые, изо рта которых льются нечистоты, - это бывшие ученые мужи, в своих речах выдававшие ложь за истину... Спасения от бесчестия, ясное дело, просят распутницы, о седой бороде своей, опаленной огнем, жалеют сладострастные старики, а молодые, прожигавшие свою жизнь в пьянстве, азартных играх и блуде, сокрушаются: "О моя молодость! На что она потрачена?!"... Скучно... Одни и те же восклицания, одни и те же слова раскаяния - ничего нового не могут придумать люди, хотя и попадают уже в шестой по счету ад, после каждого очередного конца света... И этот ад, едва пройдет по мосту Сират последний человек, снова опустится под землю,

до нового, седьмого уже, последнего ада. А потом все - тишина. Не будет ни ада, ни рая, и тогда я, которому с каждым возвращением ада все труднее выполнять свои обязанности, уйду на заслуженный покой... Нынешний ад поднялся для суда на седьмое небо в дни потопа, когда спасся на своем ковчеге лишь пророк Нух [Библейский Ной] вместе с четвероногими, пернатыми и насекомыми. Ах как жаль! Лично я не оставил бы в живых и пророка Нуха, и сейчас бы я преспокойно лежал где-нибудь на облаке, отдыхая без забот. Но на то была воля Аллаха, и Азраи-лу - ангелу смерти - пришлось оставить душу Нуха нетронутой... Но скоро, уже совсем скоро ожидается седьмой и последний ад на земле. Аллах милостивый и милосердный избрал тебя посланником, чтобы несколько отсрочить День суда, попытавшись привести в чувство погрязших в грехах... Слова твои будут жить до тех пор... пока последний человек времен Нуха не пройдет до конца по мосту Сират. А потом те, кто клянется твоим именем, сдадут тебя за ненадобностью в музей. Сейчас последний человек на полпути... Вон, посмотри, он идет трепеща, рискуя каждую минуту сорваться в адское пекло... упорно идет, заблудший, думая в конце концов попасть в рай...

Бурак повис в воздухе неподвижно, и Мухаммед увидел над пылающим пеклом ада мост. С высоты он казался тонким, как волос, - и по нему, покачиваясь, шаг за шагом шел одинокий человек...

- Теперь я понимаю, отчего тебе скучно жить. Ты все знаешь наперед, наконец заговорил со своим попутчиком Мухаммед, иронически усмехнувшись.

- Каждый образ во Вселенной имеет свой антиобраз - это и наводит скуку, - откликнулся Джабраил, будто не замечая его тона. - Все было бы куда привлекательнее от однозначности... Но - увь! - под семью небесами семь земель, под семью землями - семь адов. Земная Кааба - это лишь копия небесной, а тот Коран, который Аллах вложил в твои уста, чтобы прочитал ты его на земле, вечной книгой спрятан на небесах... Всегда неплохо иметь что-то ценное про запас, не так ли? - игриво спросил Джабраил.

- Похоже, ты богохульствуешь, - нахмурился Мухаммед, - если так говоришь о святине нашей Каабе - священной книге, которую Аллах раскрыл передо мной и сказал: "Читай!" - Мухаммед, однако, спохватился, желая смягчить впечатление, ибо не знал еще, какого нрава Джабраил и на какие хитрости он способен, если говорить с ним непочтительно. - Ладно, не будем больше об антимирах... Лучше расскажи о человеке на мосту Си-рат...

- О, и ему нелегко! Он должен пройти семь застав на мосту и возле каждой отвечать на вопросы... Сейчас он прошел половину пути... и приближается к четвертой заставе... Возле первой заставы ему задали вопрос: искренне ли он верил в Аллаха или же был лицемером? У второй напрягся, чтобы ответить на вопрос: молился ли он усердно в предписанные часы и дни? У третьей слукавил, когда его спросили: давал ли милостыню нищим и сиротам? А сейчас, когда он идет к четвертой заставе, для него готов следующий каверзный вопрос: соблюдал ли все правила поста? А дальше будут вопросы: был ли в малом и большом паломничестве? Совершал ли омовение перед молитвой? Читал ли ближних своих - отца и мать, защищал ли обиженных? Я не знаю имени того, кому судьбой доверено идти сейчас по мосту и давать ответы за деяния рода людского... по логике, это должен быть один из вершителей судеб типа Навуходоносора, Наполеона или Сталина, но ведь здесь, на небесах, ничего не принимается на веру... посему - глянь, и ты увидишь весы, одной чашей справа от трона, другой - слева... на этих весах будут взвешивать каждый ответ у заставы. Каждая застава выдает шагающему бодрячку запечатанный конверт, чтобы он нес дальше, к весам, - тут, как видишь, своя бюрократия! - в конвертах начертаны все дурные и добрые дела человека. И от того, какая чаша весов перевесит - правая, добрых дел, или левая - дурных, будет зависеть, в какие ворота пустят прошедшего через мост - в ворота ада или в ворота рая.

Мухаммед, не отрывая взгляда, смотрел на путника на мосту и на весы, которые освещались светом трона, спросил:

- И когда же он наконец предстанет перед весами?

- О, путь по мосту утомительно долог, даже слишком - двадцать пять тысяч лет... Этот же упорный одиночка будет идти еще - шаг за шагом двенадцать тысяч лет... за это время здравствующие ныне на земле должны идти к седьмому, последнему Судному дню... Вон на сколько лет аллах дает им отсрочку. Так что трудись, пророк, в поте лица, не жалей сил. Может, твоими трудами последний ад получит на одного грешника меньше... хотя, если призадуматься, какая разница - больше или меньше, если ад этот и рай последний? Представляю, каково сейчас Малику - сторожу у врат ада! Жалко беднягу, - добавил после короткой паузы Джабраил и подлетел к Бураку справа, чтобы Мухаммед мог лучше разглядеть ворота между двумя многоликими головами. - Аллах велел быстро пропустить толпы по мосту, чтобы оставить Сират свободным для последнего человека шестого мира... Все прошли - дети потопа - кто в рай, кто в ад, но Малик остался ждать у ворот. И так будет ждать он двенадцать тысяч лет, не отходя от своей сторожки. Смотри, он как раз вышел и, заслонив глаза от света, посмотрел на мост, на идущего... должно быть, в душе проклиная его за черепаший шаг...

Фигура, которую разглядел Мухаммед, постояла немного и снова ушла в сторожку, справа от ворот.

- Он бы и рад оставить свой пост, хотя бы ненадолго, - кхе-кхе! - и сбегать к своей любовнице. Ведь никто, кроме Аллаха, не знает, какие ворота предписаны неутомимому путнику на мосту. Вполне может быть, что он попадет к вратамрая. Тогда вообще ожидания Малика окажутся бессмысленны. Но нет, долг велит ему оставаться на месте. А вдруг его это посетитель?! Он должен проверить его мандат, так сказать, по форме. В ад так же нелегко попасть, тем более с таким стражем, как Малик. За время всех шести миров, каждый из которых заканчивался своим Судным днем, Малик сделался отменным администратором... Похоже, в рай легче попасть, у его врат не такой строгий контроль... Там нет Хариша - помощника Малика, а Хариш не дремлет ни днем ни ночью. Посмотри сам...

Над вратами ада вытянулась морда на длинной шее, и Мухаммед одним взглядом успел охватить всю длину тела Хариша: протянувшись через все небесные сферы, упирался Хариш лохматыми лапами в землю, у края длинной расщелины среди гор. Хариш повертел мордой, оглядываясь по сторонам, и Джабраил чуть насмешливо крикнул ему:

- Кого ты еще высматриваешь, приятель Хариш?

- Хочу понять, кто это медленно, но верно идет в нашу сторону? - ус- . лышал Мухаммед удивительно мягкий голос Хариша.

- Ну, и как ты думаешь, к каким вратам он свернет?

- Боюсь, у наших врат я схвачу его зубами и поволоку к господину моему - Малику, - отвечал Хариш угрюмо, словно работа эта была ему в тягость.

- А если в конверте его будет записано: праведник? - продолжал насмешничать над Харишем Джабраил.

- В таком случае во всей Вселенной не будет существа счастливее меня, - снова взял бодрый тон Хариш. - Ты же знаешь, друг Джабраил, я не кровожаден. Каждый раз я омываю слезами жертву, прежде чем положу ее у ног Малика...

- Воистину твое место в раю! - со смехом проговорил Джабраил и, повернувшись к Мухаммеду, сказал: - За мной, пророк! С адом все ясно. Сейчас глянем на рай - и расстанемся. Мне пора... Я тороплюсь. Дела, дела... - И, не удержавшись, доверительным тоном прибавил: - Я, среди прочего, еще и приставлен следить за Азраилом... Нет, нет, я не соглядатай, но все же... Старик Азраил в последнее время не очень-то справляется со своими делами. И люди, боюсь,

уже мнят себя бессмертными, творят такие делишки, после которых и ад кажется раем...

- Ты не веришь в бессмертие в раю или осуждаешь его? - удивленно спросил Мухаммед.

Вестник Аллаха в ответ лишь усмехнулся, но, чтобы не показаться обиженным, ответил:

- Ты меня неправильно понял. Как всякий начинающий пророк, ты не до конца освоился со своей ролью. И посему путаешься в определениях... Я имел в виду, что люди поверят в бессмертие на земле, в свое физическое бессмертие и возомнят, что им все под силу. Они впадут в такое радостное заблуждение, что попытаются опровергнуть и самого Аллаха и сочинить собственные правила и уставы, сотворить собственный рай и ад. Человек самонадеян. За двумя-тремя цветущими деревьями он не заметит мертвого леса и в поисках дороги к раю забредет в ад. И вместо отведенного ему срока двенадцать тысяч лет, до седьмого и последнего Судного дня, - он попадет в ад уже сегодня... если Азраил вовремя не напомнит о себе... Впрочем, - с печалью в голосе молвил Джабраил, - и его полет на землю за каждой душой ничему не научил людей... Вся надежда теперь на него, - Джабраил снова кивнул в сторону фигуры, бредущей по мосту Сират. - Врата, к которым он придет через долгий изнурительный путь, покажут, правильный ли выбор сделал Аллах, когда назначал тебя своим послан на земле...

Мухаммед, все это время летевший точно бесчувственный, лишь слабо реагируя на увиденное, вдруг ожил после слов Джабраила.

- Аллах никогда не ошибается, - с раздражением сказал Мухаммед, глянув на него холодными глазами, от стального блеска которых Джабраил невольно сжался.

- Да, Аллах не ошибается, - тихо молвил Джабраил, и летевшие сзади ангелы наострили уши, чтобы лучше слышать спор. - Но ошибиться можешь ты. И жестоко ошибиться. И тогда князя, полковники и аятоллы земель Аллаха, начертав свое имя на зеленом знамени, поведут толпы прямо в ад. Не обижайся, но я могу напомнить тебе несколько фактов, которые должны тебя предостерегать в будущей твоей миссии...

- Говори, я слушаю, - сказал Мухаммед, хотя и боялся, что летевшие с обеих сторон ангелы могут узнать неприятное из его жизни и разнести сплетню по всему мирозданию.

- Ты, бедняк и сирота, женился на богатой Хадиче, имевшей до тебя двух мужей, только ради того, чтобы поправить дела и войти в клан богатых. Ты забыл, кем родился и кем был... Помнишь, на ярмарке в Ятрибе ты с раздражением отвернулся, когда к тебе приблизился нищий бродяга по имени Музейма и протянул руку для милостыни? Прости, что я говорю тебе обо всем этом! Если я не буду откровенен с тобой, так кто же?! У кого еще есть безошибочный дар предвидения?!

Мухаммеду снова почувствовал приступы удушья и, боясь вывалиться, крепко ухватился за шею Бурака. Заметив, как Джабраил подлетает к нему, чтобы поддержать в воздухе, сказал хриплым голосом:

- Да... мое место в аду...

Джабраил подтолкнул его за локоть и сказал миролюбиво:

- Не отчаивайся. Нет святости без греха. Думаю, что Аллах не зря избрал тебя из всех смертных, ибо услышал твои молитвы и раскаяния из пещеры горы Хира... Смотри, вон уже и рай виден...

Мухаммеду почудилось, что повеяло прохладой. И он увидел: по правую сторону от небесного трона, где кончался мост Сират, протянулись ряды стен, между которыми зеленели сады. Слышно было, как между деревьями журчат родники и всюду щебечут птицы. Подавленный зрелищем ада, Мухаммед с облегчением всматривался в территориюрая.

- Ты ведь догадываешься, что это рай шестого по счету Судного дня, напомнил ему недремлющий Джабраил. - Рай, который от имени Аллаха, ты пообещаешь праведникам...

последний, седьмой рай человечества может быть совсем иным, чем этот. Он и должен быть иным, ведь люди нового времени захотят видеть этот рай самым лучшим, совершенным из всех. Посуди сам, разве предки нынешних людей грешили бы, если бы довольствовались раем, который ты видишь с высоты, если бы считали его самым совершенным за всю историю? Нет, конечно! Мне даже кажется, что отцы специально грешат, чтобы сыновья их были наследниками более лучшего рая... Так что знай, пророк, рай, о котором ты так красочно расскажешь верующим, должен быть и вправду самым лучшим, самым совершенным раем, ибо он последний. Исправлять его и переделывать уже не будет возможности... Поэтому я думаю, что и попасть в этот последний рай будет труднее. Мост Сират по сравнению с дорогами в этот рай покажется прогулочной тропинкой... Да, несколько дорог будет вести в рай. Князя, полковники, аятоллы будут безраздельно хозяйничать со своими дружинниками на этих дорогах, высоко подняв зеленое знамя, где начертано твое имя. Они будут собирать дань с желающих. Высока будет плата, высока! Но всем она будет под силу - и беднякам и богатым, ибо речь идет о плате за рай... князя, полковники, аятоллы - каждый будет называть свою дорогу единственно верной, ведущей безошибочно в рай. И поскольку рай этот последний, то усердие их можно понять. Но можно понять и растерянность праведников, у которых глаза разбегутся от множества дорог в рай. На какую из них ступить? За кем пойти? За князем? За полковником? Вот тогда аятоллы, полковники придумают чистилище. И поместят они его между адом и раем. Человека, заблудившегося в дороге и попавшего вместо рая в ад, они пообещают очистить, хорошенько промыть от скверны ада в чистилище и пропустить в рай. Так и будет...

- Помолчи, - прервал архангела Мухаммед, утомленный его скептицизмом, - я хочу все сам разглядеть в раю и понять, что он несовершенен...

В садах между тремя первыми стенами, возле одноэтажных домиков, окруженных заборами с ползучими вьюнами, прогуливались господа с сосредоточенными лицами. Ни улыбки, ни шутки, хотя именно они, живущие на полном довольствии и призванные заниматься лишь творчеством, философией и научным поиском, более всего и нуждаются в шутке и смехе.

Заложив руки за спину, вокруг маленького пяточка палисадника ходил взад-вперед Галилей, иронически повторяя: "А все-таки она вертится... вертится, господа, вертится..."

Хотя и повторял это Галилей еле слышно, но, должно быть, поняв слова его по движению губ, постоялец из соседнего домика, тоже вышедший погулять, гражданин рая по имени Ницше, презрительно бросил в сторону Галилея реплику:

- Сократический человек! - И, сорвав какой-то цветок, поднес было к носу, но нервно отшвырнул в сторону.

На крик Ницше, в предвкушении скандального развлечения, вышли из своих домиков Сенека, Джордано Бруно, Спиноза, Гегель, повторяющий уже каждый день: "Чистый, не знающий пределов разум есть само божество...", а минуту спустя - торопливо и протопоп Аввакум, за ним - Вольтер и последним - с заспанным лицом - Сократ.

Каждый из них, привыкший к таким представлениям, делал вид, что оставил работу и вышел просто прогуляться. Притворно смотрели по сторонам, гладили деревья по стволу, черпали ладонью воду из источника, чтобы протереть глаза.

- Да перестаньте бубнить одно и то же! - крикнул Галилею через забор Ницше, весь багровый от возмущения. - Вы мешаете мне закончить сотый том "Несвоевременных размышлений". Вы - холодный, трусливый, рациональный, сократический... Рай, где предпочтение отдается ученым перед философами и художниками, - это не настоящий рай для великих умов! Это ад!

Галилей открыл рот, не зная, что сказать в ответ, и повернулся к Сократу, как бы ища у него

поддержки.

Сократ, нахмурившись, кашлянул и сказал хрипло, потирая горло:

- Видно, тот яд, который заставили меня выпить господина типа Ницше, еще долго будет першить в горле. - И посмотрев холодным взглядом в сторону Ницше, спросил: - Чем не нравлюсь я, Сократ, вам? Сократ один, и второго Сократа мир уже не родит, сколько бы вы с господином Шопенгауэром ни рассуждали о том, что человечество лишь песок, из которого надо намыть несколько золотых крупинок, то есть гениев... И Галилей - один, и второго физика Нильса Бора из песка не намоешь. И при чем здесь отец ракеты фон Браун; и Теллер ни при чем - прародитель атомной бомбы. Каждый - уникален, в единственном экземпляре, и я не понимаю, почему вы, в своем болезненном воображении, всех обобщаете, называя "сократическими людьми", хотя, признаться, мне, Сократу, это и льстит...

Ницше слушал Сократа с заносчивым видом, покручивая ус и обдумывая убедительный ответ.

- И вообще не понимаю, как это господин Ницше оказался среди нас? Если он в восторге от "дионисийского человека", то не лучше ли перевести его за четвертую стену рая, где он мог бы проводить время среди вечного танца, пения и развлечений с - ха-ха! - красотками! - сказал Сократ, обращаясь к своим ученым собратям, комично топнув ногой и щелкая пальцами, как кастаньетами. - Надо попросить настоятеля нашей половины рая, чтобы он немедленно избавил нас от певца гимнов в честь Дионисия...

- Перестаньте, шут! - прервал его Ницше. - Это запрещенный прием в полемике - всякие угрозы, запреты, переводы за четвертую стену и так далее. Конечно же настоятель нашей половины рая станет на вашу сторону, господина ученые, я знаю! Ибо и он, как человек с государственным мышлением, воспитанный у вас в городе-государстве Афинах, он, конечно, станет на вашу сторону против художников и святых. Но я повторяю, рай, откуда изгоняют художников, - это ад. И таким адом сделали его вы, Сократ, отдавая предпочтение разуму перед живыми чувствами, а разум породил химер. И, ничего вам брать под защиту господ фон Брауна и Теллера и компанию...

- Господа, господа... - из-за деревьев слышался умоляющий голос настоятеля "духовной половины рая". Показался небольшого роста человек, шагающий вразвалку; с помятым котелком на голове, вертящий трость в левой руке, а в правой сжимающий кувшин, - сам Чарли Чаплин. - Сколько раз я просил вас, господа, не проводить время в бесплодных спорах... вместо того чтобы трудиться на благо... Вот вы, господин Вольтер, сколько страниц из сорок пятого тома "Кандида" вы написали до обеда? Уверен, опять не выполнили норму, ходили к четвертой стене, чтобы поглядеть, что там делается, в "веселой половине рая"... Снова попросите часть недоделанной сегодня нормы оставить на завтра...

Пока Чаплин говорил все это назидательным тоном, Вольтер пятился, пытаясь скрыться за спинами собравшихся.

- И вы, господин Ницше, я уверен... хотя все ждут к сроку очередной том "Несвоевременных размышлений"... Ну, а о Сократе и говорить нечего, он любитель полениться, уклониться, пожаловаться на сухость в горле... хотя иной раз не отгонишь его от Платона, когда делается говорливым...

Все слушали Чаплина, как провинившиеся дети, опустив головы и не смея возразить. А он подошел к источнику, зачерпнул в кувшин воды и подошел к Ницше:

- Попейте еще из источника Сальбасил. Видно, мы рано отменили процедуру. В складках вашей души остались ненависть и зависть. Назначаю повторно тридцать промываний... Пейте, пейте прямо из горла... У меня на складе не осталось ни одной чашки. Солидные люди, а уносите куда-то копейную дрянь...

Ницше дрожащими руками взял кувшин и отпил глоток, и с лица его тут же сошло напряжение.

- Вы не забыли, что после воды из Сальбасила надо с полчаса полежать, чтобы дошла она, промыв сердце и душу, до желудка и вышла с нечистотами?

- Нет, не забыл, - с покорностью ответил Ницше и отошел, направляясь в сторону своего домика.

- После Ницше я не буду пить, - запротестовал Сократ, отталкивая протянутый Чаплиным кувшин. - У него зараза на губах. Вы что, хотите, чтобы и я заразился СПИДом - болезнью, которой награждают красотки в лучших домах Берлина?! Никогда! Лучше я снова приму яд! Пусть пьет господин Вольтер они, поэты, очень любят заражать себя подобными болезнями, чтобы творить в экстазе, в эйфории, в безотчетном тумане и бреде. Нам, ученым, нужна ясность ума.

- Перед тем как пустить господина Ницше в рай, мы удостоверились, что вода Сальбасила вылечит его от той болезни, о которой вы, Сократ, говорите. Так что пейте. Ницше уже физически здоров, хотя так же, как и вы, еще полностью не излечился духовно...

- Ну, если вы гарантируете, - пожал плечами Сократ и, взяв кувшин, не прикоснулся к его горлу губами, а, подняв высоко, влил струю себе в рот.

- Bravo! - похвалил его Чаплин. - Жаль, что я не знал о вашей изобретательности раньше, иначе предложил бы вам роль метрдотеля или сутенера в фильме "Графиня из Гонконга"...

Сократ сделал вид, что не понял, и отошел, передав кувшин Спинозе, а тот, в свою очередь, Нильсу Бору...

- Господа, - поторапливал их Чаплин, - ровно в восемь вечера приму у вас то, что вы сочинили за полный рабочий день. И строго, по весу исписанного, выдам чистую бумагу для завтрашней работы, ни листа больше. На складе у нас учет и строгая экономия...

Уже перелетев третий сад и приближаясь к четвертой стене рая, где начиналась его "веселая половина", Джабраил пояснил сосредоточенно-задумчивому Мухаммеду:

- Настоятель унесет потом сочиненное гениями за день на склад, положит листы под пресс и выдавит из бумаги всю воду и чернила. Из каждого труда получится маленький, размером с ноготь, кубик. И он бросит куда-нибудь на полку среди других кубиков и этот... А ночами - в этой части рая есть и день и ночь - сторожа играют, подбрасывая кубики вверх, чтобы попасть в лунку...

- Сон гениев слушал... Ужели не знают они, что Бог знает и то, что утаивают они, и то, что открывают? Между ними есть невежды, которые знают не писание, а одни только вымыслы... Горе им за то, что приобретают они! прошептал Мухаммед произвольно, за что Джабраил тут же похвалил его:

- О, ты уже цитируешь Коран наизусть! Истинно, Аллах в тебе не ошибся!

Мухаммед не ответил, ибо в тот момент, когда он пролетал над третьей стеной, заметил в ней небольшую калитку, видно прорубленную самими обитателями рая, и возле нее фигуру Вольтера, толкающего плечом дверцу.

От четвертой стены, сверкающей вкрапленными в нее драгоценными камнями, до седьмой, последней, в садах белели шатры, всюду играла музыка и слышалось пение. Здесь ощущалась иная, чем в "духовной половине рая", атмосфера легкости и веселья. Среди деревьев, в прозрачных нарядах, прохаживались девушки, в ожидании того часа, когда мужчины пригласят их к себе на пиршество в шатры.

В разных углах сада развлекали их своим пением Элвис Пресли и Фрэнк Синатра. Слушательницы Элвиса каждый вздох его голоса встречали криками восторга, повторяя в экстазе движения его тела, тогда как собравшиеся вокруг хитро прищурившегося Синатры

словно обволакивали дурманом его пения, переходящего от шепота до однотонного укачивающего, летающего замиранья...

А поклонницы "Битлз", поющих на ярко освещенной поляне, у источника Кафур, после каждого возбуждающего аккорда старались что-то вырвать себе на память у битлов - галстук-бабочку, цилиндр, сурдинку саксофона или сандалию с ноги.

Прошла где-то позади слушательниц Мэрилин Монро, переводя свой таинственный взгляд от одного шатра к другому. Мимо нее с понимающим видом легко прошагала Мэри Пикфорд, чуть лукаво улыбнувшись.

За шестой стеной, где летела с победным видом неотразимая Джина Лолобриджида, из шатра вдруг донесся мужской крик:

- Обман! Мне в раю была обещана непорочная дева! - И тут же из шатра выскочила вся взъерошенная, босая Брижит Бардо, и мужская рука, высунутая из шатра, бросила ей вслед сандалию...

Тут же из-за кустов выглянул Вольтер. Простодушный Кандид, неискушенный, цыканьем позвал к себе Брижит. Чуть не плача от досады, Брижит бросилась к Вольтеру, и тот, схватив ее за руку, укоряюще прошептал:

- Я ведь советовал тебе искупаться в воде источника Кафур - она сглаживает морщины... а уж потом, благоухающая, зашла бы к этому капризному старцу Казанове...

- Нечего мораль читать! - с раздражением перебила Вольтера Брижит. Пусть принимает меня такой, какая я есть! Я не могу выдавать себя за орлеанскую девственницу!

От слов этих горечью сжалось сердце Мухаммеда, ибо вспомнил он Ха-дичу, женщину, которая рядом с ним выглядела старухой и уже давно не привлекала, злясь и страдая от этого и укоряя совесть мужа.

Заметив перемену в его настроении, предупредительный Джабраил сказал:

- Я вижу, в тебе пропал интерес к райской жизни. Ты все увидел и понял, так что поворачиваем и летим обратно. Я провожу тебя к твоей пещере в горе Хира - нам все равно по пути... - И он дал знак, чтобы прочие ангелы отстали от них, разлетаясь по своим делам. И ангелы, приветственно помахивая крыльями Мухаммеду, улетели в разные стороны.

Без свиты Мухаммед верхом на нетерпеливом Бураке и Джабраил спускались кругами и быстро, отчего пророк чувствовал легкое головокружение. Не успел он как следует осмыслить увиденные картины ада и рая, как раскрылся ему внизу город фемудян, площадь с капищем и толпами людей вокруг святилища. Мухаммед уже был здесь когда-то и даже молился каменным истуканам, стоящим в обнимку, чтобы не возбуждать к себе ненависть Бабасоля и послушных ему фемудян.

Кто-то из толпы на площади заметил две летящие точки, которые, описывая круги, все увеличивались, излучая матовый свет. Фемудянин толкнул в бок своего соседа, показывая на него, и вскоре вся толпа уже следила за огненными шарами; наблюдали безо всякого напряжения и удивления, привыкшие почти каждый божий день видеть летящие огни, бороздящие небо в разных направлениях, кружащиеся над городом, а затем улетающие за горизонт. Лишь гадали они о происхождении странных огненных вспышек, ибо ни один из ангелов - ни Джабраил, ни Азраил, ловец душ, ни Исро-филь с длинной трубой - хранитель душ до Судного дня - не представал пред ними в своем обличье и всегда ходил невидимкой.

Мухаммед, спустившийся еще на один круг, услышал гул, поднимающийся из-под земли. И земля под ногами фемудян вдруг дрогнула и заколебалась. Первый толчок землетрясения был не очень сильный - никто на площади не закричал в испуге, не бросился бежать, лишь побледнели, посмотрели друг на друга в страхе, в ожидании второго, ужасного толчка, о котором пророчествовал осмеянный ими Салих.

- Идолы! - крикнул Мухаммед. - Надо сжечь капище с идолами - к дьяволу! И тогда они поверят в спасение и милосердие Аллаха...

- Это ты хорошо придумал, - похвалил пророка Джабраил и, сжавшись в полете, вдруг направил в сторону капища такой луч света, который на глазах у изумленных фемудян тут же разрезал стены капища надвое и испепелил обнявшихся истуканов, превратив их в груды красной глины.

- Я знаю, тебе не терпится обратиться к этим несчастным и напуганным со своей первой проповедью. Что же, момент выбран тобой удачно! - сказал Джабраил, повисая в воздухе, чтобы проследить, как Бурак опустится на землю. - Желаю удачи! Мне надо лететь дальше... До встречи, пророк! Когда Азраил прилетит за твоей душой... мы встретимся с тобой у моста Сират...

- Что же, до встречи, - хриплым голосом проговорил Мухаммед, и все стоящие на площади, с лиц которых еще не сошло изумление, увидели, как из ослепляющего света, справа от капища, появилась фигура.

Бабасоль сразу же узнал человека, который уже был однажды здесь и поклонялся фемудянским идолам. Сегодня он не был похож на того робкого погонщика верблюдов, везших товары через фемудянские земли. Решительный блеск в его глазах выдавал в нем человека, заранее настроенного против чьих бы то ни было возражений.

- А, добро пожаловать, - ироническим тоном Бабасоль решил сбить с него спесь, - сегодня вы один, без верблюдов и своей компании помощников. Что-нибудь случилось по дороге? Вас ограбили?

Мухаммед глянул на него в упор, и Бабасоль стало не по себе от стального блеска его глаз.

- Ты хочешь смутить меня, но Аллах уже смутил тебя еще большим смущением, - холодно сказал Мухаммед и показал на груды пепла, остав-Ёиегося от капища. - Вот дела его, великого и славного! - И, повернувшись к растерянным фемудьянам, произнес: - Вы осыпали оскорблениями божьего посланника Салиха. Он хотел передать вам то, с чем послал его Господь! Ён хотел быть для вас советником, но вы не любили советующих! И тогда он, старейшина ваш, - показал Мухаммед на усмехающегося Бабасоля, смеясь сказал - и вы это слышали: "Салих, наведи на нас то, чем грозишь нам, если ты из посланников..." Тот первый толчок, который нагнал на вас страх, был предупреждением. Вы только что ощутили, как задрожала под вами земля... Но Аллах милосерден, он ясно сказал: может быть, мы лишь предупредим их сейчас, чтобы они поверили в нашу силу. Но если и после первого предупреждения они не поверят в единого Бога, то под утро все они будут лежать в своих жилищах поверженными ниц лицом... Истинно, я передаю вам то, с чем послал меня Господь мой! Теперь вы видите, во что превратились ваши божества - истуканы? В груды пепла, а пепел развеется по ветру, и не останется о нем памяти ни на земле, ни в воздухе! Они не спасли вас от первого землетрясения, как не спасли бы от последнего, если бы не милосердие Аллаха, давшего вам отсрочку, чтобы вы изгнали из своих сердец грязь и ложь, обман и ростовщичество...

- Странно, - возразил Мухаммеду Бабасоль, видя, как фемудяне внимательно слушают его речи. - Ты ведь сам еще недавно поклонялся нашим божествам - Манат и Хубул, прося у них защиты и покровительства... Что случилось?

- Пришла истина, и исчезла ложь; поистине ложь - преходяща, - ответил Мухаммед, ощущая вдохновение от покорных взглядов фемудян, обращенных к нему. - Ибо теперь, когда я видел рай и ад, я раб Аллаха великого!

- Ты видел рай и ад? - слышались голоса в толпе. - Расскажи о них...

Мухаммед поднял руку, и толпа, повинувшись его жесту, прекратила гул.

- О, нет ничего страшнее ада! - воскликнул пророк. - Если бы кто из вас увидел ад, он бы сказал: лучше мне ослепнуть, чем увидеть такое. Весь ад, куда аллах направит поклоняющихся идолам, объят пламенем, и в этом адском огне грешники будут гореть вечно, без отдыха и перерыва... Признавайте Аллаха единого и неделимого, следуйте его законам и правилам, и вы попадете в рай. О, как прекрасен рай! Увидевший его воскликнет: я хочу видеть его вечно, и глаз мой не устанет радоваться! Рай - это сад, в котором журчат источники и поют птицы не умолкая... У райских ворот вас будут ждать гурии с прекрасными лицами. Самая желанная обнимет вас со словами: "Милый, ты мне нравишься! Входи же со мной в райское жилище, я твоя!" - Мухаммед все более возбуждался, видя, как у рядом стоящего мужчины разгораются глаза и щеки наливаются кровью. - И когда каждый верующий в Аллаха войдет в свое райское жилище, он увидит семьдесят лож и на каждом по семьдесят подушек. Каждая дева будет иметь на себе семьдесят одежд, ткань которых до того тонкая, что через них видны очертания всех ее прелестей... Знайте же, каждый в раю будет есть и пить за сотню молодых и мужской силой будет равен их сотне. И каждый раз, когда он приблизится к своей подруге, найдет в ней девственницу. Каждый день он найдет ее чистой девой сто раз, и подруга его никогда ему не надоест... - Глядя на тех, кто был одет победнее, кто был изможден от недоедания, пророк продолжал: - Когда верующие в раю наедятся досыта и подумают они о другой пище, Аллах прикажет: "Приготовьте им другую пищу, повкуснее!" И тогда появятся семьдесят тысяч прислужниц, неся семьдесят тысяч столов из жемчугов и гиацинтов, играющих всеми цветами. Поднесут правоверным золотые блюда и кубки, на которых будет положено и разлито все, что пожелает ваша душа. В таком блаженстве вы будете пребывать вечно - вечно сыты и ублажены. А над головами верующих в Аллаха единого будут летать райские птицы и щебетать: "Друзья божий, я напилась из райских источников Самбасиль и Кафур и поклевала в райских садах". И если захочется верующим полакомиться мясом птиц, Аллах прикажет приготовить им самые нежные блюда... Свидетельствую, фемудяне, от которых Аллах сейчас отвел беду, не разрушив миг их дома, а самих не повернув ниц лицами... свидетельствую, что это правда истинная об аде и рае! Я - посол божий - сказал правду, ибо Аллах открыл мне истину и повелел донести до вас... Аминь!

- Аминь! - откликнулись сначала несколько робких голосов, но по знаку какого-то человека в лохмотьях восклицание вырвалось из многих уст.

Мухаммед всмотрелся, и лицо бродяги в лохмотьях показалось ему знакомым. Но не успел он подойти к нему и спросить его имя, как Бабасоль, стоящий все это время с невозмутимым видом, вдруг усмехнулся и сделал шаг вперед:

- Что нового увидел ты в раю? Что привлекательного? Многие из нас, поклоняясь своим божествам, уже давно живут в раю здесь, на земле. И зачем нам обещать что-то в будущей жизни, на небе, к чему надо идти, осквернив наши храмы, зачеркнуть наши законы и традиции, все, что помогает нам жить в раю сейчас, изо дня в день? Мы едим и пьем досыта, целуем красавиц - чем это не рай земной? Неужели ты не мог придумать о небесном рае что-нибудь поновее, чем рассказы об этих девственницах и мужской силе, которая не убывает?

Состоятельные фемудяне тоже стали усмехаться - им понравилась отповедь старейшины самозваному пророку.

- Рай земной дан вам для того, чтобы испытать вас и послать в ад небесный, - проговорил Мухаммед, воодушевленный взглядом бродяги, которого он вдруг узнал. - Те, кто ест и пьет досыта в этой жизни и целует красавиц, - в них цветет алчность и презрение к нищим и сиротам. Им не будет доступа в рай Аллаха! Туда первыми войдут бедные и сироты, не сделавшие никому зла, голодные и обиженные. Аллах иссушит их слезы! В раю все равны. Богатый, если раздаст нищим свое богатство и придет в рай нищим, будет пребывать в вечном богатстве,

наравне с теми, кто в этой сирой жизни так ни разу и не наелся досыта, но был честен и почитал аллаха милосердного...

- Где доказательства твои? - спросил Бабасоль, заметив, как снова загорелись надеждой глаза нищих в толпе. - Почему твои слова должны быть приняты на веру? Кто ты такой? Лицемер! Вчера ты поклонялся Манат и Хубул, а сегодня призываешь поклоняться Аллаху!

Мухаммед снова показал на груды пепла, оставшегося от капища:

- Ты хочешь доказательств?! Этого зрелища тебе мало?! Вы так же смеялись над Салихом, которого Аллах послал к вам с предупреждением! Если к утру все дома здесь рухнут и все неверующие будут повержены лицами ниц, тогда ты согласишься, Бабасоль?! О, боюсь, Бабасоль, тогда ни у тебя, ни у фемудян не будет ни глаз, ни ушей, чтобы увидеть и услышать! Ждите утра! Мухаммед повернулся, будто собираясь уходить, но был остановлен криками из толпы:

- Нет! Мы не хотим, чтобы случилось предсказанное Салихом! Спаси нас! Спаси нас, если ты пророк! И мы прогоним Бабасоля! Он будет лизать соль на тропах...

Холодные глаза Мухаммеда заблестели, и он сделал выразительный жест рукой в сторону толпы, крикнув:

- На колени! Все на колени!

Фемудяне послушно опустили на колени. Мухаммед повелел:

- Повторяйте за мной... Субхан-обло, помоги нам, грешным, отведи беду...

- Субхан-обло, помоги нам, грешным, - повторяла толпа, - отведи беду, не посылай нам землетрясение...

- Всякий раз, когда вы почувствуете гул земли, готовой разверзнуться, взывайте к Субхану-обло, и он поможет тем из вас, кто поверит в Аллаха...

Мухаммед подозвал к себе бродягу - это был тот самый нищий, который на ярмарке в Ятрибе шел к нему с протянутой рукой, прося милостыню, а Мухаммед с раздражением отвернулся от него. Сейчас пророк смотрел на него приветливо.

- Как тебя зовут? - спросил он.

- Мухайма, - ответил бродяга, помаргивая глазами, словно свет резал ему глаза.

- Нет, отныне твое имя Субхан. - Мухаммед положил руку бродяге на голову, разъеденную плешью. - Иди день и ночь по дорогам. И те, кто будет напуган землетрясением, позовут тебя: Субхан! Субхан! И ты смотри и слушай, откуда идет беда...

Мухаммед обратился к толпе, все еще стоящей на коленях:

- Вы слышали наш разговор?! Смотрите на Субхана и запоминайте его. И когда вы в предчувствии беды станете звать, облик его явится к вам из-за горизонта... Иди, Субхан!

Бродяга, кланяясь, стал уходить к дороге, которая начиналась за площадью, направился туда, где растворился в дымке Салих и откуда принесли на руках спящего, но всхлипывающего во сне Руслана...

- Субхан! Субхан! - протягивали в его сторону руки фемудяне, прося не покидать их город. Глядя на их лица, Мухаммед почувствовал усталость и умиротворение.

- Bravo, пророк! Все сделано мастерски! - услышал он над головой знакомый голос Джабраила. - А теперь на минуту закрой глаза. Следом за мной летит Азраил. В душах, которые он уносит с собой, еще не потух свет, ты можешь ослепнуть...

Но Мухаммед не успел заслонить рукой глаза. Несколько длинных нитей, перевитых между собой паутиной, ярко-красных и зеленых, накрутили шар... и наступила полная темнота...

Очнувшись, Мухаммед не сразу понял, где он и что с ним было. Тоска сжала сердце. Мухаммед попытался повернуться в постели, но не мог, разбитый слабостью. Услышал, как вода вытекает из опрокинутого кувшина, длинной струйкой уходя в темный, сырой угол пещеры. Странно... Но тут он вспомнил, как нечаянно задел рукой кувшин с водой, стоящий

возле его ложа, пытаюсь встать...

"Странно, - подумал Мухаммед сквозь туман в голове, - сколько же я летел, если все увидел и пережил, а вода из кувшина еще не вытекла вся?"

XX

Снова, хотя и с большим опозданием, появились на экранах телевизоров физиономии сейсмоакадемиков, скучные и унылые. Уныние заложников Шахграда можно легко понять. Наговоривших все о своей науке в прошлых бодрых передачах и разрушивших ее до основания - их властным жестом загнал в телестудию Адамбаев. Слишком-долго оставалось без ответа очередное послание ОСС. Шахградцы недоумевали из-за молчания академических оппонентов, но потом, занятые на свой страх и риск спасением, и вовсе забыли о популярной телепередаче. Решили, что академики, слишком долго злоупотреблявшие их гостеприимством, не дождавшись последнего, тридцатого дня, разъехались по своим городам.

Все надежды шахградцев были обращены теперь к Субхану, объявившемуся в их городе, - верили, что он обязательно отведет беду.

Вера эта замешена на множестве утверждений, догадок и предчувствий, одно из которых было связано с убийством Мелисом бродяги. Возмущаясь следователем Лютфи, шахградцы смутно догадывались, что за всем этим кроется необычное дело и что между бродягой и защитником народа Субханом есть связь, всякая другая умопомрачительная история покажется бледной и банальной перед их историей и что не зря именно в ту ночь, когда на лесопилке был принесен в жертву спокойствию шахграда бродяга по имени Музайма (терпеливый Лютфи извлек из вороха не учтенных паспортным управлением Шахграда имен и это имя), в город ступил, перейдя кольцевую дорогу, Субхан, шагавший с тех давних пор, как нарекли его этим именем, по пыльным тропам, пока судьба наконец не занесла его в наш Шах-град...

Впрочем, я отвлекся, отворотив свой взгляд от мелькающего экрана телевизора, а меж тем ведущий уже объявил, представив зрителям все тех же лиц, среди которых был и фемудянский Бабасоль, и Златоуст, таинственно связанный с Бюро гуманитарных услуг. Отвлекся без особого сожаления, ибо был уверен, что из всего миллионного Шахграда только я один, закоренелый педант, в объявленное время занял место в своем кресле. Но, как выяснилось позже, не только я один. Мирабов, задержавшийся на собрании у себя в больнице, тоже не успел к началу передачи в палаточный табор и пригласил на городскую квартиру все тех же - Давлятова, Анну Ермиловну, в обществе которых любил смотреть телевизор.

Сегодняшний "круглый стол" сеймосветил был несколько необычен - без вопросов рядовых шахградцев, потерявших интерес к передаче. Телефонистки тщетно ждали в своих стеклянных кабинах, ведущий напряженно смотрел то на них, то на экран, как бы умоляя звонить и задавать вопросы. Затем камера убрала его куда-то в сторону по воле догадливого режиссера, и ведущий где-то там, в укромном углу студии, сочинил вопрос, как потом выяснилось, довольно каверзный, вызвавший большие споры академиков.

Камера снова перенесла ведущего на его место. Лист бумаги с вопросом он лихорадочно сжимал в руке.

- Гражданин Бухаров спрашивает: если известно, что под городом накапливается энергия сильного землетрясения, можно ли как-то заранее, без ущерба для людей и зданий, освободить эту энергию? - бодро, пытаюсь скрыть свое смущение, прочитал ведущий, думая уже и об очередном вопросе, который ему наверняка опять придется сочинять; хотя у ведущего, как и у других шахградцев, знаний о тектонике прибавилось за эти тревожные дни, но все же не настолько, чтобы не ударить лицом в грязь перед своими уважаемыми собеседниками. - Прошу

вас... может быть, вы ответите, академик Златоуст?..

- Вопрос очень грамотный и по существу, - решил поддержать растерянного ведущего академик. - Спасибо вам, гражданин Бухаров, кажется, даже перестарался Златоуст, делая ударение на слове "вам" и глядя на ведущего, как бы давая ему понять, что у вас - у вас, у нас - у нас... все будет в порядке, не волнуйтесь. - Есть, дорогие друзья, несколько методов и способов высвободить из-под земли накопившуюся там энергию, готовую вот-вот вырваться наружу и наделать такого... Лично я сторонник, так сказать, водного метода. Он самый дешевый и удобный. Если в нескольких местах, близко к краю разлома, лучше в семи, а еще лучше в двенадцати мес

тах, пробурить скважины и накачать туда воду... По мере накачивания из плавающей породы будет выходить наружу энергия... и так - пока все не выйдет и земля не вздохнет свободно... простите за образность...

- Любопытно, - прошептал загадочно Давлятов, почему-то отодвигая свой стул подальше от Анны Ермиловны. - Сначала ученые мужи категорически отвергали... теперь, кажется, и они поверили в неминуемое и всерьез обсуждают, как спастись...

Мирабов скептически пожал плечами и глянул на Хури, сидевшую с отсутствующим видом.

А тем временем режиссер, уверенный, что ведущий не сочинит второго такого внятного вопроса, замахал за кадром руками и прошептал в сторону академиков: "Спор... пятьдесят минут спорьте..."

Волнение режиссера было понято, и академик Ноев бросился с ходу в полемику:

- При всем моем уважении к академику Златоусту, я должен возразить - и вот почему... Водный метод с его явными положительными сторонами еще нуждается в проверке... Надо с точностью знать заранее, сколько энергии накоплено под этими семью или двенадцатью скважинами. Под одними породами ее может быть значительно больше, а под другими неизмеримо меньше. Где гарантия, что там, где ее накоплено больше, энергия не сдвинет плиту и не вырвется с такой силой, что наделает бед... И еще: надо хорошо знать состав породы, которая в разных местах под городом разной твердости... И третий вопрос - почему семь или двенадцать, а не три или даже две скважины? Это же намного дешевле... Не так ли? ~ обратился Ноев к сидящему рядом академику Гирляндскому.

- Три! - уверенно сказал Гирляндский и даже хлопнул ребром ладони по столу. - Три, и ни на одну больше! И вот по какой методе... Каждая из скважин бурится на расстоянии пяти километров от другой. Из двух крайних вода откачивается из подземных озер или водоемов. Два насоса тянут воду вверх, чтобы подавать ее к другому насосу, который будет накачивать воду обратно под землю через среднюю скважину... Вот самая простая, удобная и дешевая система... самопитающихся сосудов...

Гирляндский замолк и почему-то слегка смутился, хотя начал так уверенно. И режиссер снова, на сей раз умоляюще, прошептал: "Спор... еще двадцать пять минут продержаться..." Мольба его подстегнула фемудянского академика Бабасоля, хотя он сегодня и не думал вмешиваться в спор, подавленный какой-то смутной тревогой.

- Водный метод, - начал он, кашлянув, - представляется не только ненадежным, но и опасным. Нет ничего проще использовать для разрядки нечто вроде обыкновенной атомной бомбы... Посудите сами, - с наигранной страстью обратился Бабасоль к своим коллегам, - что лучше и безопаснее? Взорвать одну небольшую бомбу, чтобы заранее выпустить в атмосферу подземную энергию, или обреченно ждать удара землетрясения?.. В момент катастрофического землетрясения, которое нам предсказывают горе-пророки из пресловутого ОСС, силой, скажем, в восемь баллов, высвобождается энергия, равная по силе энергии одной тысячи двухсот пятидесяти атомных бомб, сброшенных на Хиросиму... Что же, спрашивается, безопаснее - одна

бомба или более тысячи двухсот? Ответ ясен, друзья мои...

Естественно, прежде чем взорвать бомбу, опущенную в разлом, необходимо эвакуировать население Шахграда... Здания остаются на месте и ждут возвращения людей обратно... Могут спросить: что это за бомба, которую нужно опустить в разлом? Откуда ее взять? Отвечу: она рядом, буквально под нашими ногами. - Бабасоль невидимым движением открыл свою папку и стал листать бумаги. - Я назову сейчас дом, под которым преспокойно лежит нужная нам бомба. - Прищурившись, Бабасоль глянул на экран. - Это дом по улице Староверовской, где проживает гражданин Давлятов Руслан Ахметович... - Он вынул из папки и показал фотографию: - Вот он, дом, справа... а вот он сверху - квадрат двора... снято из-за угла соседнего дома, - повернул он к зрителям фотографию, на которой была запечатлена корреспондентка Патриция Буффони, берущая интервью у Шаршарова. - Простите... - спохватился вовремя Бабасоль, - не то... хотя это тоже имеет отношение к хозяину дома... Обратите внимание на кривую энергии, идущую от бомбы под домом. - На телеэкране крупно прочертилась схема с рядом математических формул. - А это результаты проб почвы на рыхлость и крепость, - повернул он матовой стороной перфокарту. - Интересна, на мой взгляд, и эта фотография, где показано вздутие земли на месте рождения бомбы. - И в спешке снова извлек из папки фотографию, где был запечатлен мост Сират с одиноким путником, и, заметив оплошность, академик поспешил пояснить: - Простите, то, что я вам показал, - часть космоса, снятого кораблем "Союз-Икс-Аполлон-Игрек" по пути к Сатурну... имеет прямое отношение к нашей теме, но об этом в следующей передаче... Словом, все документировано. И под каждой фотографией или перфокартой может поставить свою подпись и мой местный друг инспектор Байбутаев, с которым мы случайно прогуливались мимо дома Давлятова, и чуткий прибор Байбутаева показал наличие такой радиации, что - ой! ой! вдруг совсем по-детски закатил глаза и воскликнул Бабасоль.

Тут уж Давлятов не выдержал, вскочил с криком: "Подонки! Провокатор!" - и бросился к телефону, чтобы звонить на студию, но линия оказалась занятой, хотя, как было сказано, никто из шахградцев не тревожил звонками телефонисток.

- Успокойся, - попыталась усмирить сына Анна Ермиловна. - Бабасоль и тогда преследовал нашу семью... Лично я не принимаю его всерьез...

Похоже, сообщение Бабасоля о бомбе под домом Давлятова никого не задело, кроме самого хозяина дома, посему режиссеру опять пришлось вмешаться: "Спор... умоляю..."

- Откуда же гражданин Давлятов взял бомбу и закопал под своим домом? спросил академик Зиеев. - С какой целью? Разве не думал он, что даже при слабом толчке дом его поднимется в воздух? Это опасно не только для него, но и для соседей...

- Думаю, что гражданин Давлятов не такой сумасшедший, чтобы специально подкладывать под свой родной дом бомбу, - высказал предположение академик Ноев. - Купить он ее на базаре тоже не мог, хотя я слышал, что здесь, на шахградской толкучке, можно приобрести и кое-что похлеще... например, ротационную машину для печатанья фальшивых денег, как две капли воды похожих на подлинные, выпущенные нашей знаменитой фабрикой Гознака...

- Мы с моим местным другом инспектором Байбутаевым думали... - как-то растекаемо проговорил Бабасоль. - И пришли к выводу, что гражданин Давлятов не мог ее купить по причине хронического безденежья. В тот момент Давлятов вообще нигде не работал... Тунеядствовал. По форме дома, которая вытянулась и сделалась сигарообразной, - с вдохновением продолжал Бабасоль, - я пришел к выводу, что бомба самопроизвела себя, собирая радиацию из атмосферы, воды и самой земли. И дом постепенно принаравливался, меняя свои очертания, чтобы лежать, крепко зацепившись за бомбу. Воистину, жилье человеческое на какие только уловки не идет, чтобы продержаться на земле!

- Прекрасное умозаключение! - вдруг воскликнул академик Ноев, хотя и ненавидел

академика Бабасоля и всегда враждовал с ним. - Я полностью присоединяюсь к идее саморождающейся радиационной бомбы... и даже думаю, что больше всего радиации получает бомба для самопроизводства из земли во время слабых, почти незаметных толчков, которые случаются в Шахграде по несколько раз в сутки... Посему предлагаю назвать эту новую разновидность бомбы тектонической... и ввести под этим названием в научный обиход... Уверен, это будет ошеломляющей сенсацией нашего конгресса!

- А почему не именем человека, который обнаружил ее? - вмешался академик Сааков. - Вашим именем, коллега, - "бабасольская бомба"? И обратиться в Королевскую академию с предложением: присудить академику Бабасолю Нобелевскую премию...

- Думаю, сейчас это преждевременно, - скромно потупил взор Бабасоль. Надо подождать и убедиться... хотя я и сейчас уверен на все сто процентов, что бомба эта будет извлечена из-под дома гражданина Давлятова и опущена роботом серии "Яшка-Дурашка" в расщелину под Шахградом... Шахград родил в своих недрах эту ужасную бомбу, способную в один миг поднять весь город в воздух, для собственного спасения...

После недолгой, хотя и тяжелой паузы, которая опять встревожила режиссера передачи, академик Лайлаков высказал мнение:

- Из прослушанного нами напрашивается простой вывод: маленькая, домашняя бомба лежит не только под жильем гражданина Давлятова, но и под другими домами и зданиями Шахграда...

- Вне сомнения, - подытожил спор Бабасоль, заметив, как режиссер, довольный, дает понять знаком, что передача подошла к концу.

Увидев его жест, ведущий, сидевший в апатии, спохватился и пропел телезрителям:

- Уважаемые шахградцы! Если вы заметите под своими домами что-то подозрительное, похожее на тектоническую бомбу, просим сообщить в свои жилищные конторы и мехаллинские комитеты... Благодарим за внимание...

- Да, прославили нас перед всем честным народом! - воскликнула Анна Ермиловна после недолгой паузы.

Все встали и отошли от телевизора с таким видом, будто оторвались наконец от болтливой чудовища.

- Я всегда с недоверием всматривался в это чудесное окно в мир, - от нервозности высокопарно заявил Давлятов, уловив запуганный, даже затравленный взгляд Мирабова. - К чуду, заменившему нам книги, живопись, музыку... но никогда не подозревал, что это чудо еще и выполняет роль соглядатая - что у кого не так лежит под домом, над домом. - Давлятов хохотнул и умолк, догадавшись о состоянии Мирабова, сказал ему почему-то шепотом: - Ты боишься, что и под твоим домом?.. Приглашаешь нас посмотреть за компанию?

Все, шумные и взволнованные, шуточно восклицая: "Ну-ка, ну-ка, поглядим на нашу бомбу-бомбочку...", вышли во двор и стали всматриваться. Особенно напряжен был хозяин дома - Мирабов, будто вернулся сюда после многолетнего отсутствия. Но ничего странного и необычного в очертаниях квадратного двора, с рядом окон и дверей, угрюмо поглядывающих друг на друга, замечено не было. Мирабов почему-то даже топнул ногой, словно проверял прочность самой земли двора, и, проявив неожиданную энергию и суетливость, повел гостей за ворота, чтобы осмотреть дом снаружи. Здесь Давлятов ощутил разницу. Особенно не задумывался он - даже после неожиданных ночных визитов райбутаева - над конфигурацией своего жилья, а здесь вдруг почувствовал беспокойство. Господи боже... так долго жил над бомбой, не подозревая, что в любой миг его дом вместе со всем кварталом, но и весь Шахград... даже страшно подумать... что-то дерзкое мелькнуло в его мыслях, будто судьба предложила ему игру с бесом, а какая игра с бесом обходится без дерзких шуточек, без иронии, коль ставка в игре так высока?

Мирабов устало опустил на порог:

- Слава богу, дом наш еще не самородил собственную бомбочку.

- Все равно наш дом необычный, - с горечью в тоне прервала его Ху-ри. - Он похож на фрегат... точно такой, на котором путешествует сейчас по морям мой папа-принц!

- Да, да, на фрегат, - с поспешностью согласился Мирабов, боясь, как бы Хури не разрыдалась. - Он легкий, воздушный... Но ночевать мы все равно должны в палаточном городке... - И так глянул на гостей, словно впервые они были ему в тягость...

XXI

Удивительный народ шахградцы! Вроде бы никто из них не смотрел в этот вечер передачу сейсмосветил, но о бесовской бомбе под домом гражданина Давлятова по улице Староверовской уже знали все. Будто забот им было мало жить изо дня в день в ожидании... страсти накручены и не раскручиваются вокруг дела Мелиса и его друзей, а тут еще эта бесовская штука, которая может погубить, но и спасти, если осторожно извлечь ее из-под дома гражданина Давлятова и, опустив в подземный разлом, освободить энергию...

Пока Анна Ермиловна с сыном, молчаливые и отчужденные, возвращались медленно к своему дому, на Староверове кую уже устремились паломники со всех концов Шахграда. Вылезли и соседи, которые раньше не замечали ничего необычного в форме давятовского гнезда. Сейчас как будто новый, острый взгляд появился в их зрении и обозрении. Благо дом, стоящий на бомбе, был сбоку улицы, можно свободно ходить вокруг него и обозревать. Некоторые смекнули, что поскольку дом собственный, то и бомба должна считаться собственностью хозяина и распоряжаться он ею волен по собственному усмотрению. Закон о недвижимом имуществе граждан должен охранять право Давлятова. И речи не может быть о насильственном изъятии, даже если бомба необходима для нужд города. Если Давля-тов согласится, ее можно купить у него по сходной цене. Деньги на приобретение бомбы отпускаются градсоветом из средств, выделяемых на случай стихийных бедствий - оползни, ливни, тайфуны... Суждения разные, но во всех - уважение прав и свобод гражданина. И уважение это, несмотря на угрозу самому существованию города, не притупилось, наоборот, обострилось у шахградцев, чему мы и сейчас свидетели, наблюдая за делом Мелиса и убитого бродяги...

При виде хозяина дома и его смиренной матушки паломники приветливо расступились, провожая их взглядами до самых ворот.

- Этого еще не хватало! - проворчал Давлятов, с силой закрывая ворота.

- Как говорится: утром проснулся знаменитым, - то ли усмехнулась над словами сына, то ли посочувствовала ему Анна Ермиловна.

- Да, конечно... мало нам Мелиса, который прославил на весь Шахград, а теперь эта адская штука... Адская, - повторил Давлятов, словно прислушиваясь к звучанию слова и переживая сильное волнение. - Ты рассказывала о предстоящем якобы седьмом дне, последнем рае и аде на земле, - говорил он все это невпопад, обращаясь к матери. - И в науке бытует мнение... будто жизнь на Земле через каждые 26 миллионов лет исчезает после космической катастрофы. Спутник Солнца - Немезида проходит через облако Оорта, состоящее сплошь из астероидов. И на Землю льется кометный дождь. От удара кометы - достаточно одной, крупной - поднимается такая пыль... через ее слой уже не пробиваются солнечные лучи, И тогда на Земле наступает очередной ледниковый период... Разница лишь в плотности времени и ее измерениях. Одно и то же время на мосту Сират тянется двадцать пять тысяч лет, а здесь, на Земле, - двадцать шесть миллионов... - Давлятов вновь насупил, вспомнив, что накануне они повздорили с Анной Ер-

миловной из-за ее чрезмерного усердия в деле Мелиса.

Анна Ермиловна не успела ответить - в ворота просунул голову сын Нахангова и кратко, подражая интонации отца, изрек:

- Выходите к папе на беседу!

Давлятов заторопился, провожаемый ироническим взглядом Анны Ермиловны, которая никак не могла понять подоплеку боязливой отношения своего взрослого, сорокалетнего сына к вельможному соседу.

Давлятов пошел к воротам, затем, не сдержавшись, выбежал, позабыв о паломниках возле дома. Тех, кого привлекала тектоническая бомба, стало больше. Пришли целыми семьями, чтобы прямо отсюда в назначенный час прошагать в открытое пространство своих кварталов, чтобы переждать...

Давлятов впервые видел такое количество приветливых лиц, обращенных к нему. И вместо того чтобы воодушевиться, впал в уныние, ибо не любил быть в центре внимания.

Нахангов ждал его во дворе, сидя в кресле-качалке, и, прежде чем ответить на приветствие Давлятова, машинально глянул на часы. Скоро надо было спускаться вместе с домочадцами в бункер, и потому Нахангов торопливо сказал соседу заранее обдуманное:

- Вам покоя не дают эти снующие вокруг вашего дома.

- Да... я как-то не привык, - Давлятов пожал плечами, как бы удивляясь публике.

- Странный народ... в чужом глазу желают разглядеть соринку, а в своем собственном не замечают бревна. Если бы каждый был повнимательнее, уверен, нашлись бы и другие дома с такими адскими штучками. Не скажу, что много домов... Я только что говорил по телефону с одним спецом, и он сказал, что процесс самообразования бомб под домами и зданиями Шахграда еще не стал всеобщим... и все же уже сейчас внушает опасение. Я говорю мягко опасение. На самом же деле шахградцев обуял страх. Все же восемь дней осталось до конца тридцатидневки! Восемь дней! - чуть повысил голос Нахангов. - Не будь страха, весть о бомбе вселила бы в них дикий ужас. Из двух зол выбирают меньшее... хотя еще неизвестно, какое зло больше, ибо, как выяснилось, оба зла тесно переплетены и одно зло вытекает из другого. Я имею в виду радиацию, идущую из-под земли после ежедневных слабых толчков, и саморождающуюся бомбу... Так вот, чтобы паломники - число которых, я уверен, будет увеличиваться - не отвлекали вас от дела, ибо до нашего конгресса осталось ровно семь дней! Он соберется накануне того события... которое не случится... Он соберется накануне, чтобы продемонстрировать перед миром нашу волю и жизнестойкость... Чтобы паломники не раздражали вас, я предлагаю вам пожить эту неделю в одной из комнат моего бункера - в тиши и безопасности, на всем готовом и основательно подготовиться к докладу... Так что милости прошу... - Во время своего длинного и несколько путаного монолога Нахангов сидел неподвижно, с непроницаемым лицом, и только раз, когда он быстро глянул в сторону, Давлятов увидел лицо Мирабова с печальными глазами, которые так не шли к облику всегда живого, неунывающего доктора... У Давлятова сердце защемило от тоски, и, как потом выяснилось, не ошибся в своем предчувствии... Но вот... Нахангов снова повернулся к своему собеседнику и без паузы перешел к другой, также обдуманной заранее теме: - Из рассказов вашей матушки Анны Ермиловны, бывшей в своем фемудянском перевоплощении Хайшой, вы, человек неглупый, должно быть, поняли, почему мы вытравили из сознания людей учение Мухаммеда?! Рай, который он предлагал на небесах, не правда ли, обычная жизнь, которую мы строили изо дня в день в трудах и заботах? И непонятно, почему надо называть раем... раем для избранных, для праведников то, к чему идут и придут все граждане, без исключения? Материальный рай, где всего вдоволь для каждого - еды, питья, наслаждений, в этот наш рай придут все и грешники и праведники, ибо мы добрее, человечнее, мы не делим людей на

сословия и классы, для нас все равны. Хорошо бы вам развить мою мысль в своем докладе, подчеркнув это принципиальное различие между материальным раем Мухаммеда на небесах и нашим здесь, на земле. Небесный рай создан для пассивных созерцателей, для кротких, для тех, кто якобы, заботясь о своей душе в дольней жизни, обретет вечную жизнь в материальном раю с гуриями, прохладой садов и обилием еды. Неужто надо заботиться о своей душе, держа ее в цепях страданий и мук, и мечтать взамен о еде, питье и телесных наслаждениях? Что за теория? Что это за душа, которая своими страданиями обретет удовольствие для тела? Глупости! Отличие нашего, земного рая от вымышленного, небесного состоит как раз таки в том, чтобы выйти из пассивности, вылить всюду вокруг свою энергию, высвободить из себя такую волю, которая в итоге и приведет нас всех к созидающему раю на земле... Завтра - в бункер! А разговор о земном рае мы еще продолжим... - И повернулся к окнам дома: - Наргизахон! Батурбек! Живо! Ведите бабушку в бункер! Время!..

Давлятов в подавленном настроении вернулся домой, не заметив на улице ни одного паломника. Время приближалось к десяти, и все, естественно, заторопились на площади и скверы, и с ними Анна Ермиловна, воодушевленная тем, что следователь Лютфи, под нажимом общественного мнения, заколебался, засомневался... Еще немного, и Лютфи, а в его лице все шахградское правосудие, выкинет к ногам победной толпы белый флаг. И Анна Ермиловна побежала на решающую встречу с Байт-Кургановым и его группой...

Давлятов решил не выходить из дома - будь что будет, чего не миновать...

Он даже не заметил, как стрелки стенных часов в его кабинете перепрыгнули черту за десять. Почувствовав облегчение, Давлятов снова углубился в работу. Его знания о Салихе пополнились теперь и знанием о Субхане и самом пророке Мухаммеде. Истории переплелись, концами выползая одна из другой и снова запутываясь в клубок, и только Давлятов своим пронизательным умом мог отделить одну от другой и направить потом все на самого себя, покопаться в собственной душе, чтобы изгнать оттуда Салиха, вернее, его душу... душу, вселившуюся в него в тот далекий вечер, в фемудянском городе, чтобы возвысить... даром предвидения.

Анна Ермиловна мчалась в это время к дальней кольцевой дороге, в палаточный городок, куда поехали после телепередачи Мирабов с Хури.

А утром она привезла с собой страшную весть о гибели Мирабова. Взволнованная, на грани потери чувств, она рассказала сыну, как ночью кому-то стало плохо из жителей палаточного городка. Еще не очнувшись от сна, почти ничего не соображая, Мирабов не побежал пятьсот метров к палатке больной, а почему-то завел свою машину, сел... В тот момент, когда проезжал через рельсы однопутной дороги, идущей от завода на складской двор, он машинально нажал на тормоз. Машина резко стала и заглохла. Мирабов засуетился, пытаясь завести машину, и не слышал, как гудел ему паровоз, тянущий один-единственный вагон с щебнем. Машинист не успел, и машину вместе с Мирабовым понесло впереди паровоза волоком и бросило на обочину. Когда машинист выскочил, чтобы вытащить из-под груды Мирабова, Мирабов лишь сделал в его сторону слабый жест рукой... и через минуту был уже мертв...

Странно повел себя Давлятов, услышав историю гибели приятеля. Ни слова не говоря, он бросился через двор, к воротам, боясь, как бы голова его : не лопнула от одной-единственной, сверлящей мысли: "А каково теперь На-хангову без Мирабова? Увидеть бы его сейчас... сейчас... Каково ему без своей урезанной наполовину сущности?.."

Расталкивая толпу паломников, он без стука с бесцеремонным отчаянием бросился к воротам вельможного соседа и увидел Нахангова на том же самом месте, где он вчера вечером простился с Давлятовым. Только вместо кресла-качалки он сидел на старом, обитом красным бархатом кресле, похожем на трон, с высокой спинкой, на резных ножках, художественно

украшенном. Нахангов, против обычного, был бледен, подавлен, глаза его с тоской остановились на Давлятове, как бы ища у него сочувствия.

- Простите, - пробормотал, опешив, Давлятов, - случилось невероятное с моим приятелем...

- То, что случилось со мной, еще более невероятно, - будто морщась от боли, проговорил Нахангов. - Кому бы я ни рассказал из своих - не верят. Потому что привыкли видеть во мне человека с железным духом и нервами... а здесь какой-то срыв, не делающий мне чести, но что поделаешь, когда и нас, лиц номенклатурных, туманит слабость... И пусть после этого мы станем немного сильнее, - Нахангов поднял руку со сжатым кулаком и хотел было потрясать ею воздух, но рука отошла в сторону. - Ночью, во втором часу, едва я лег на кровать, чтобы ощутить сладкую дрему, дрему перед забытьем... я вдруг увидел, ощутил всеми клетками, будто еду на машине, тороплюсь... не знаю, как вам объяснить, - словом, это со мной было! было! Я пережил это ужасное... Как машина моя застревает где-то на рельсах, в нее врезается паровоз на полном ходу, меня разрезает надвое и выбрасывает вместе с искореженной машиной на обочину. Только и помню последний свой миг... машинист наклоняется ко мне, а я делаю в его сторону жест рукой... и все! Адская боль давит мне на грудь, рассекая ее, и я вижу, как душа моя, как облачко, вылетает из рассеченной груди и летит... я лечу, лечу и с высоты вижу, как тело мое лежит, перевалившись за сиденье машины, вижу машиниста, бегущего к своему паровозу, и открытый вагон, груженный щебнем... На крик мой сбегались мои домочадцы, думая, что это я во сне кричу... хотя только один я знаю, что я пережил и что был это не сон, а особое состояние, кома души... - Рассказав об этом, Нахангов вздохнул и почувствовал себя лучше и здоровее, даже румянец вернулся к щекам, толстые губы налились сладострастной краской. Он помрачнел и добавил уже совсем другим, привычным тоном: - Зря я все это вам рассказываю. Глупо! Читайте, что это я выдумал, чтобы подурочить вас... ибо какой номенклатурный работник, испытанный и проверенный во всех изгибах своей души и тела, может всерьез признаться в подобном без того, чтобы завтра же не быть выведенным из здоровой, не знающей колебаний и психологических вывертов номенклатуры?!

- Я так и понял, что вы это просто так рассказали... Воскресная байка, - пробормотал Давлятов, но сам подумал с удивлением: "Интересно, значит, и Нахангов может летать? Как бы нам вместе полететь куда-нибудь... непременно вместе, он как ведущий, а я в свите..."

- Так я вас жду. С сегодняшнего вечера вы перебираетесь в бункер! еще раз напомнил ему на прощание Нахангов, и Давлятов с завистью глянул на человека, намного быстрее и безболезненнее избавившегося от своей сомневающейся, путающей сущности - Мирабова, в то время как самому Давлятову стоит больших мучений хотя бы расшевелить в себе Сали-ха, чтобы болтался он свободный, готовый в нужный момент выскочить из Давлятова...

XXII

Противоречив и парадоксален ум современного шахградца! Поскольку в крови его замешена и доля фемудянской крови, то применима к нему и эта ветхозаветная поговорка: "Не ведает правая рука его, что делает левая..."

Эта черта характера шахградцев особенно выпукло проявилась в день похорон Мирабова. О человеке, пожертвовавшем своей жизнью ради больного, которого ни разу в глаза не видел, говорили с таким благоговением, будто был это полководец или писатель, прославивший своих земляков-шахградцев на весь мир. За его гробом шел не только весь палаточный городок... когда процессия вышла на кольцевую дорогу за катафалком, покрытым цветами, чтобы переходить от одного квартала города к другому на всем пути до кладбища, на улицы высыпал почти весь Шахград. Правда, с кладбищем произошла небольшая заминка. Вначале Мирабова

решили похоронить, как и подобает, учитывая награды и звания покойного - а он был доцентом и имел почетное звание "Заслуженный врач республики", - на кладбище второго класса - "Ситора". Но по ходу, пока процессия двигалась по кольцевой, председатель градсовета Адамбаев срочно вынес постановление о том, чтобы Мирабова хоронили со всеми почестями на кладбище первого класса - "Анор", где покоятся профессора, начальники трестов и директора фабрик, артисты и писатели, славно потрудившиеся на ниве шахградской культуры, но не сумевшие преодолеть ее давящей традиции, чтобы обрести известность за пределами, - словом, средний слой Шахграда.

Адамбаев, таким образом, учел настроение шахградцев, объявивших Мирабова чуть ли не героем, и лишний раз подчеркнул, что граду, живущему в страхе, очень нужны такие жертвенные личности, как доктор-бессребреник, которые бы воодушевляли своим порывом и бесстрашием.

Словом, процессии, к которой приехали с известием из градсовета, пришлось повернуть с кольцевой на одну из улиц, выходящих на проспект, ведущий к кладбищу "Анор".

А сколько было желающих удочерить Хури, оставшуюся круглой сиротой! Хотели даже составить список и разыграть жребий, но Анна Ермилов-на, на правах друга семьи Мирабова, сказала твердое "нет!". Хури будет воспитываться у нее! Как только закончится эта катавасия с землетрясением, она увезет Хури в Москву, где девочка получит и хорошее воспитание и хорошее образование в университете Ломоносова... Поскольку об этом во всеуслышание заявила бабушка другого, не менее известного страдальца Мелиса, споры тут же прекратились и все согласилось, что больше всех прав на Хури имеет Анна Ермиловна.

Сама же Хури, узнав о том, как решилась ее дальнейшая судьба, сказала, облегченно вздохнув:

- Я так и знала, что найду сначала свою бабушку - старую московскую баронессу... А она наведет меня на след моих настоящих родителей, плавающих сейчас на двухпалубной яхте по Адриатическому морю...

Противоречивые шахградцы и благоговели перед памятью Мирабова, погибшего от собственной неосторожности, и всем хором требовали освободить Мелиса и его друзей, убивших бродягу Музайму, от которого в свое время, как выяснилось, отвернулся даже пророк Мухаммед...

В день похорон Мирабова стало известно, что следователь Лютфи внял гласу общественности и решил освободить Мелиса и его друзей - "из-за недостатка улик...", и это несколько размыло печаль шахградцев, собравшихся на кладбище "Анор". А когда, сказав покойному последнее прости, они выходили из ворот кладбища, к Давлятову подошел работник прокуратуры и тихо сказал, что его просит к себе - срочно - следователь Лютфи.

Давлятов нехотя пошел, отмахиваясь от назойливой Анны Ермиловны, которая хотела идти с ним, чтобы ликовать победу. В приемной Лютфи была очередь, но, услышав фамилию Давлятова, секретарь следователя сразу же открыла перед ним дверь, словно Лютфи не терпелось... Такая предупредительность со стороны правосудия показалась Давлятову не то чтобы подозрительной, а чем-то смущающей, но он выдержал бесстрастную мину на лице и прошел мимо очереди, чтобы ступить через порог.

Лютфи встал ему навстречу и так выразительно развел руками, словно хотел подчеркнуть: "Не думайте, что я уступил давлению слепой толпы. Я, трезвый индивидуалист и вольный стрелок, прекратил дело вашего Мелиса лишь ради того, чтобы на вас не накатывалась одна проблема за другой и вы не оказались в результате погребенным под их грудой. Хватит вам и возни с этой бомбой под домом, а от страстей вокруг убиенного бродяги я вас решил оградить раз и навсегда..." Эту длинную тираду можно было прочесть в узких глазах худощавого, еще

молодого, но уже полностью облысевшего человека, который, должно быть, через брата был незримо связан и с делами Бюро гуманитарных услуг и посему немного фасонил ради приличия, выдавая себя за беспристрастного, не уступающего ничьему давлению следователя, хотя в нужный час бесшумно сдался.

Едва Давлятов сел на указанный стул, как Лютфи без всякой ненужной формальности заявил:

- Известно ли вам, Руслан Ахметович, что вы усыновили собственного, единокровного сына? - И так комически глянул на Давлятова, пытаясь уловить все оттенки его реакции, что Давлятов не выдержал прежней серьезной мины и нервно захохотал, да так напряженно, что из глаз его потекли слезы. Он вытирал их кулаком и хохотал, не в силах сдержаться, и умолк, с удивлением глядя на следователя, лишь когда Лютфи спросил: - Своим смехом вы хотите сказать, уважаемый Руслан Ахметович... что только с вами может случиться подобная оказия: усыновление собственного единоутробного сына?

Вопрос этот почему-то обидел Давлятова, и он ответил, нахмурившись:

- Да, такова моя судьба - все необычное случается только со мной.

- Из всего, что вы сказали, - любезно улыбнулся Лютфи, - я уловил лишь ваше сомнение по поводу усыновления собственного сына. Желаете доказательства?

- Да, конечно, - почему-то смутился Давлятов. - Хотя я с первой минуты почувствовал это родство... Едва Мелис переступил порог моего дома, он во всем, буквально во всем мне перечил, словно рожден был для вечной полемики со мной... Вы не верите в то, что у каждого человека есть свой вечный полемист? А я верю... Это может быть брат, сват, жена, сын, сосед, совершенно незнакомый тебе человек, которого ты никогда, может быть, и не встретишь, не перебросишься с ним ни единым словом. Но все равно он твой полемист. Это могут быть даже люди, живущие в разных частях света, как говорящий на арабском полковник Ибн-Муддафи и упомянутая мною итальянская синьора Буффони... - Давлятов спохватился, подавив в себе назойливую словоохотливость, от которой следователь заскучал, и, сделав серьезное выражение лица, сказал: - Да, я слушаю... выкладывайте ваши доказательства...

Теперь уже Лютфи замялся, заерзал, словно чувствовал неудобство, и, вопросительно глянув на собеседника, молвил:

- Мы можем с вами, так сказать, доверительно?..

- Да, да, пожалуй, выражайтесь свободно.

- Вы должны привыкнуть и к тому, - предупредил Лютфи, - что события я буду излагать вольно во времени, и двадцатидневной давности, и тысячелетней, хотя все естественно выстраивается в единое время, приведшее к убийству Музаймы... Если вы не возражаете, господин мой хороший, я начну с истории тринадцатилетней давности,, это тот же период вашей московской жизни, когда вы, закончив университет, маялись, мыкались больше от нежелания, чем от неумения, пристроиться, пока наконец не нашли себе места сейсмосмотрителя высотных зданий - а их, как известно, пять во всей столице - памятников сталинскому расточительству в зодчестве при общей вокруг хибарочно-коммунальной жизни. К этому времени вы уже основательно и жгуче почувствовали отчуждение между собой и вашей матушкой, милейшей Анной Ермиловной. И не зря, норов ее, нрав-характер почувствовал и я сполна, когда натравила она на правосудие все общественное мнение со штурмовиками Байт-Курганова во главе! Но, простите, не обо мне сейчас речь, а потом... В большой московской квартире, оставшейся от ее брата-генерала, Анна Ермиловна и вы не то чтобы не дышали в лад, а, наоборот, все, что она вдыхала, вы выдыхали, как вредный газ. Простите за отвлечение, хотя оно всегда кстати. Вот и сейчас, сижу я и рассказываю вам, а в заднем уме все равно жжет этот страх: "А вдруг сейчас?.. Именно сейчас, в шесть вечера, ударит, а не в предсказанное вами и

Салихом... Са-лихом и вами в десять вечера?.."

- А при чем здесь Саиих?! - вырвалось у недовольного Давлятова.

- Знаю, знаю, сейчас вы усиленно изгоняете из себя Салиха! - с хитрецей прищурился Лютфи. - И понимаю, что вам неприятно не только это занятие, но и само упоминание... простите.

- Знаете?! - даже привстал со стула изумленный Давлятов, но тут же смиренно сел. - Разумеется, знаете, ибо вы есть следователь по особо важным делам...

Лютфи почему-то досадливо поморщился и продолжал, хотя и с меньшим вдохновением:

- Так вот, в тот период скучной меланхолии, когда жизнь казалась вам бессмысленной... в один из дней, проходя мимо Музея искусства Востока, вы видите афишу "Современная живопись Шахграда", и на вас сразу же веет чем-то теплым, из далекого мира детства - плакучие ивы над журчащими арыками и прочий пейзаж, сохранившийся в укромных местечках града, где вы бегали босоногий... На вас как будто что-то нашло воображаемое, и вам, совсем оторванному от Востока, померещилось, что вы увидите, едва зайдете в зал выставки, сочные краски, наложенные на холст сильной рукой виртуоза, нечто в духе Мане и Ренуара... увидите в таких же красках свой Шахград, как видели импрессионисты Париж... Это, конечно, не ваша вина: болезненно воображать и мечтать увидеть Шахград конца нашего века воплощенным в Париже прошлого столетия, - вы были так европейски воспитаны... Но на выставке современной живописи Шахграда вы вдруг увидели совсем иной мир, мир не вымышленный, не одухотворенный и возвышенный фантазией, а реальный, слишком плоско реальный - с домами, на которых были тщательно выписаны даже форточки на окнах, с портретом то ли лучшей доярки, то ли мотористки, у которой даже родимое пятно под нижней губой было так внимательно срисовано для обозрения, что вы невольно воскликнули: "Искусство неолита", хотя сами бы не смогли объяснить, при чем здесь неолит. Благо объяснять было некому, во всем зале от картины к картине, шаркая, передвигалась древняя московская старушка с моноклем, а в другом, темном углу сидела на стуле с видом, ничего не выражающим, гид, прилетевшая вместе с выставкой из Шахграда... больше никого в зале, где разместились двести выдающихся работ шахградских живописцев...

Вы всмотрелись в гида - это было единственное живое пятно на площади в двести квадратных метров. Она, уловив на вашем лице досаду, тоже смутилась, ибо приняла ваше разочарование выставкой близко к сердцу. Там более Шахло, - удивляюсь, почему я сразу не назвал ее по имени? - увидела в вас земляка, человека родственного... в холодной осенней Москве... Не ерзайте, перепел мой красноклювый! - ввернул в свой рассказ реплику Лютфи. - Не буду больше растекаться мыслью по подробностям вашей личной жизни, ибо как следователю мне это скучно, хотя и любопытно как мужчине. Тьфу! Тьфу! - плюнете вы любопытному мужчине с дамскими наклонностями в физиономию и будете правы! Так вот, вечером вы были уже вместе в ресторане "Славянский базар", а ночью увезли ее на чью-то пустую квартиру... и неделю, точнее, восемь дней вы были поглощены полностью своей любовью. Целыми днями пропадали на выставке рядом с Шахло, вечером уезжали с ней на квартиру - и так слепо и бурно были захвачены страстью, что даже матушка ваша Анна Ермиловна удивилась и забеспокоилась, хотя беспокоиться было, в сущности, не из-за чего. Но чисто материнская черта! Беспокоиться без нужды за великовозрастного дитя, нашедшего себе женщину!

- Ну, вы уж слишком! Довольно! Не называйте все это любовью, скептически усмехнулся Давлятов, вспомнив весь ужас и всю тоску последующих своих отношений с Шахло.

- Хорошо! Хорошо! - миролюбиво успокоил его Лютфи. - Действительно, то, что вам в первые три дня показалось влюбленностью, было обыкновенной мелкой страстью или, простите

за откровенность, похоть. Но об этом вы тогда не догадывались, ибо были влюблены в себя как мужчину, наслаждавшегося и доставлявшего наслаждение женщине. Вот так-то! Впрочем, подруга ваша Шахло оказалась в этом смысле немного трезвее. Женщина незамужняя, она легко пошла на интрижку, тем более все случилось вдали от целомудренного Шахграда. Она была раскованной, не связанной общественным мнением. Улетая, она думала, что между вами все кончилось. И как она была удивлена, оракул мой, когда через два дня вы позвонили ей в Шахград. С этой минуты в нее вкрался расчет. Она решила женить вас на себе и жить в Москве, ибо была, как и вы, европейски воспитана и никакие корни не удерживали ее в родном Шахграде. Она еще три раза прилетала к вам в Москву и на третий раз дала вам ясно понять, что беременна. Вы же почему-то не придали этому никакого значения, ибо были уже слишком увлечены новым, пророческим, которое открылось в вас, едва ввели вас в салон-квартиру Пташковых... Вы уже весь были в восточных мистиках, в рассказах о пастухе с символом-копытом, приехавшим на ВДНХ, и прочее... Подруга ваша все настойчивее напоминала о себе, клялась, что положит жизнь у ваших ног навеки... Анна Ермиловна, которая успела к тому времени от неприязни к Шахло перейти к симпатии, тоже вмешалась. А вы не понимали, чего они хотят, эти женщины, будто вступившие в сговор между собой. Чего хотят?.. В прошлые века, при иных социальных условиях, из нее выросла бы Жанна д'Арк, а в нынешнем - бесстрашная авантюристка и даже - не побоюсь этого слова террористка... Впрочем, наверное, так и вышло сейчас, ибо, забегая вперед, скажу, что, по имеющимся сведениям, Шахло Абду-Салимова благополучно вышла замуж за одного аравийского гостя и уехала с ним в одну из экзотических ближневосточных стран... Но в то время Шахло, естественно, и не помышляла ни о каком средиземноморском госте. Она думала только о вас и решилась на последний шанс - сохранить ребенка... расчетливо желая этим привязать к себе Русика - так она, кажется, вас называла ласково? А если нет, то и потери небольшие и хлопоты. Ей, женщине, уже бывшей к тому времени дважды в неудачном замужестве, третье мерещилось только с вами или уже не мерещилось. Если и ребенком вас не приманит, тогда будет воспитывать его, простившись с мыслью о переезде в Москву, - все ее чадо - опора для быстро накатывающейся старости, ибо никого из родственников, кроме брата, у нее не осталось... да и брат этот весь в странном существовании, то объявится, то снова исчезнет из Шахграда - на год, а то и на два, устроится куда-то на работу, и сразу же уволится, и опять в запой уходит... одним словом, бродячий человек... - При этом слове Лютфи как-то загадочно блеснул глазами, будто еще не решился и щадил самолюбие Давлятова. Давля-тов же отозвался на его выражение "бродячий человек", сконфуженно махнув рукой, словно его оскорбили,

- Да вы путаете что-то! - пробормотал Давлятов. - Не может быть ее брат бродягой... Она вроде из порядочной семьи... отец кинорежиссер.

- Может быть, - упрямо заявил Лютфи, вдруг сделавшись недоступным и твердым. - Вернее, был бродягой... Нет, не подумайте, что сейчас он распрощался со старым и стал добропорядочным гражданином - вовсе нет... Впрочем, не буду забегать, каждому изгибу рассказа свое время... Словом, подруга ваша решила и вскоре благополучно родила ребенка... сына... Но вы к тому времени уже представлялись салонному обществу то ли оракулом, то ли новоявленным пророком, короче, окружены такой плотной жизнью аллегорий и мистик, что не то что живой писк вашего ребенка не мог пробиться... но и звук похлеще, например взрыв той бомбы, что самородилась под домом, где доживал в то время ваш отец - Ахмет Давлятов, к которому эта история с умерщвленным бродягой, как вы убедились, имеет касательство - и самое прямое, хотя и через косвенный ход...

Два года подруга ваша все надеялась, прежде чем определила Мелиса в интернат... поняла, что просчиталась в своем нехитром расчете...

- В интернат? - усмехнулся Давлятов, почувствовав во рту металлический привкус, и потянулся к стакану с минеральной водой. - Да по мне, пусть хоть в Дом младенца, в исправительный лагерь... Не мой это сын! - Он захлебнулся и поставил с шумом стакан.

Лютфи подождал, пока буря в стакане с минеральной водой не уляжется, затем повернулся в кресле и вытянул из полки зеленую папку, раскрыл:

- Вот дело... все показания и заключения. Мелис - ваш единоутробный сын... если выражаться несколько старомодно...

Давлятов дрожащей рукой взял папку и стал машинально листать... перед глазами его замелькали... донесение Байбутаева о тектонической бомбе под его домом, копия анализа крови Давлятова, сделанного еще в Москве, объяснение Шахло по поводу их сожительства, рентгеновский снимок камня, обнаруженного в правой почке Давлятова, рисунок, сделанный детской рукой и изображающий жабу, копия с картины "Сталин в туруханской ссылке", снимок рухнувшего дома с надписью: "Последствия землетрясения в Ниигата (Япония) 16 июня 1964 года"... Давлятов задержал взгляд на этом снимке, но голос Лютфи отвлек его:

- Теперь вы убедились, что Мелис - ваш сын?

- Вы утверждаете, что у Шахло никого не было, кроме брата-бродяги, со злорадством промолвил Давлятов. - Мне же было сказано покойным Мирабовым, что Мелис воспитывался у родной тети, старушки...

- Эта тетя - фикция... старушка - просто старушка... В интернате совершили подлог с документами, дабы представить старушку родственницей... Ах, с каким удовольствием я отправил бы в места не столь отдаленные и директрису интерната за подлог документов... эту змею, которая, лаская меня своим языком, выпила из меня столько крови! Но увы и ах! - закрыв дело Мелиса, я тем самым и ее помиловал. Ваша Шахло по сравнению с ней ангел... божья пташка...

- Значит, и у вас, нарцисс мой златокудрый, была подобная история... с вашей пташкой, - в который раз не сдержался и нервно хохотнул Давлятов, почувствовав симпатию к Лютфи.

- Была, была, успокойтесь, - комично махнул рукой в его сторону Лютфи. - Но без Мелисов и старушек... хотя, если призадуматься философски, один отвечает за подобные штучки Мелисом, другой - той слизанной зметГым языком кровью... Женоненавистник вы наш стыдливый! И в итоге мы оба остались в дураках, ибо, что бы там ни было, женщину надо любить, закрыв на все глаза... Любить - и точка! Простите за риторику и уклонение от сути рассказа... хотя с Мелисом все ясно и скучно. Усыновленный вами собственный ваш сын вместе с дружками убил на пустыре возле лесопилки бродягу. Это доказано по всем правилам следствия. Убил из-за чисто ритуальных мистик... окропил землю кровью человеческой, чтобы земля не ударила... Общественное мнение... комитет Байт-Курганова, рвение и прошение вашей матушки Анны Ермиловны - все это известно вам и без меня... хотя то, что я рассказывал выше, было вам также хорошо известно... я вам лишь напомнил, очертив выпукло... Но то, что я расскажу дальше, известно вам меньше или вовсе неизвестно, хотя все это так сплелось, так запуталось и с подружкой вашей Шахло, и с Мелисом, и с убиенным бродягой, что утаить, не рассказать значит взять на душу грех... Начну распутывать с бродяги... имя Музайма вам что-нибудь говорит?

- Что может сказать мне это языческое имя?! Ничего! - решил слукавить Давлятов, не желая раскрывать перед следователем то, над чем сейчас работал по заданию Нахангова. Но тут же подумал, что скрывать бессмысленно, ибо история Салиха так переплетена с историей Музаймы, что нити ее, вне сомнения, в руках Лютфи, и он подергивает ими, когда видит в этом смысл. Впрочем, кое-что говорит... Имя нищего бродяги, от которого с раздражением отвернулся пророк Мухаммед на базаре в Ятрибе - архангел Джабраил пристыдил его за это.

Много лет спустя Мухаммед узнал бродягу и протянул ему руку... вселил уверенность, что он способен отводить от людей землетрясение, если люди будут взывать к нему...

- Правильно, - одобрительно кивнул собеседнику Лютфи. - Мухаммед дал ему имя Субхан... И появилось у него две сущности - бродяги Музаймы и патрона городов, подверженных землетрясению, Субхана... точно так же, как у вашего соседа-покровителя Нахангова, который до недавнего времени жил в двуединстве с доктором Мирабовым и только теперь, со смертью этого гуманного человека, освободился от половины своей сущности... Или либеральный беллетрист Шаршаров в двуединстве с фемудян-ским настоятелем капища, ныне академиком Бабасолем... ну и так далее... Не будем отвлекаться на скучное перечисление, речь сейчас идет исключительно о бродяге и патроне городов... отце-спасителе... Мне ли объяснять вам, господин мой в шляпе и с тростью, как мучительно существовать в двуединстве противоположных, часто Даже враждебных сущностей?! Особенно в наше время, когда от человека требуется ясность мыслей, логичность поступков, предсказуемость... словом, одномерность и плоскостность... ибо перед лицом угрозы самому существованию человечества - угрозы атомной, экологической, угрозы эпидемии СПИДа и прочее... человек, раздираемый противоречиями, - существо весьма сомнительное... Как хорошо сейчас Нахангову! Все, что в нем было мягкого, сомневающегося, все, что можно кратко назвать "мирабовщиной", теперь умерло в нем, а все, что было в Нахангове - решительность, хватка, воля, - это в нем теперь двукратно увеличилось, сделав его образцом сильного человека... способного, мне кажется, предотвратить даже землетрясение... Музайма тире Субхан такой способностью не обладал. Склонность к бродяжничеству, к лени, неспособность пустить где-то корни, чтобы обзавестись, как все порядочные люди, домом, семьей, работой, пусть даже скромно оплачиваемой, но достаточной, чтобы жить, как все, не выделяясь из общей массы городских обывателей... это и другие пороки мешали второй половине его сущности Субха-ну, здорово подводили его. Едва Субхан слышал гул земли и молитвенный зов насмерть перепуганных горожан и бросался, чтобы отвести беду, как антисущность его - Музайма своей необязательностью, расхлябанностью ввергал Субхана в смущение... и та сила, дарованная ему самим пророком Мухаммедом от имени Аллаха, - способность отводить землетрясение - терялась... Я проследил всю историю известных и наиболее разрушительных землетрясений на земном шаре, начиная, скажем, с коринфского, в Греции, в декабре 856 года, во время которого погибло не менее 45 тысяч человек, и кончая нашим, шахградским, двадцать лет назад или же танянь-ским, в Китае, 27 июля 1976 года, во время которого погибло 650 тысяч человек, и ни разу не заметил, чтобы Субхану удалось вовремя отвести беду, хотя он и старался...

- Одним словом, ему мешал Музайма, - прервал Давлятов Лютфи, почувствовав, как следователь полностью овладевает его вниманием. - И надо было родиться такому, как Мелис, который убил наконец в Субхане бродягу, чтобы освободить его сущность для добрых дел?! Так?

- Истинно так! - ироническим восклицанием Лютфи решил сгладить неприятный тон Давлятова. - Общественность, которая очень точно знает свою выгоду, стала на сторону подростка-убийцы, хотя с точки зрения высокой морали и гуманности... Впрочем, не буду употреблять эти выпендренные выражения, я утомился от них, употребляя в разговорах с вашей матушкой Анной Ермиловой, Байт-Кургановым и компанией... Страх толпы - трубный глас, заглушающий писк совести и брэнчание закона. Страх сам становится законом, и труба его зовет к единству... простите за красоту бел-летристов.требующих аванса под свой вечный долг, как вы удачно заметили... Этими своими краткими отступлениями я всякий раз, если вы заметили, подготавливаю вас ко все новым поворотам своего рассказа, чтобы вы не так болезненно реагировали на них, - блеснул лукавым взглядом Лютфи и продолжил: - Сей

бродяга, как выяснено следствием, оказался родным братом вашей подружки Шахло. И, наверное, поэтому... - Лютфи вдруг спохватился и, чтобы дать время Давлятову переварить это сообщение, стал помешивать в стакане с минеральной водой ложкой... - Вы хотите что-то сказать?

- Чепуха все это! - высказал первое, что пришло на ум, Давлятов.

- В таком случае... - Лютфи опять повернулся в кресле, чтобы вынуть из отсека небольшого шкафа папку красного цвета.

Давлятов нехотя взял ее, раскрыл и увидел пожелтевший счет ресторана Московского Дома литераторов, где ему приходилось бывать в суматошный период альманаха "Белая медведица", портрет какого-то свирепого старца в чалме, с надписью: "Иранский аятолла Чечебени", лист с заголовком "Моральные качества Ахмета Давлятова" (отца, значит!), карту, где сбоку было написано: "Маршрут поездки восточного пророка Руслана Давлятова по древнерусским городам" (обо мне, значит!), фото лесопилки, где произошло убийство... Давлятов, на которого уже оцепенело накатила усталость, захлопнул папку, бросил ее перед Лютфи и сказал хрипло:

- Дальше... слушаю.

- Дальше - больше, - метафорично выразился Лютфи, ловко вставляя папку на место. - Мелис убил своего дядю по матери, разумеется, не подозревая об этой родственной связи...

Что-то в тоне его снова не понравилось Давлятову, и он, вспомнив только что увиденный портрет аятоллы Чечебени, сказал, усмехнувшись:

- Разумеется, не подозревая... Неясно мне другое, о Субхане. Сей Суб-хан, освобожденный от своей ленивой, бродячей сущности... не мешавшей ему вовремя отвести беду землетрясения... как же он теперь не смог предотвратить это... случившееся в стране, исповедующей учение пророка Мухаммеда? - И Давлятов вынул из бокового кармана пиджака вырезку из газеты и с торжествующим видом протянул ее Лютфи.

Лютфи стал вчитываться, произнося вслух отдельные выражения.

- Сегодня ночью... в иранской провинции... так-так, любопытно... землетрясение силой в семь с половиной - восемь баллов... Многочисленные разрушения и жертвы... - Лютфи глянул на дату в газете. - "Вечерний Шахград", сегодняшней номер... Оперативность, достойная похвалы! Интересно, на какой день сообщит газета, если подобное ударит у нас, в Шахграде? Или уже сообщать будет некому?.. - Лютфи спохватился, настраиваясь опять на иронический лад, и заметил: - Это потому преподобный Субхан не мог предотвратить беду и в иранской провинции, что день и ночь безвыездно дежурит нынче здесь, в Шахграде... Он наш, Субхан, наш друг и брат, пропел Лютфи, - ему мы поклоняемся и у него просим защиты... А там пусть занимается аятолла Чечебени... Вопросов больше нет, мой вольный стрелок? Едем дальше?

- Как - дальше? - притворно удивился Давлятов. - Разве вы не все сказали и про Мелиса, и про мою подружку Шахло, и ее брата?! Причина случившегося мне ясна. Не верить вашей версии нет смысла, даже если вы нагромоздили одну нелепицу на другую... Главное, удалось вырвать Мелиса из лап... простите, объятий правосудия...

- Это причина, а не следствие. Оно вас не интересует? - досадливо поморщился Лютфи.

- Не очень, - Давлятов притворно зевнул.

- Вообще-то вы правы. Моя роль на этом кончается - с установлением связей между вами, Шахло, ее братом-жертвой и Мелисом. Если строго по закону - то в этой истории нет вины ни вашей, ни матери Мелиса... И все же я подумал, что вас заинтересует следствие этой истории, тем более одной нитью своей она тянется к вашему покойному отцу...

- Не хотите ли сказать, что он тоже замешан? - с вызовом глянул на него Давлятов и почему-то потер виски.

- Косвенно - да. И не только он, но и отец вашей подружки Шахло и ее убитого брата, -

скороговоркой пробормотал Лютфи и посмотрел на часы. Давайте лучше завтра! Завтра в это время я закончу свой рассказ, представив всю историю в ее совокупности... Договорились? - И дружелюбно потянул Давлятову руку.

- Договорились. - Давлятов вяло пожал ему руку и с растерянным видом вышел за дверь следственной комнаты.

XXIII

Мухаммед чувствовал себя таким усталым и разбитым, что не в силах был повернуться на другой бок, лицом к выходу из пещеры, чтобы увидеть вдали пятно утреннего света. Все, что он пережил во время мираджа - ошеломляющее зрелище седьмого неба - и на земле, когда сразил идолов фе-мудянского города, казалось, навсегда вселило в него смертельную усталость и смертельную тоску, которая всегда бродила на дне его души. Смертельная тоска и слабость... Но Мухаммед знал, что болезненное состояние это пройдет, - с ним уже подобное случилось в отрочестве, когда он упал прямо на улице и забился в судорогах, - надо лишь не поддаваться вялости и апатии. Кувшин, упавший набок, был пуст, но вода, проползшая струйкой под его постель, еще не успела высохнуть. Надо заставить себя выйти из пещеры и набрать воды из ручья для омовения. Мухаммед полежал еще немного, отдельными, несвязанными картинками вспоминая то, что удалось ему увидеть в полете и понять из разъяснений архангела Джабраила. И хотя воспоминания несвязны, общее ощущение было цельным и глубоким. Волнение будоражило его, пробиваясь сквозь апатию в душе.

"А ведь никто не поверит... что все это я увидел, - подумал Мухаммед. - Будут насмехаться... говорить, что вернулось ко мне сумасшествие... И только Хадича с пониманием глянет на меня. И еще, пожалуй, дядя - абу Талиб, успокаивая, положит мне руку на голову - любимый его жест - и скажет: "Хвала избраннику! Неси ниспосланное тебе откровение арабам... И прости меня за то, что я бываю несправедлив к тебе... Таков уж я, погрязший в играх и мошенничестве торговли... кровь во мне разжижена..." И пусть пока только эти двое - в них я найду понимание, - но я должен... должен пронести веру... даже если придется истребить всех, кто не даст мне присягу... как истребил я огнем истуканов в фемудянском капище..."

Дремавшая в нем воля пробудилась, а ощущение превосходства, которое всегда боролось в Мухаммеде с чувством ущербности, дало больному ровно столько силы, чтобы поднять его с постели. Он сделал первые, хотя и неуверенные, шаги к выходу.

Странное состояние встревожило Мухаммеда, едва он вышел и зажмурил глаза от режущего света. Почудилось, что каменистая эта местность, по которой бежал ручей, никогда не видана им прежде, хотя вот уже тридцать дней по утрам он выходил сюда с кувшином за водой и, кажется, разглядел каждый изгиб ручья, каждый валун и камень, сорвавшийся после землетрясения с горной скалы, треснувшей надвое. Все эти дни никто не потревожил Мухаммеда, уединившегося в пещере, чтобы услышать откровение, которое обязательно должно было явиться к нему, занятому благочестивыми мыслями и переживаниями.

Местность эта, прижатая с двух сторон скалами, была вдали от караванных троп, и только горные козлы, приходящие на водопой, храпели, нарушали покой Мухаммеда.

Это состояние, когда знакомое и много раз виденное вдруг теряет свои знакомые черты, уже переживалось Мухаммедом, но случившееся сейчас натолкнуло его на мысль, что пора... пора возвращаться домой, в Ятриб. Откровение, ниспосланное ему, он пережил, надо донести его до других. Мухаммед наклонил горло кувшина к струе воды, от которой дохнуло прохладой... Кувшин, булькая, наполнился, Мухаммед почувствовал головокружение и сел, прислонившись спиной к валуну. Он смотрел на скалу, сплошь покрытую зелеными ящерицами, греющимися на

солнце, и постепенно к нему пришло умиротворение.

Долго пребывал Мухаммед в состоянии отрешенности, пока слух его не уловил стук лошадиных копыт. Мухаммед не поверил, прислушался, но стук был все отчетливее...

"А мне казалось, что сюда не ступает нога человеческая", - мелькнуло у Мухаммеда. Он хотел встать, чтобы скрыться в пещере, но не успел...

На противоположный берег выскочил всадник. Впереди него сидела на лошади женщина, которую он крепко держал за талию. Лошадь, заржав, повернулась вполоборота и остановилась у самой воды. В тот момент, когда мужчина прыгал с лошади, красная рубаха его надулась, создавая ощущение полета. Он протянул руку, помогая своей спутнице спуститься на землю. Веселые и возбужденные, побежали они на середину ручья, мужчина зачерпнул воду в ладони, и женщина жадно пила, словно все горело внутри ее. Затем он пил из ее ладони, играя хватал зубами ее пальцы, не в силах сдержать страсть.

Нервные, порывистые, побежали обратно на берег. Обняв ее, он стал жадно целовать и не заметил, как из-за пояса вывалился на камни его кожаный мешочек. Женщина шуточно отбивалась, отталкивая его, а он пытался повалить ее на бок, похрипывая от страсти.

В напряжении Мухаммед неудачно ступил, и из-под его ноги покатился в воду камень.

Услышав плеск воды, женщина испуганно оттолкнула напарника, а он, недовольный, смотрел, как вода ходит кругами. Она что-то говорила ему и настаивала. Он встал, нехотя потянул подругу за руку и, посадив ее на шею лошади, еще раз, недовольный, глянул в сторону валуна, за которым прятался Мухаммед. Вскочив в седло, повернул лошадь к скале и скрылся за ней, оставив на берегу свой кожаный мешочек.

Мухаммеду не терпелось посмотреть, что же там в мешочке. А для этого надо перейти через ручей, дно которого усыпано острыми камнями. Пока он думал, стоит ли переходить на другой берег, там неожиданно появился мужчина, прихрамывающий и опирающийся на палку, с виду бродяга. Немного успокоившись, Мухаммед выглянул из-за валуна: интересно, заметит ли бродяга кожаный мешочек?

А бродяга лежал на берегу с палкой в руке, в конец которой был вставлен сверкающий наконечник. Разглядывая каждую былинку, плавающую в ручье, бродяга ждал... Потом вдруг напрягся, прицелившись, и вонзил свой наконечник. По тому, как выражение удовольствия на его лице сменилось досадой, Мухаммед понял, что форель соскользнула...

Неудачливый рыбак застыл снова, не мигая, и под его носом, журча, проносилась вода. Прицелился и опять метнул, но и на этот раз мимо. От сильного удара поломался и наконечник. Бродяга вскочил и, чертыхаясь, пошел по берегу, нечаянно задев ногой тот самый кожаный мешочек.

Бродяга всмотрелся, словно не верил своим глазам. Затем бросился и повалился на мешочек всем телом, словно мог он улететь. Настороженно посмотрев по сторонам, бродяга торопливо расстегнул мешочек, из которого высыпались и покатались по камням динары. Будто не веря везению, бродяга поднес почему-то к уху золотую монету и послушал, больше доверяя слуху, чем глазам. С лихорадочной быстротой собрав монеты, он бросился бежать и вмиг скрылся за скалой.

"Бродяга близок к Аллаху, Аллах вместо рыб наградил его за труды золотыми динарами... - подумал Мухаммед. - Как хорошо, что я удержал себя от искушения и не перешел ручей. А всадник, видно, умыкнул чью-то жену и в наказание за это лишился тысячи динаров..."

Почувствовав сильное утомление, Мухаммед решил возвращаться в свою пещеру, сплошь облепленную гнездами летучих мышей, и провести там в размышлениях оставшийся день. Завтра на рассвете идти в сторону Мекки и войти в город как посланник божий... Он поднял кувшин, но чей-то хриплый кашель на другом берегу заставил его повернуться в недоумении...

"Что за паломничество в места, где ранее не ступала человеческая нога? - мелькнуло у Мухаммеда. - Может, они почувствовали, что здесь нахожусь я, пророк? И каждый решил разыграть перед моими глазами сценку из своей жизни, чтобы я мог вынести суждение?"

Пока Мухаммед пытался подавить в себе гордыню, вышедший к ручью - им оказался мужчина, собирающий дрова, - наклонился, чтобы зачерпнуть воду. Неудачно ступив, он поскользнулся и свалился в воду. Вязанка дров на его спине рассыпалась, ветки саксаула понесло быстрым течением.

Дровосек, сконфуженный, еле поднялся на ноги, и от вида его Мухаммед, забывший о предосторожности, рассмеялся.

Благо дровосек был так занят собственной неудачей, что не расслышал смеха пророка. После недолгого замешательства дровосек бросился ловить саксаул, уносимый течением.

Он был так ловок и изобретателен, что Мухаммед невольно залюбовался им, выглядывая из своего укрытия. Дровосек вышел на берег и, сняв с себя рубашку и шаровары, расстелил на камнях, чтобы высушить, а сам, голый, сел передохнуть. Он расслабился, будто его ничто не заботило. Ни то, что заблудился, не найдя дороги домой, ни то, что пришлось искупаться в ледяной воде.

Так дровосек сидел... Пока снова не послышался топот коня и не показался из-за скалы тот самый всадник, целовавший здесь женщину. Вернулся он, правда, один, без нее, но был так взволнован, что не сразу заметил на берегу фигуру дровосека. Спрыгнув с лошади, с решительным видом побежал он к дровосеку, с одного взгляда поняв, как незащищен этот голый мужчина с узкими плечами и впалой грудью. Это еще больше взбодрило всадника, и, как только дровосек повернул в его сторону испуганное лицо, всадник крикнул:

- Встань, разбойник, и верни мне деньги по-доброму!

Дровосек растерянно пожал плечами, не понимая, о чем идет речь, и, устыдившись своей наготы, потянулся было за шароварами.

- Ах, ты скажешь, что не брал мой кошелек?!

Рассвирепев, всадник выхватил из-за пояса кинжал и, бросившись к дровосеку, со всего маху ударил его.

Оба они рухнули в воду, и всадник, навалившись на дровосека, еще несколько раз ударил его кинжалом. Вода, густо окрасившись кровью, понесла тело убитого, ударяя о большие камни и закручивая в глубоких воронках.

Всадник выполз на берег и стал шарить в одежде убитого. Засовывая руку и сверху и снизу, в рубашку и штанину, перетряхивая ее всю. Так и не найдя свой мешочек, всадник в сердцах выругался, швырнул одежду вслед уплывающему телу и смотрел, как поток уносит все это.

Он походил еще взад-вперед по берегу, всматриваясь между камнями, затем пошел к лошади и тяжело сел в седло. В злости ударил он лошадь, и она, прыгнув, с ходу помчалась и скрылась за скалой.

Только вода шумела, перекатывая камни и унося все дальше тело убитого.

Все случилось так быстро и неожиданно, что Мухаммед поначалу воспринял происшедшее как болезненное видение, которые нередко мучили его. Он прислонился головой к валуну и, закрыв глаза, застонал, чувствуя себя совсем разбитым и опустошенным.

"Господи, - прошептал он, - что же это было? Сон или явь? Рыбак унес кошелек с деньгами, а дровосек убит за это безвинно..."

Мухаммед открыл глаза и увидел, как на горизонте растекается свет, матовый свет, заслоняющий солнечные лучи, и на сером фоне вырисовывается лотос. Слабая волна коснулась лица Мухаммеда, принеся с собой звуки, бормотание перешло в голос, в глас, ясный, сказавший:

"И впредь будь занят своим благочестием, пророк, ибо управление царством не твое дело. Откуда тебе знать, что отец этого всадника насильно отнял тысячу динаров из денег того человека... и я отдал сыну власть над деньгами отца. А дровосек убил когда-то отца этого всадника, и я дал возможность сыну отомстить..."

Услышанное так подействовало на Мухаммеда, что он воскликнул из последних сил:

- Нет бога, кроме тебя! Хвала тебе! Ты знаешь скрытое... - Хотя ни сейчас, ни потом не задумывался над истинным смыслом обращенного к нему предостережения...

XXIV

В странном состоянии возвращался Давлятов домой после встречи со следователем. Правда, о самом рассказе Лютфи он уже не думал, вернее, решил подумать после того, как услышит весь рассказ до конца. Думал он об этом неожиданном, что выплыло сейчас как лично пережитое, далекое, до того далекое, что отделилось от него, перейдя... к другому автору. А выплыла вся эта история, случившаяся у ручья, которая прошла перед глазами Мухаммеда. Откуда это? Что? - терялся в догадках Давлятов, хотя теряться было, собственно, не из-за чего. Одно ясно: услышать историю он не мог, прочитать тоже, так что зря Давлятов с поспешностью передает авторство другому. Скорее всего, выплыла история из-за родства самого Давлятова с ветхозаветным Салихом, о котором говорит и сам Мухаммед как о пророке землетрясения - в назидание погрязшим в грехах и заблудшим... так вот, не долго терзаясь в догадках, можно предположить, что в силу этого родства Давлятов и сам мог краем глаза видеть все, что разыгралось у ручья недалеко от пещеры Хиры и сейчас вдруг выплыло и взволновало его, идущего домой.

Вспомнив по дороге, что сегодня он должен переночевать в бункере На-хангова, Давлятов сник, ибо всегда мучился и не мог заснуть на чужой кровати. И сам бункер был непривычным местом, очень уж для него непривычным.

Возле дома Давлятова чувствовалось еще большее оживление. Кроме паломников, городских зевак, которые спорили, показывая на крышу и на стены его дома, Давлятов увидел еще и каких-то официальных лиц. Они ходили и измеряли длину стены, расстояние от угла до ворот и от изгиба до загиба, кто просто шагами - испытанным дедовским способом, кто стальной лентой с делениями, а кто и более тонким прибором - теодолитом на треножнике, напряженно прильнув к глазку. В прилипшем к глазку Давлятов узнал Байбутаева и сразу подумал, что где-то должен вкрадчиво ходить и академик Бабасоль. Так оно и было. Бабасоль ходил один, в стороне, о чем-то сосредоточенно размышлял, и по тому, как в забывчивости покусывал кончик пальца, чувствовалось, что обдумывает он нечто, что связано с частным и общим, с домом Давлятова и с Галактикой.

Здесь ходил и Лютфи - посредник Бюро гуманитарных услуг и брат следователя. Давлятов цепко всматривался в него, сравнивая с братом-следователем, и этот Лютфи показался ему мягче и изысканнее, хотя и был связан с таким Бюро, где надо быть дьяволом, чертом, шайтаном. Впрочем, черти всегда изысканны и вкрадчивы, в чем Давлятову придется вскоре убедиться.

- О, мой друг! - бросился к нему Лютфи и, подтолкнув стоящего рядом весьма вальяжного гражданина, заторопился вместе с ним к смущенному Давлятову. - Позвольте познакомить вас с уполномоченным градусове-та Сансаевым... Он специально послан председателем Адамбаевым, чтобы сообщить вам по крайней мере две приятные новости... Приступайте! - еще раз подтолкнул Лютфи вальяжного уполномоченного, и тот с ходу, деловито начал:

- Гражданин Руслан Ахметович Давлятов, если не ошибаюсь?..

- Нет, не ошибаетесь... Я только что от Лютфи... и здесь - Лютфи, неудачно пошутил

Давлятов и досадливо сжал губы.

Сансаев подумал, переглянулся с Лютфи и, не приняв слова Давлятова на свой счет, продолжил:

- Рад сообщить вам, что градсовет выделил вам и вашим родным и близким квартиру со всеми удобствами, газом, горячей водой, спаренным телефоном, в доме с лифтом и мусоропроводом... чтобы обезопасить вас на случай... - Сансаев умолк, не сказав, на какой именно случай, и, снова переглянувшись с Лютфи, закончил удачно мысль, - и чтобы ваши удобства все время удобствовали...

"Такой вальяжный и говорит складно, - мелькнуло у Давлятова. - Должно быть, он чей-то незаконнорожденный сын..."

- Сейчас ваша матушка-бессребреница вместе с героем нашего времени Мелисом и принцессой Хури собирают кое-какие ценные вещи, чтобы уже сегодня перебраться... - сообщил, подойдя к ним, Байт-Курганов, свежесбривший, благоухающий по этому случаю, ибо воспринимал все как свое кровное дело. Общественный человек.

- О, и вы здесь?! - неуместно выразился Давлятов, хотя в тот момент, когда увидел чуть поодаль от паломников вкрадчивого Бабасоля, почему-то подумал, что и Байт-Курганов непременно должен быть здесь по случаю роспуска "Комитета за свободу Мелиса". По его подозрительно серым глазам можно было догадаться, что в его уме зреет новый комитет на основе того, добровольно распущенного, с тем же штатом, с той же организационной структурой, ударный комитет...

- Если вы не возражаете, я поеду с вами... ибо как строитель...

- Как бывший строитель! - с раздражением прервал его Сансаев, сдувая сор с пиджака.

- Я прекрасно знаю все дома, сданные как сейсмостойкие, хотя таковыми они не являются, - язвительно глянул в сторону представителя градо-совета Байт-Курганов.

- Это еще надо доказать! - не сдавался, защищая честь градсовета, Сансаев.

Давлятов повернулся, всем своим видом говоря, что перепалка эта неуместна... и, когда снова обратил взгляд на Лютфи, тот вздрогнул, увидев Са-лиха. Но не того, с резкими чертами лица и горящими глазами, убежденного и напористого, каким Салих был прежде, а бледного, с затравленным видом, которого Руслан изрядно помучил, изгоняя из себя.

- Скоро... скоро будет доказано, - прошептал, прохрипел голос, и никто толком не разобрал, что же было сказано.

- Что еще вы хотели сообщить приятное? - обратился Давлятов к Сансаеву.

- Это не товарищ Сансаев должен сообщить, а я, - вдруг засуетился Байт-Курганов, подобострастно глядя на уполномоченного градсовета.

- Что же, сообщайте вы, - заважничал вальяжный.

- Мы организовали комитет по безопасному изъятию бомбы, сокращенно КБИБ... Градсовет, надо отдать должное и его председателю товарищу Адамбаеву и товарищу Сансаеву... признал наш КБИБ как законный комитет, более того, поддерживает нас... Мы поддерживаем их. Крепкий союз! Полная взаимозависимость!.. Мы, кбибовцы, готовы все свои силы отдать на службу градсовету.... Главная наша задача - изъять из-под вашего дома бомбу и, если академик Бабасоль придет к такому решению, вложить ее в скважину и взорвать, чтобы высвободить энергию землетрясения...

- Это я слышал по телевидению, - внушительно промолвил Давлятов.

- Конечно, - продолжал Байт-Курганов таким тоном, будто и не слышал реплики Давлятова, - вы, как сознательный гражданин, будете всеми способами помогать нашему комитету. Бескорыстно, безвозмездно... Понимаете? - лукаво глянул на него Байт-Курганов. - Но если все же, как полагается и как принято, как велено и поставлено... вы заявите о своем праве

собственности на бомбу... мы уже обратились к видным юристам за новым толкованием Закона о праве граждан на личную собственность... может быть, даже созовем здесь, в Шахграде, Всесоюзную конференцию юристов по данному вопросу... и если они придут к единому мнению и установят цену, разумеется, в пределах разумного... то мы можем и купить у вас бомбу, если, конечно, ваша гражданская совесть...

- Буду только рад! - досадливо махнул рукой Давлятов.

- Чему? - не понял Байт-Курганов и выжидающе открыл рот.

Но Давлятов не успел ответить. Из ворот дома под аплодисменты собравшихся вышли Анна Ермиловна с двумя узелками, за ней Мелис, взявшись с Хури за руки. Мелис победно глянул и помахал толпе.

"Нахал", - подумал про него Давлятов. И Мелис, словно прочитав его мысль, крикнул в сторону приемного отца, оказавшегося вовсе не приемным, а даже чересчур родным:

- Но пасаран!

Давлятов отвернулся. Благо Анна Ермиловна подошла к нему, поцеловала в лоб, чтобы сгладить напряжение последних дней.

- Ну вот, милый, мы перебираемся... быстро-быстро, срочно-срочно, как нам было велено. Конечно, жалко этот дом... где столько пережито, но что поделаешь! Старое не только, оказывается, уходит, но и, как научно объяснил мне наш бывший фемудянский настоятель капища, а ныне академик Бабасоль... старое еще и рождает такие диковинные штучки, как бомба. - Она удивленно посмотрела по сторонам, не скрывая слез на глазах.

- Да, вы понимаете! - подскочил к Давлятову взбодренный Санса-ев. Научно доказано и проверено! Оказывается, только под домами старой постройки саморождаются бомбы. Комиссия градсовета ни одной бомбы не обнаружила под домами современными, с лифтом и мусоропроводом... Зато в таких домах, как ваш...

- Добрый вечер! - подошел к ним сзади вкрадчивый Бабасоль, сладкоголосый и улыбочивый. - Это все потому, что фундаменты современных домов залиты бетоном, не пропускающим радиацию из глубин земли... Добрый вечер! - особо приветствовал он Давлятова. - Рад вас видеть, коллега. - И даже протянул ему руку.

Давлятов помрачнел и отступил назад, к огорчению Анны Ермиловны, которая засуетилась вдруг, не зная, чем смягчить впечатление от бестактности сына.

- Ну зачем ты так, Руслан? По-мальчишески? К тебе ведь с добрым сердцем... Старейшина наш, ныне академик...

- А я с недобрым! - с вызовом ответил Давлятов. - Вот такой я! Не могу притворяться. - И вдруг какая-то догадка мелькнула у него в голове. Теперь я понимаю, откуда у вас такая страсть к сейсмологии... Еще оттуда, с давних времен, с первого появления Музаймы тире Субхана... тут есть связь, связь прямая... капища, идолы и сейсмология - наука языческая, с прогнозами, предсказаниями, с ритуалами, песнопениями... когда каждый в своем страхе растворяется в массе, а массу ведет порыв... с сейсмоакадемиками-божествами во главе... Вы и сейчас старейшина.

- В наше время человеку открыт простор для любой полезной деятельности, - уклончиво ответил Бабасоль, чуть обескураженный догадкой Давлятова.

Анна Ермиловна, почувствовав еще большее смущение за сына, заторопилась к Мелису и Хури в машине. На водительском месте в ней сидел Байт-Курганов.

- Я знаю, что ты эти дни будешь жить в бункере, у соседей напротив, бросила она на ходу сыну. - А потом мы тебя ждем...

Анна Ермиловна как бы дала знак, и все лица - и официальные и неофициальные - замелькали перед глазами Давлятова, торопясь к машинам, к пешим тропам, к переулкам, - и

вскоре возле дома воцарилась всегдашняя патриархальная тишина.

У Давлятова сердце защемило. Именно теперь, когда все ушли из дома, ему захотелось здесь жить, одному. Но какая-то сила уже тянула его к воротам Нахангова, и едва он приблизился к ним, вышел тот самый мальчик сын и настойчиво заявил:

- Вас уже ждут! - И вдруг доверительно сообщил Давлятову: - Будьте во всем послушны... Папа страшно изменился. Когда он сердит, он хватается плетью. Он даже бабушке угрожал... - И мальчик снова важно вытянул губы.

- Это из-за того... что из него Мирабов вышел, - невпопад и нескладно сказал Давлятов, ступая за мальчиком через порог и напряженным взглядом охватывая панораму двора, с креслом-качалкой под навесом, в котором сидел Нахангов. Несмотря на духоту, он был в охотничьих сапогах, держал плетью на коленях, хотя самое удивительное было не это, а усы, которые Нахангов отрастил в течение одного дня скоростным способом, а может, так искусно нарисовал тушью над толстыми влажными губами.

- Меня удивляет ваша словоохотливость в компании Бабасоля и двух Лютфи, - холодно встретил он Давлятова. - То из вас, черт подери, слова не вытянешь... а то вдруг прорвало...

Давлятов стоял в пяти шагах от кресла, не зная, что ответить. Мальчик хохотнул с каким-то подвохом и вбежал в дом.

- Я все слышал - весь ваш нелепый спор и прочие разговоры. У меня в бункере такая тонкая аппаратура, что улавливает скребетание крысы в фундаменте нашего старого, старого дома, который не защищен от подземной радиации... Что ж, век живи - век меняй, век понимай... но никогда не занимай у ненадежных друзей, - опереточным тоном закончил свою фразу Начангов. - Если землетрясение не сумеет dokonать старые постройки, сделаем это мы, с помощью градосовета! Вот вся простота проблемы...

- Да, очень просто, - согласно кивнул Давлятов, и его смущение, должно быть, снова подстегнуло Нахангова.

- Я слышал и другое... - Он сердито сжал в руке плетью. - Никогда не смейте... чтобы никто, и я в том числе... в основном я, чтобы не слышал, будто во мне жил Мирабов. Глупости это! Я всегда был такой, с усами, в охотничьих сапогах, скакал на своем Буцефале, летал на своем Бураке, легонько стегая его на поворотах плетью... И я накажу этого мальчишку Батурбе-ка за утечку семейной информации! А теперь - марш в бункер! И за работу! До конференции осталось три дня! - И, заметив, что Давлятов смотрит по сторонам, ища провожатого, сказал: - Идите! Вас проведут в вашу комнату.

Давлятов направился... стал медленно спускаться. А когда поставил ногу на последнюю ступеньку, над железными воротами бункера с легким звуковым сопровождением зажглось табло: "Вход свободен", после чего ворота стали уходить створками внутрь, чтобы пропустить Давлятова.

Перед Давлятовым открылся просторный коридор, отделанный цветным кафелем, создающим ощущение чистоты, даже стерильности. Мини-приборы ежеминутно посылали информацию через световые табло: "Кислород - в пределах нормы", "Влажность - в пределах нормы", "Температура...", "Освещенность...", "Звукоизоляция..." - все в пределах. По обе стороны коридора над дверями, едва Давлятов устремлял на них взгляд, тут же загорались табло: "Гостиный зал", "Кабинет", "Спальня", "Детская" "Склад. Срок хранения продуктов 30 дней".

Странное ощущение все более охватывало Давлятова, шагающего по указанию табло то направо по коридору, то снова налево... Такое ощущение, будто тело его медленно теряло свой вес. С каждым шагом он все больше задыхался и, если бы не герметически закрытое пространство, наверное, улетел бы в трубу.

"Значит, и Нахангов летает?" - почему-то вспомнилось ему не без иронии в тот самый момент, когда перед его глазами засверкало табло с оттенком личностного отношения: "Это ваша комната", отчего у Давлятова стало теплее на душе. Потому, наверное, он не поторопился войти в открывшуюся дверь, а постоял и прислушался возле другой, более массивной двери в конце коридора с надписью "Машинный зал". Что-то пересвистывалось, перестукивалось, брякало в этом зале, создавая ощущение, будто здесь для обслуживания бункера собрано такое количество разнообразных машин, от чуть придавленного, яйцевидного колеса, выкатившегося из рук пещерного человека, до робота, пускающего через равные паузы лазерный луч, и они крутились, вертелись, опускались и вновь поднимались, покачивались маятниками, колесами, маховиками, барабаном, дышлами и дышалами...

Похоже, у табло с надписью "Это ваша комната" исчерпалось терпение и оно решило напомнить о себе голосом, рассерженно сказавшим Давлято-ву, не оценившему поначалу его деликатность: "Задерживаться нельзя".

Это подействовало безотказно, и Давлятов заторопился в отведенную ему комнату, но в дверях столкнулся с тем маленьким человечком, потиравшим сонные глаза. Увидев Давлятова, он принял важный вид и прошел мимо. Глянув на кровать, Давлятов сразу понял, что человек спал на его постели и был разбужен скрипучим голосом табло.

В коридоре человечек еще раз недовольно глянул на Давлятова и молча шагнул к дверям "Машинного зала". Странно... впервые он был без своей хохочущей подруги, которую всюду носил на руках. Давлятов хмыкнул и, чтобы сбить с него спесь, хотел даже крикнуть: "А где же ваша возлюбленная, доктор Фауст? В пансионе благородных девиц?" - но не успел. Маленький подпрыгнул и достал кнопку сбоку двери. Дверь открылась ровно настолько, чтобы пропустить его, и тут же закрылась, и Давлятов услышал, как из зала, напичканного машинами, донесся какой-то лязг. Такой звук, будто маленький пробирался, путаясь между проводами, на которых нанизаны пустые консервные банки.

Какой бы силы сарказм ни прожег Давлятова, при виде одинокого маленького он все же перепугался. На лбу даже пот выступил, озноб пробежал по телу, хотя табло указывало на нормальную влажность.

Он брезгливо поправил постель. И только теперь, немного придя в себя, заметил, что комната во всем напоминает гостиничный номер для одного человека - сбоку дверь в ванную и встроенный в стену платяной шкаф. Довольно уютно, хотя и скромно, ничего лишнего. Лишней кажется только картина на стене, изображающая заводскую трубу, из которой густо валит дым, но если вдуматься, то и она вписывается в эту общую, строго продуманную безалаберщину.

Давлятов сел и только теперь заметил на столе свои книги и рукописи, нужные ему для работы. Отдельно лежали невысокой стопкой, это основные книги - "Огнеупорные породы", автор Бабасоль, и "Гениальный роман" Шаршарова, с весьма хитрой начинкой. Удивленный, он долго не мог понять, кто же принес их сюда из его дома. Затем вспомнил, что ведь оставлял же Анне Ермиловне записку, а она передала все это мальчику. Больше он ничего не мог вспомнить, хотя вспоминать любопытного было много. Каракалпак, старый его приятель по выставке на ВДНХ, хозяин меченой верблюдицы, встретился ему сегодня на улице, но Давлятов бросился бежать от него, разве не любопытен хотя бы этот эпизод?

Голоса, которые вдруг слышались за стеной, спутали его мысли. Это спустилось в бункер семейство Нахангова, чтобы переждать время, близкое к десяти, затем десять и немного после десяти вечера.

Давлятов хотел было выйти к ним. Но дверь не поддавалась. Разумеется, такой человек, как Нахангов, к тому же он вообразил себя нынче не то полковником Ибн-Муддафи, дающим интервью синьоре Буффони для газеты "Коррьере делла notte", не то Александром

Македонским, в охотничьих сапогах и с плетью, зажатой в руке, - но даже и без этого воображаемого образа разве такой человек, как Нахангов, - один из старейшин града - позволит, чтобы посторонний глаз видел, как в беспокойстве переживает он в бункере эти роковые полчаса, которые, впрочем, и сегодня - хвала Субха-ну! оказались не роковыми...

Зато сам Давлятов впервые с того дня, как предсказывал, почувствовал страх. Для него ежевечерние ожидания в толпе были не то чтобы дерзкой игрой, но острым, замешанным на любопытстве чувством - тряхнет? Будет, как он предрекал? Или не тряхнет? Минует? А сейчас, в самом наисовременном бункере, где можно переждать и потоп, до приплыва спасительного Ноева ковчега, и нашествие диких хазар все тридцать дней, пока ломится от еды склад, а если быть экономным, то и все шестьдесят дней, пока хазар не отгонит от стен града полковник Нахангов-Македонский. Библиотека бункера хранилище книгомудрости - заставлена сочинениями историков и философов, по ним можно вычислить время прилива и отлива хазар, а в гостиной - манящий экран видеоманитона - сестры легкомыслия, - его привез из Штатов посланный на Всемирную конференцию атеистов основным докладчиком Нахангов, - тридцать дней порнофильмов, ужаса в заточении... И в этой обстановке защиты - беспокойство, ощущаемое Давлятовым...

Не то чтобы на него так удручающе действовало само закрытое пространство, да еще подземное. Смущало соседство Нахангова, с которым суждено было все пережить... Невозможность слиться с ним в общем вопле ужаса в момент удара разверзающейся земли и вселяла страх. Каждый в эту минуту вопит своим воплем, и от несовпадения звуки ужаса, собравшись в мыльный пузырь, отлетят в стороны и лопнут разноцветные блестяшки, не принеся облегчения и чувства защиты. Даже сейчас, когда Давлятов по удаляющимся шагам понял, что благородное семейство во главе с Наханговым - Ибн-Муддафи - Александром Двурогим поднимается обратно на свет двора, напряжение не отпустило гостя бункера.

Он походил взад-вперед по запертой комнате, и взгляд его остановился на красной кнопке сбоку двери. Как же он сразу не заметил, не нажал, не отворил, не вышел навстречу Нахангову? Маленький, хитренький, вышедший отсюда с надменной физиономией, и то догадался, прыгнул, чтобы открыть дверь машинного зала. Выходит, он здесь все знает - постоялец бункера каждую дырку, каждую кнопку, он, который, естественно, растворился в зале, уйдя в машины, будто рожден ими, выведен в одной из тех консервных банок из-под импортного зеленого горошка, громыавших над его головой. А у Давлятова ума не хватило сообразить, что должна быть кнопка сбоку двери. Он догадывался обо всем чуть позже, чем маленький человечек, потому, наверное, узкоглазый опережает его всюду, и на улице, и дома, и здесь, в бункере. Давлятов еще с первого знакомства с маленьким хитреньким почувствовал с ним связь. Теперь же все более убеждался, что быстротой ума, сообразительностью, вездесущностью он должен дополнять вялый ум опаздывающего вездехода Давлятова.

Из любопытства Давлятов нажал на кнопку, но дверь не двинулась, а табло над выходом приказало мелькающей надписью: "Вы должны работать".

- Спасибо! - не без иронии сказал Давлятов и направился к письменному столу.

И едва сел, - на удивление - сразу же забегала, запрыгала мысль, рука едва поспевала записывать, связывая все логически. Вознесение Мухаммеда на небо, его путешествие на спине Бурака и неожиданное появление его в фемудянском городе, истребление идолов и наречение Музаймы Субханом отводящим землетрясение - все это существенно дополнило его познание о Салихе. Лжепророк был уже подведен к позорной черте разоблачения, и осталась лишь самая малость, чтобы по знаку Давлятова палач опустил секиру на голову Салиха.

Зачем понадобилось беспокойному Мухаммеду выходить к ручью и наблюдать все, что разыгралось перед его глазами? Возможно, убийство дровосека и все связанное с ним

прояснило что-то для самого пророка - в его заповедях и законоучении о природе и нравах человеческих, но Давлятову это осложнило дело. Для полного разоблачения Салиха ему нужно до конца понять смысл увиденного Мухаммедом у ручья и предупреждения, пришедшего ему с края седьмого неба, очерченного голубым лотосом:

"И впредь будь занят своим благочестием, пророк, ибо управление царством не твое дело..."

Повторяя эти слова, Давлятов заснул, но спал беспокойно, часто просыпаясь. Утром еле поднялся, ощущая тяжесть в голове. И, не зная, что делать, машинально нажал кнопку. Дверь опять не сдвинулась, зато загоревшееся табло предупредило: "Примите утренний душ, приведите постель в порядок, вам подадут завтрак".

Давлятов послушно зашел в ванную, но душ принимать не стал. Заученными, механическими движениями поправил постель, но тут ему снова захотелось подремать. Еле заставил себя сесть в кресло, чтобы ждать новых указаний из машинного зала, этого хранилища силы, воли, ума, памяти, такта и порядка.

Табло напомнило о себе свистом. Давлятов вздрогнул, повернулся к нему лицом и прочитал вслух:

- "Справа, из дверцы в стене, получите завтрак"... Спасибо, поблагодарил Давлятов. - Нельзя ли чуть попозже?

Ответа категорически не последовало. Давлятов отодвинул занавеску, и дверца сама распахнулась. Мини-эскалатор поднял к окошку завтрак на подносе, состоящий из яичницы, хлеба и чашки кофе.

Дверца захлопнулась, и Давлятов, немного подождав, сказал не без укора:

- Приятного аппетита...

В течение всего дня, чувствуя, как накатывается к горлу удушье, Давлятов подходил к двери, но табло приказывало одно и то же: "Вам надо работать". Так было и после обеда, только часам к семи, перед ужином, когда он нажал кнопку просто так, от скуки, дрогнула и стала отодвигаться дверь.

Давлятов, будто в беспамятстве, с ходу выскочил, хотя и не мог себе объяснить - куда и зачем? У выхода из бункера лишь голос табло предупредил: "Возвращайтесь ровно в девять вечера".

- Вернись, вернись, - пробормотал Давлятов, выбегая во двор и ожидая увидеть там Нахангова, отдыхающего в кресле.

Но - удивительно - двор был пуст и никто не выглянул из окон дома, когда Давлятов проходил торопливо к воротам. И только ступив через порог на улицу, подумал, что выманила его на свет из бункера встреча, которую назначил ему на этот час следователь Лютфи, желающий закончить свой рассказ.

Несмотря на то что дом Давлятова теперь пустовал, запертый на три висячих замка, интерес к нему не спадал, наоборот, возрос из-за КБИБа. Давлятов и не догадывался, что, пока он сидел в бункере, добровольными членами КБИБа записались еще двадцать пять тысяч шахградцев, которые надеялись спастись не только с помощью Субхана преподобного, но и бомбы, которую для собственного умиротворения родила шахградская земля.

Двое из них, стоящие поодаль от остальной группы, едва увидели Давлятова, заспорили, будто дожидаясь его появления. От них и узнал Давлятов, что завтра будут сносить его дом, чтобы извлечь бомбу, и что градусо-вет уже назвал компенсацию, которую получит Давлятов за дом и то, что лежит под ним.

- Чепуха, - пробормотал Давлятов, торопливо проходя мимо спорящих.

Тут его охватило еще большее волнение из-за чрезмерной торопливости, и, пока Давлятов стоял возле милиционера, проверяющего документы, у него чуть сердце не выскочило из груди.

Что за спешка и почему такой разбег? В таком же взвинченном темпе побежал он по мраморным ступенькам на второй этаж. Как тут все изменилось... скажем, по сравнению с девятисотым годом хиджры. В этом же месте, по описанию "Путеводителя по двадцати векам Шахграда", стояло здание суда - весьма убогое помещение с одной-единственной комнатой, которая одновременно служила и для отдыха судьи в перерыве между заседаниями, и умывальной комнатой, и залом для зрителей. Сейчас здесь все твердо и монументально, а главное - чисто. За эти пять с лишним веков шахградцы разучились бросать окурки в общественных местах, грызть орехи, тыквенные семена и курить фимиам, как в прямом, так и в переносном смысле. Воспитание цивилизации.

В неслабеющем ритме Давлятов подбежал к дверям кабинета Лютфи. Тот его ждал, полуразвалившись в кресле, совсем другой, чем вчера. Во время первого своего рассказа Лютфи был угрюмо-сосредоточен, хотя и изредка ироничен. Одет в черный пиджак, сидел прямо на жестком стуле и был весьма убедителен. Сейчас же какой-то опереточный легкий пиджак и эта дурацкая бабочка, которая никак не подходила ни по цвету, ни по фактуре к его лицу, мягкому, чуть одутловатому, с выражением сладострастия. Словом, весьма и весьма. И это не то чтобы смутило Давлятова, скорее насторожило, настраивая на сарказм. Он готов был уже что-то сказать язвительное, но Лютфи повелительным жестом остановил его:

- Не подумайте ничего такого, мой впечатлительный умалише... После беседы с вами я поеду в наш клуб. Там мы разыгрываем спектакль - я в главной роли нефтяного шейха - в честь высокого зарубежного гостя Ибн-Муддафи. "В крови утопленные" - пьеса нашего шахградского автора... Неужели не видели?

Вопрос его лишь на секунду сбил Давлятова с ноты, и он пробормотал:

- Не люблю я театр...

- И музыку не любите? - лукаво прищурился Лютфи и нагнулся, чтобы поправить шнурок на кроссовках, самых дорогих и модных, самых отсутствующих в продаже - фирмы "Карху". Тут его белая накидка сползла с затылка на лицо, и, когда он поправил ее и выпрямился, на Давлятова глянул чернокожий с орлиным носом, с толстыми чувственными губами, знакомый незнакомец, с привычкой светски невоспитанного бедуина - прикладывать палец к влажным губам, прежде чем загнуть край пачки с нефтедолларами. Шейх глянул неодобрительно и исчез, и Лютфи выжидающе повернулся к Давлятову, так и не получив ответ на свой вопрос о музыке.

Давлятов хмыкнул, и мысль его потекла мимо основной темы.

- И что же это вы грешите против эстетики и бытового реализма? выразился Давлятов. - Какой же это шейх нацепит на себя дурацкую бабочку времен нэпа, да еще и в кроссовках. Клетчатый костюм ваш, простите, времен оных... между оттепелью и заморозками, между муссоном и самумом...

Лютфи ничуть не смутился, наоборот, воспрянул, как всегда, когда разговор касался искусства.

- Все натурально и бытово, - поднял он вверх указательный палец. Даже слишком густо натурально. Образ шейха в моей трактовке выражает движение времени, смену эпох, борьбу за сферу влияния, колебание цен на нефтяном рынке и светотень в коридорах власти...

Давлятов был не рад, что затронул эту тему, ибо обилие информации у Лютфи удручающе подействовало на него. Чтобы сбить его с этой побочной линии разговора, Давлятов мрачно сказал:

- А вас, человека правосудия, не смущает подозрительное занятие вашего братца - тоже Лютфи - в Бюро гуманитарных услуг? - и заерзал на стуле не то от удовольствия, что каверзу такую сковырнул, не то от беспокойства, что вмешался в недозволенное.

Лютфи поправил бабочку и вдруг сделался надменным, даже чересчур.

- Ах вы письмоносец мой пеший! - воскликнул он. - Все-таки не удержались... решили мне каверзу скипидаром прижечь. А я ведь еще вчера ждал вашего каверзного вопроса... а когда вы ушли, подумал по дороге в клуб - какой бы он ни был, а все-таки не лишен благородных штрихов. Еле заметных под микроскопом штрихов с благородным налетом...

Ощущая в собеседнике внутреннее беспокойство, несмотря на весь его словесный камуфляж, Давлятов решил еще раз нажать, чтобы завладеть инициативой.

- Ну к чему эти литературные художества?! Я ведь вам прямой вопрос задал... Кстати, вчера я встретил его в компании возле моего дома. Я его сразу узнал. Тоже Лютфи... Он нам с покойным Мирабовым предлагал свои услуги - бункер в доме построить, место на кладбище высшего разряда получить, где академиков хоронят... и прочий подпольный сервис...

Хитрая усмешка промелькнула по лицу Лютфи, и он, откинув обе руки на спинку кресла, еле слышно засмеялся:

- Нет, с вами не соскучишься! Как в театре абсурда! Слышали про такой театр?

- Слышал, - резковато ответил Давлятов, чувствуя подвох.

- А я видел! Собственными глазами! Абсурд чистейший! К нам в клуб приезжал один высокого ранга среднеевропеец, премьер... Мы разыграли перед ним и его свитой наш коронный спектакль, про все тех же, в крови утопленных. Он смотрел внимательно через монокль, местами смеялся, местами негодовал, в конце стоя аплодировал... А потом говорит своей свите: "За мной, господа министры, на сцену!" И, не переодеваясь, не гримируясь, без бедуинских накидок и приклеенных орлиных носов, разыграли такое... словом, передовое их авангард-искусство... Примерно в таком духе... "Мой шейх, и они сумели... такую пятиэтажную эквилибристику нагородили, что на какой этаж ни сунься - всюду цены на нефть падают..." - "Понятно, триллион "мерседесов"... А каким путем вы думаете пригнать их к нашим берегам? Ведь мы закупили огромный айсберг пресной воды; его тянут к нам из Антарктиды японцы..." Все в таком духе. Шейх об одном, министр о другом. Правда, в пьесе абсурда речь не шла о шейхе и айсберге, там был средневропейский сюжет, но смысл тот же - в бессмыслице... Так и у вас, мой факир, а вы говорите о деле, которое предлагал мой братец покойному Мирабову. Но вы-то, надеюсь, не были тогда покойным, когда речь шла о респектабельном кладбище?

- Как же я мог быть покойником, когда я все слышал и видел, и слышал из уст вашего живого братца? - нервно дернул плечами Давлятов.

- Тогда кто же покойный? - в упор глянул на него Лютфи.

- Мирабов...

Лютфи с укором посмотрел на собеседника и покачал головой:

- Вы ведь понимаете: все, о чем мы здесь говорим, записывается на ленту. - И Лютфи протянул руку к столику, куда был вставлен невидимый аппарат, и нажал на кнопку. Послышался свист и бормотание, затем внятный текст: "...Он нам с покойным Мирабовым предлагал свои услуги - бункер в доме построить, место на кладбище высшего разряда получить, где академиков хоронят... и прочий подпольный сервис..."; "Нет, с вами не соскучишься! Как в театре абсурда!" Лютфи остановил магнитофон и сказал бледному, растерянному Давлятову: - Если вы кого-то еще будете убеждать, что живой предлагал мертвому место на кладбище... вас запрячут в сумасшедший дом или в лучшем случае дадут три года в лагере строгого режима за клевету...

Давлятов смахнул с лица пот и вымученно улыбнулся:

- Ну ладно... Зачем вы так? Мы ведь просто беседуем... как в театре... Лютфи тоже сразу же подстроился, словно ждал этого момента, и сказал деловито:

- Тогда продолжим то, ради чего мы с вами встретились, - рассказ о странных отношениях двух отцов - вашего отца и отца вашей подружки Шахло и ее брата...

- Слушаю! - подался телом вперед Давлятов.

Лютфи уютно закинул ногу за ногу и с ленцой в голосе пояснил:

- Я бы, конечно, мог дальше не идти, когда мне стала ясна роль Мелиса в истории с убитым, ваша роль и роль вашей подружки Шахло. Этого вполне достаточно, чтобы назвать мое расследование первоклассным. И закрыть дело... как это и случилось. Но я не был бы Лютфи, играющий все главные мужские роли в нашем самодеятельном театре, если бы не интересовался любой историей в ее совокупности и многосложности. Имя Байбутаева вам знакомо? задал неожиданно вопрос Лютфи.

Давлятов ухмыльнулся, как бы укоряя следователя за очередной подвох с вопросом.

- Можно подумать, что вы не знаете всех, кого я знаю... Знаете вы прекрасно и фемудянского Бабасоля, который все время ходит с Байбутаевым неразлучно... У вас, должно быть, и отдельная папочка заведена на сей счет - фото моего фигурного дома. Байбутаев со своим чудо-аппаратом, анализом желчного сока академика Бабасоля... Странная у них дружба, странная! Никак не пойму, что влечет к Байбутаеву солидного, респектабельного академика? Какой расчет? Какая польза? - вдруг сделался словоохотливым Давлятов.

- У них действительно свой расчет, - досадливо поморщился Лютфи, - но об этом после... Я хочу сказать другое - честь открытия под вашим домом бабасольной тектонической бомбы принадлежит вовсе не Байбутаеву. Еще раньше ее обнаружил Абду-Салимов - дрянной режиссеришка Шахградской киностудии, склочный человек, умерший недавно при загадочных обстоятельствах в одной недружественной арабской стране...

- Кто этот мировой зверь... даждаль? - явно заинтересовался Давлятов.

- Ну, не такой он и зверь. Были у него и кое-какие добродетели, у отца вашей подружки Шахло. Был он, к примеру, страстным изобретателем...

Услышав, какими эпитетами наградил Лютфи отца Шахло, Давлятов недовольно вздохнул.

- Зря вы так... делаете скучную физиономию. На вашем месте я бы отметил про себя его страсть, тем более что она сыграла роковую роль в судьбе вашего отца - Ахмета Давлятова... Но сначала, так сказать, о социальной физиономии Абду-Салимова. Живые контуры ее стали вырисовываться в постсталинский период, в переломные годы конца пятидесятых. Тогда все дышало жарким дыханием разоблачительности, и без этого нельзя было начинать свою биографию в искусстве, вернее, подозрительно было не начинать, дабы не удостоиться зловещей клички "сталинист". Абду-Салимов, естественно, тоже начал с так называемой "культовой темы". Тогда среди нас, если помните, всюду мелькали изможденные, пожелтевшие лица возвращенцев с фантастического - кхе-кхе! - архипелага ГУЛАГ. Самое удивительное то, что эти лица, на которых густо лежали черты небытия, и оказывались самыми живыми среди нас, ибо на них останавливали взгляд, приглядывались. Немудрено, что они выглядели самыми фотокиногеничными-ми, и режиссер Абду-Салимов не без труда нашел героя своего первого фильма. И им был, не удивляйтесь, ваш отец Ахмет Давлятов. Да, да, не удивляйтесь, - повторил Лютфи, слегка настороженный тем, как Давлятов весь сжался и побледнел. Но следователь тут же расслабился и нравоучительным тоном продолжал: - Особенность и непохожесть нашего времени в том, что оно как бы провисло и сгущается собственными маслами и жирами без связи с прошлым и без движения к будущему. Историческая память как бы начисто выветрилась. Вернее, кое-что мы помним из прошлого, но бытовое, кулинарное. Например, что были когда-то в продаже венгерские бройлеры в целлофане и индийский чай в бумажных мешочках. Только и всего, что помним. А вот, скажем, что-нибудь экзотическое про членов собственной фамилии - полный провал памяти. Дальше отца мы уже ничего не помним, а ближе внука еще ум не достает... Признавайтесь, вы ведь не знали, что и папаша ваш несколько лет пробыл заключенным в том фантастическом

архипелаге...

- Почему это не знал?! - быстро, с обидой отозвался Давлятов.

- Но если и знали, то старались поскорее забыть... а точнее - просто не задумывались над этим мучительно из-за своей социальной инфантильности, и оно само скоро забылось... Зато Абду-Салимов задумывался, как бы творчески осмыслял. Ох уж эти творческие люди! - почему-то подхихикнул Лютфи и продолжал так же бесстрастно: - Вы, конечно, не помните и того хотя были в то время мечтательным подростком, - что всюду все внимали рассказам возвращенцев с архипелага и их близких о том, кого за что брали и брали ни за что, просто из любви к искусству... Подъезжают, скажем, среди бела дня к дому, выпрыгивают - гулко сапогами о мостовую - и к старушке на скамейке, размечтавшейся на солнышке. Далее следует классический диалог глухих: "Кашгаров в какой квартире?" - "Который из них, милый? Тот, что в сорок четвертой, сапожник хромой?" Их уже, понятно, злит, что не они спрашивают, а старушка допрашивает. И, махнув в ее сторону досадливо рукой, бегут по железу ступенек в сорок четвертую. "Гражданин Кашгаров! Одевайтесь! Куда? Зачем? Вопросов не задавать". И на виду у этой размечтавшейся старушки сажают хромого сапожника в мотокатафалк - и по кривым улицам да по крутым косогорам - к следователю в подвал... Кхе-кхе! опять нервно подхихикнул Лютфи и, поймав недоуменный взгляд Давлятова, стал заикаться: - Мото... катафалк... фольк... фалер... Простите, что я все время срываюсь на фарсовый тон, не умея сгустить в себе серьезность, которая, казалось бы, так кстати моему рассказу. Но это лишь, поверьте, на первый и неверный взгляд... Ведь еще древними, едва вышедшими из закоптелых пещер, было замечено: всякая, даже самая жуткая трагедия со временем жижеет, превращаясь в фарс... Мы же, едва приоткрыв жуть сталинского времени и задохнувшись от жара трагедии, поспешили опять закрыть, выстреливая из ноздрей пламя, как огнедышащие... Свойство любой, даже самой жуткой трагедии в том, - патетически произнес следователь, - что она самовозгорается и медленно остывает до холодного пепла. Раз испытав трагедию, пережив ее апогей и потухание, мы не способны пережить ее с такой же силой вторично, ибо любая трагедия возгорается и гаснет в отрезке собственного внутреннего времени, которое не совпадает со временем, в котором протекает бытие людей, испытавших эту трагедию. Так и с трагедией сталинского времени. Она вспыхнула и пережила себя уже полностью тогда, в тридцать седьмом году нашего века, пережила в тех людях, виновных и безвинных, которых сослали в тот фантастический ГУЛАГ, в их близких и родных. И потухла до холодного пепла еще задолго до того, когда жуть времени была едва приоткрыта уже в наши дни, в середине пятидесятых годов, и поспешно захлопнута, и все потому, что попытались взглянуть не на живую трагедию, пульсирующую, симфони-рующую в патетических звучаниях, а на пепел истории, которая завершила собой трагедию и дала дыхание фарсу.

Ведь согласитесь, пророк мой шахградский, что именно потому и захлопнули, что увидели историю, попытались историю пережить в форме трагедии, но, утомившись, быстро отвернулись от "сталинской темы", ибо, кроме досады и раздражения, ничего не почувствовали. Если бы вместо истории под приоткрывшейся завесой над злодеяниями культа увидели еще теплившуюся трагедию, разве отвели бы от нее взгляд - круглые от ужаса глаза, - разве можно было бы так легко наложить на культовскую тему табу постановлением, чьей-либо злой волей? Никогда! Только история позволяет себя переписывать, замалчивать и накладывать на себя запрет. А то, что нам в пятьдесят шестом году - нам с вами, рыцарь мой орлеанский, было лет по шестнадцать, самое время, чтобы перевернуть душу наизнанку и выхаркать ее с кровью! - так вот, то, что нам предлагали пережить, и была самая натуральная история, которую дважды не переживают, вернее, в первый раз переживают как трагедию, а второй раз как фарс. Но именно к фарсу, к фарсическому восприятию прошлого сталинского времени мы тогда, в

пятьдесят шестом, еще не были готовы всем своим психологическим настроем. А жаль! Так жаль! Только фарсически мы могли бы высказать свое отношение к культуре, только фарсически... Ведь подмечено: от великого до смешного, от трагедии до фарса - один шаг. И этот шаг есть шаг истории, вернее, сама история, ведущая нас от пепла трагедии до магического зеркала фарса, глядя в которое мы смеясь прощались бы с прошлым. Смеясь! Только в этом жанре... Но смех так и не прозвучал, и осталось досадное чувство неудовлетворенности. И досада эта гложет и по сей день, не дает покоя нашим либеральным публицистам типа Шаршарова, которые требуют теперь полного и окончательного разоблачения культового времени, дабы, как говорят они, освободить свои души от тяжелого груза трагедии. Они опять хотят выбрать неверный тон, тон разоблачительный, убийственно серьезный, как того требует трагедия, не понимая одного, что дух трагедии с культового времени уже выветрился и история подвела нас вплотную к времени фарса, и только с помощью живительного фарса мы способны взглянуть на сталинский период не отводя глаз. Иначе, если взглянем сурово, осуждающе, - история повторит себя и снова закроет занавес, наложит табу злая воля... "Водевиль, водевиль, водевиль..." - неожиданно пропел Лютфи, затем, спохватившись, глянул на часы и торопливо пробормотал: - Простите, я вижу, вам жутко скучно слушать это мое неожиданное отступление к теории культового вопроса, вам не терпится узнать побольше практического, в частности о хромом сапожнике Кашгарове, с которого я начал рассказ и увлекся... Так вот, Кашгаров! Его трагедия, которая сейчас оборачивается фарсом, в том и состоит, что это был совсем не тот Кашгаров, который был им нужен. Им нужен был тоже Кашгаров, тоже живущий в этом доме, но в другой квартире, и не сапожник, не хромой, а инженер Кашгаров. Однофамильцы, как это часто бывает, не только не были добрыми соседями, но даже враждовали между собой из естественного чувства социальной антипатии, ибо один был пролетарий, другой - преуспевающий спец, ездивший даже в Штаты за какой-то машиной для моста... Так что же, вы думаете, делает следователь, когда в своем мрачном подвале выясняет, что арестованный Кашгаров вовсе не тот Кашгаров? Думаете: просит извинения у хромого сапожника и отпускает на волю? Ничего подобного! Он приказывает доставить к себе и инженера Кашгарова, цветущего мужчину средних лет и, как вы догадываетесь, даже не хромого. И доводит дело до того, что сапожник сначала берет на себя роль свидетеля, а затем сообщника инженера в преступлении. Якобы сапожник изготавливал динамит, с помощью которого инженер хотел взорвать мост, который сам же строил, но был за десять минут до диверсии разоблачен простым путеобходчиком. Женщиной. Разумеется, женщиной! О, сколько нас, мужчин вредителей, диверсантов, иностранных агентов, троцкистов, - было разоблачено женщинами! И, как правило, простыми, что называется, из самой гущи... Уборщица разоблачает коварный замысел директора завода, нянечка-санитарка - профессора-убийцу, секретарь-машинистка хозяйственника-агрария, тайно замышлявшего рассеять над просторами родных нив миллиарды личинок колорадского жука, а следом пустить полчища аравийской саранчи... Моего деда-химика, колдующего в дыму и чаду над колбами, вывела на чистую воду домработница, которая всех нас нянчила... мост, который с таким самозабвением - недосыпая, недоедая - строил Кашгаров и который сам потом же хотел взорвать... Вы, наверное, не раз по нему проезжали - на юго-западной окраине Шахграда, чуть в стороне от кольцевой автострады, через замелевшую теперь речку Салар... Этакой оригинальной формы... четыре фигуры летчиков по бокам, напряженно следящих за полетом своего товарища в небесах. Называется он Красный мост и в те годы красовался почти в центре города, отражаясь в глубоких и чистых водах... детище инженера Кашгарова, затерявшегося навсегда во глубине сибирских руд... Что же касается его однофамильца, сапожника, то вскоре пронесся слух, что его освободили. Будто бы прямо оттуда, из архипелага ГУЛАГ, послал он Сталину жалобу на

свое незаконное заключение и что будто бы Сталин распорядился немедленно выпустить на волю сапожника, а вместо него сослать в ГУЛАГ того следователя, совершившего несправедливость. Так в новейшей народной мифологии в пантеоне богов и покровителей Сталину было отведено место патрона, отца-хранителя сапожников...

Давлятов только теперь поймал себя на том, что увлекся длинным рассказом Лютфи, упрямо тряхнул головой и пробормотал:

- Ну что это вы мне рассказываете? Я ведь не хуже вас знаю обо всех чудачествах того времени. И вообще странно, что вы, именно вы пытаетесь облечь в форму фарса судебное следствие культовых лет. Что это заигрывание со мной, стремление казаться либералом? Или же обида за незаконно осужденного деда, слегка разбавленная сарказмом?.. - Давлятов почему-то помрачнел и сжался, словно ожидал резкого, неприятного суждения в ответ.

Лютфи в ответ мягко, как бы о чем-то сожалая, улыбнулся и поспешил рассеять сомнение:

- Боже сохрани! Какой сарказм! Просто вы один из тех редких людей, кто вызывает желание пофилософствовать абстрактно, вместо того чтобы излагать одни лишь голые факты. - Следователь заговорил уклончиво и необязательно, но у Давлятова, пребывавшего в подавленном настроении, не было никакого желания уличать его в чем-то.

- Возможно, и так, - вяло выдавил из себя Давлятов ничего не значащую фразу. - Едем дальше...

- Едем! Едем! - словно воодушевился участием слушателя Лютфи и потер руки от нетерпения. - Хотя финал моей культовой темы, касающейся вашего отца, милейшего Ахмета Давлятова, может показаться не очень веселым, но лучше, как говорится, лишний раз погрузиться, чем впасть в бездумное веселье... Так вот, отец ваш... Вы, должно быть, знаете понаслышке, что до войны Ахмет Давлятов заведовал философской кафедрой нашего Шахградского университета и был как бы общественным проводником всех веяний, летевших из столицы в наш заштатный град. Причем очень рьяным и горячим проводником всех культовых теорий, которые под пером вашего отца, с помощью романтической дымки стиля, превращались в оккультные учения. Скажем, выходит труд Сталина о языкознании, и тут же наша "Шахградская правда" откликается на это событие статьей "Сталин - гений языкознания" за подписью "А. М. Давлятов". Или объявляется кампания против так называемой "промышленной партии", покойный папаша ваш сразу показывает рвение, высказывая свое отношение к этому статьей "Долой холуев капитала!". Простите, - будто бы спохватился лукавый Лютфи, - вам, я понимаю, не очень приятно слышать нелестное о вашем отце, но я - следователь, и мой долг излагать факты, снимая с них шелуху эмоций...

- Можете не объяснять, - угрюмо пробормотал Давлятов-младший, - даже если то, что вы говорите, - правда, то это признак времени. А время надо принимать так, как оно протекало тогда, не осуждая с высоты нашего разумения и не впадая в детский восторг.

Лютфи сделал паузу, как бы желая до конца переварить то, что выразил Давлятов, закричал, поморщил лоб и обреченно развел руками:

- Увы, это правда, ей-богу - Скажу больше: все, что ни делал ваш-отец, он делал искренне, с убеждением в правоте дела Сталина... Насчет самого же Сталина я долго думал, и поверьте, мое неразвитое сознание обыкновенного человека трещало, раздваивалось, и я чуть не слег с апоплексическим ударом. Ибо Сталин - такая величина, такой всеобъемлющий образ, что, осмысляя его, мой ум должен был вспыхнуть и сгореть, как копеечная спичка... И все же я кое-что домыслил и понял, что сам-то Сталин использовал идею лишь как орудие власти... точнее, борьбы за власть... И это придавало вдохновляющей идее черты высокой античной трагедии, в то время как в фигуре самого Сталина, пытавшегося использовать идеи как орудие, уже просматривались черты фарса. Просматривались, но дело в том, что их никто не замечал.

Слепота! И лишь отдельные умные люди - а ваш отец был одним из умнейших людей Шахграда! - чисто интуитивно ощущали некий разлад... даже не разлад в идее и повседневной жизни... одним словом, я это не могу выразить...

- Сомнение! - бесстрастно подсказал ему Давлятов.

- Нет, нет! Что вы?! Если бы у умных людей того времени... у отца вашего возникло сомнение, он тут же бы застрелился! Само время было как цельный монолит, в нем не проглядывался ни один штришок сомнения... Лучше всего состояние вашего отца выражает его поступок из самых благородных побуждений. Трудился он над своей очередной статьей. Из ее названия "Сталин - светоч нашей философии" вы без труда поймете ее суть. Так вот, писал, но что-то не вязалось у него в густоте слов и суждений, что-то отскакивало, как резец с монолита готовых трафаретов. И тогда автор для придания романтической окраски статье вернул туда выдуманное им самим выражение: "Грош цена обществу, монолит которого замешен на невинной крови хотя бы одного его члена" - и приписал ее Сталину, рассуждавшему, естественно, об обществе чистогана-капитала. Фраза эта, по мысли автора, как бы придавала статье человеческий штрих, и он был полностью уверен, что никто не догадается о его подделке. Хотя бы потому, что подобные статьи никто внимательно не читал, ибо не было в них ни фактов, ни свежих суждений. Но батюшка наивно ошибался. Мистификация была обнаружена цензором, знающим все высказывания Сталина наизусть с тех пор, как тот стал высказываться, и батюшка ваш был обвинен в идеологической диверсии... Вернулся он с архипелага ГУЛАГ без профессорского звания, но с твердым намерением работать в торговле - в нем, должно быть, наша восточная струна зазвенела, хотя ведь и философия - древнее занятие восточного человека... вот такой парадокс... Именно в тот год, когда отец ваш устроился на какой-то торговой базе и произошла его встреча с молодым кинорежиссером Абду-Салимовым, так жаждавшим снять свой первый фильм и начать именно с культовой темы... Правда, саму историю вашего отца он слышал из третьих уст - в университетском кругу. Он пытался было подступиться к вашему мрачному, подозрительному отцу, но Давлятов-старший со словами: "Не приставайте ко мне! Ничего со мной не было! Я желаю все забыть!" - прогнал молодого человека. Но Абду-Салимов был из тех изворотливых и упорных, которых первая неудача не то чтобы не смущает, а, наоборот, помогает лишь выравнить линию цели. И здесь надо сделать одно существенное замечание к психонравственному портрету нашего режиссера-дебютанта. Он решил сделать свой первый шаг в искусстве с культовой темы вовсе не потому, что возмущался или сострадал возвращенным. Отнюдь! Просто в курильной комнате киностудии, где много спорили, тема возвращенцев была наиболее модной. А какая, спрашивается, молодая душа не откликнется на модное?! Так и Абду-Салимов... возможно, ваш отец уже с первой встречи с ним понял, что его личное, трагическое желают использовать исключительно для самоутверждения. Впрочем, какое понимание и сострадание могло родиться в душе Абду-Салимова, который вырос в довольно обеспеченной семье ювелира, всю жизнь жившего изворотливо и, несмотря на свое арабское происхождение, довольно быстро приспособившегося к нашей разношерстной среде?.. Зато настойчивости и самомнения молодому Абду-Салимову было не занимать, поэтому неудивительно, что в конце концов отец ваш сдался, в течение нескольких вечеров рассказал историю своего заключения в ГУЛАГе... Абду-Салимов с лихорадочным блеском в глазах записывал, набрасывая сюжет своего будущего фильма... Словом, фильм получился, но довольно посредственный, невыразительный. Отец ваш, к концу своего рассказа снова вставший в позу неприступности, даже не пожелал пойти на премьеру... Хотя в фильме были потуги на серьезность и трагичность, его хвалили за смелость и "постановку проблемы", будто не замечая его умозрительности и холодности. Удивительно, в молодом Абду-Салимове, в его почерке начисто отсутствовала свойственная его

возрасту искренность, теплота, даже горячность. Никакого лиризма, одна голая рассудительность - признак того, что все человеческое в этом поколении было выветрено... Трезвый расчет, холодный ум - да, все это так! Но, даже обладая этими качествами, молодой Абду-Салимов не мог ни на минуту представить, что все скоро кончится - волна очистительного разоблачи-тельства откатит, оставив на поверхности лишь ил... мертвящий ил уныния и страха... слишком сильно было воодушевление, порыв безрассудства... Ах, господи, господи, какими мы были детьми! И какими взрослыми и многомудрыми были те, в ком выражалась злая воля! Мы торопились взахлеб скорее открыть завесу мрачного, губительного, а они G усмешкой наблюдали, когда мы обожжемся и отдернем руку от "пульса истории", и тогда они задернут занавес очередного акта трагедии... Когда история совершается, когда она используется как средство и орудие, она захлебывается собственной волной, и вместе с ней, немного побарахтавшись, захлебываемся и мы, восторженные разоблачители... Мгла поднялась, темень сгустилась, огонек замерцал, угасая. Пелена пала, ниша раскрылась, восковые фигуры запотели... И пока Абду-Салимов, как и все наше поколение, понял это, в одно утро звон сменился ватной тишиной. Глаза возвращенцев заволокло дымкой. Злая воля восторжествовала на гладкой поверхности одночасья, ил смешался с шуршащим песком... О, Песок, Песок, Господин Песок!.. Простите, меня занесло поэтически... Так вот, посткультовское время растеклось, как облако с кислотными дождями... Пять лет потом Абду-Салимов ходил в опале - ему не давали снимать фильмы. Роль мученика, борца с культом ему поначалу даже нравилась, в разговоре он печально закатывал глаза и разводил трагически руками... Но мало-помалу самолюбование сменилось в его душе беспокойством, даже страхом, ибо интерес к таким, как он, вдруг сменился равнодушием. Чувство наигранной обособленности сменилось в опальном режиссере естественным и здоровым чувством стадности. Те, кто еще вчера смотрели на Абду-Салимова чуть ли не как на диссидента, подвинулись, уступая ему в курительной комнате, где и беседы теперь были тише, рассудительнее. Есть особый птичий язык тех, кто желает показать свое раскаяние - для этого вовсе не надо лезть на трибуну, чтобы прочитать заранее составленный текст. Взгляд, движение губ, общее выражение лица - игра, роль, артистизм, что всегда было чертой Абду-Салимова... И его поняли, приняли, тут же и сценарий нашелся, и фильм был Абду-Салимовым сработан на этот раз "нужный зрителю", то есть начальству. Затем следующий фильм из той же серии "нужных широкому зрителю". Посыпались награды, звания, - ведь замечено, что после подозрительного приглядывания премии особенно щедро отдаются некогда строптивым, которые с особым рвением мстят потом новым строптивцам за собственное малодушие. Бывшему "идейно незрелому" разрешено было съездить за границу; словом, Абду-Салимов, по мнению доброжелателей, нашел себя, встал на верный путь... Путь-то верный, но что-то маститого режиссера все время исподволь глодало, взгляд его был временами затравлен, губы искривлены в гримасе, за внешней уверенностью и благодушием проглядывали порой черты сожаления и сомнения - типичная физиономия раздвоенной личности. Такие, насытившись славой и деньгами, неожиданно ударяются... одни в пьянство и разврат, другие в склеротическую слезливость и малодушие и делаются несносными в семье и в обществе. Абду-Салимов странным образом ударился в изобретательство... Все свои лишние деньги - а их у него, заработанных за деланье дрянных фильмов, было немало - тратил на приобретение всякого рода "малой техники" - мини-роботов, подслушивающих жучков, булавок... Его первым осенила мысль о том, что земля под Шахградом, где на протяжении тысячелетий, а может быть, и со дня сотворения мира накапливается энергия, должна саморождать бомбу. Он даже попытался снять науч-поп фильм с доказательством своей гипотезы, правда хотел это сделать тайно, не раскрывая своей идеи до лучших времен... но его обвинили в краже пленки и заставили уйти со студии. Он гордо ушел, но тут же стал писать

всюду кляузные письма на директора киностудии, на председателя Госкино, мол, учинили расправу над художником, всегда стоящим на переднем крае борьбы, заслуженным деятелем искусств, лауреатом Государственной премии. Кончилось тем, что директор студии в паре с председателем Госкино приехали к нему домой и просили вернуться обратно в штат студии, предлагали должность художественного руководителя. Но Абду-Салимов стал в позу: никаких студий, никаких возвращений! Он борется за справедливое отношение не к себе, а вообще, за всеобщую справедливость. Ему важно было их унижить и, насладившись их униженным видом, остаться при своих интересах. А интересы у него, как я уже сказал, были в сфере изобретательства, и денег у него куры не клевали, - словом, все условия для свободного творчества... Получив, так сказать, моральное удовлетворение, он засел за аппарат, который смог бы своим особочувствительным нутром обнаружить под землей самородившуюся бомбу. Такой аппарат он соорудил и стал целыми днями ходить по улицам и площадям Шахграда вместе со своим оператором Байбутаевым, у которого была готова камера на случай... Они ходили долго, два или три месяца, прочесывая аппаратом почти все улицы, и уже готовы были отказаться от своей затеи, как вдруг на улице Староверовской, у дома 17, аппарат просигналил. Есть! Нашли! Простите, отрада очей моих плаксивых, что я так буднично, не делая ударения, называю отчий дом ваш, из-за которого и разыгралась драма... Да, кстати, пока я не забыл: днем ко мне приходила Анна Ермиловна, беспокойная матушка ваша, и, зная, что вы порадуете меня своим визитом, велела передать: Байт-Курганов нашел им наконец дом, который выдержит и все десять баллов. Лично, говорит, измерял там что-то, лазил под лестничные клетки, высовывался из-за решеток - словом, выбрал. Устроилась Анна Ермиловна с Мелисом и Хури вполне хорошо. Просила адрес вам назвать: ЦБК-1, дом 6, кв. 21... Запомнили? Сказала, что ждет вас, скучает и любит... едем дальше...

- Что это за ЦБК-1? Куда их занесло? - недовольно пробормотал Давлятов.

- Это центральный квартал, самый наицентральный, у кольцевой дороги, самый первый. Шахградский обыватель называет этот район "Дворянским гнездом", хотя, простите, к Ивану Сергеевичу Тургеневу это не имеет никакого отношения... Итак, аппарат пропищал! Байбутаев, человек порывистый и суетливый, хотел было сразу броситься в дом, чтобы увидеть его обитателей, но Абду-Салимов властно запретил... Он решил навести справку тихо и на стороне. Тем более что обитатели дома над бомбой его вовсе не интересовали, главное - он нашел то, что искал! Абду-Салимов стал узнавать... Навести справки об одиноком обитателе мрачного дома было совсем нетрудно, и тут я должен сделать замечание чисто психологического свойства. Абду-Салимов, несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, был человеком весьма увлекающимся, импульсивным, бегущим сломя голову за собственным воображением, которое наводило его иногда и на опасную стезю... согласитесь, быть денежным, особенно в наше время, это такая добродетель, которая покрывает все наши пороки. А ваш покойный батюшка, как выяснилось, был слишком денежным, что и сыграло свою роковую роль. Для него, работавшего всю жизнь в торговле и в сфере обслуживания и, мягко говоря, награбившего не одну сотню тысяч, денежность обернулась своей дурной стороной. И все из-за шутки, нелепой игры, потому что иначе как с шуткой нельзя повернуть добродетель в порок. Серьезный человек вытянется перед денежным и будет трепетать, как струна домры, а несерьезный игрок повернет все это в такой сарказм и юмор и будет по-своему прав... И вот, как только Абду Салимов, скучающий режиссер, узнал о том, кем был ваш папа до выхода на заслуженный отдых и чем он располагает, в нем пробудился игрок. То ли он какой-то недостающий эпизод в своем фильме хотел разыграть, то ли роль, так и не сыгранную хорошо ни одним из его актеров... Словом, мелькнула мысль, воображение стало раскручиваться, решил он пошантажировать героя своего выстраданного фильма - Ахмета Давлятова. Чтобы выманить у него кругленькую сумму в

пятьдесят тысяч рублей... и не ради этих денег, что самое любопытное, - по денежно-сти, как я уже говорил, отставной режиссер вполне мог соревноваться с вашим батюшкой, - не ради выкупа, а просто ради игры, самого шантажа. Выйдет или не выйдет шантаж? Хватит ли у художника экрана воображения поставить на колени художника торговли?

При этой встрече, как и при самой первой, батюшка ваш просто-напросто выгнал в шею игрока. Последние пятнадцать лет вы его почти не знали, и в вашей фантазии образ отца сохранился по детским впечатлениям, как человека общительного, мягкого, по-восточному рассудительного. После развода с Анной Ермиловной ваш батюшка хотел было еще жениться, долго мучил женщину, с которой встречался, но так и не решился, остался в одиночестве. Эти оставшиеся до пенсии три года он вел какую-то беспорядочную жизнь, ездил по курортам, волочился за молоденькими девушками, сорил направо и налево деньгами, бодрился. Но в одно утро проснулся мрачным и совсем другим. Сослуживцы с удивлением отмечали в нем грубость, бесцеремонность и нетерпимость. Ему ничего не стоило теперь обидеть человека, прав он или нет, а с подчиненными он стал обращаться, как со своими прислужниками. Так что ничего удивительного, что ваш батюшка, не дослушав до конца Абду-Салимова, указал ему на дверь. Абду-Салимов выскочил к оторопевшему Байбутаеву. Неудачный визит несколько не умерил его пыла, наоборот. Он стал прикидывать в уме, с какой стороны удобно подступиться к строптивому владельцу бомбы... - Лютфи вдруг спохватился и глянул на часы и с видом человека, успевшего вовремя вспомнить о чем-то важном, откинулся на спинку кресла. - Пока мы с вами рассуждаем здесь о наших мелких мирских страстишках... человек на мосту Сират сделал еще шаг по направлению к четвертой заставе, покачнулся, и пламя, колышущееся внизу, чуть не опалило ему лицо. Собравшись с духом, сей одинокий путник все же не удержался, чтобы сделать следующий шаг... Идет, упрямец! Надеется! - хриплым тоном проговорил следователь и вежливо попросил извинения: - Простите за литературное отступление... Идем дальше и мы...

Давлятов сочувственно глянул на него и опустил глаза, не обмолвившись ни словом, хотя картина с последним человеком, ступающим по мосту вселенной с мечтами о рае, много раз волновала его, отзываясь в душе острой болью и надеждой.

- Поняв, что он слишком поспешно приступил к вашему батюшке, Абду-Салимов решил изменить тактику и наступать с внешней стороны, смущая счастливого обладателя бомбы разного рода ухищрениями. Самым излюбленным методом психологической войны было ежедневное хождение Абду-Салимова и Байбутаева с попискивающим аппаратом вокруг дома, - особо подчеркнул Лютфи.

- Это мне знакомо, - усмехнулся Давлятов. - Зачастил к дому Байбу-таев теперь в паре с Бабасолем. Скажите, есть ли между Абду-Салимовым и фемудянским академиком Бабасолем какая-нибудь связь?

Лютфи на минуту сделался задумчивым и неопределенно пожал плечами:

- Мне кажется, что есть... хотя утверждать категорично не могу. Лишь по косвенным признакам... - Лютфи не договорил и с сожалением пояснил: Из-за того, что мне пришлось прекратить дело Мелиса, многое осталось не прочерченным в отношениях других действующих лиц. К примеру, связь между Абду-Салимовым и Бабасолем, но самое главное, мне не ясен тот последний довод Абду-Салимова, который явился убийственным для вашего отца...

- Так он был убит?! - почему-то шепотом спросил Давлятов, побледнев.

Лютфи сделал паузу, будто колеблясь, и сказал:

- Да, отец ваш умер не собственной смертью. Вернее сказать: его подвели к этой черте, дерзко играя... Абду-Салимов с Байбутаевым появлялись возле вашего дома в самое неожиданное время - и утром, и в полночь, измеряли с глубокомысленным видом,

подсчитывали, записывали - словом, желали смутить Ахмета Давлятова и вселить в него неуверенность.

- Да! Да! Это их испытанный метод, - скороговоркой проговорил Давлятов, хотя и не почувствовал ни злости, ни даже досады. - Они и вокруг меня так возились. А я не понимал до тех пор... пока меня не осенило в одну ночь, когда Байбутаев бесцеремонно вошел со своим пищащим аппаратом в мою спальню...

- Ну вот видите? - развел руками Лютфи. - Вы сами обо всем догадались... Словом, все подвели так, что отец ваш не выдержал, хотя и держался стойко, надломился. И согласился встретиться с Абду-Салимовым у себя дома, чтобы выслушать его условия... Объяснение между ними было долгое и, как теперь выяснилось, не совсем дружелюбное... Абду-Салимов вышел к ожидающему его Байбутаеву с усмешкой на губах, с саркастическим видом... А где-то через час отца вашего не стало... Вскрытие показало: обширный инфаркт! В ту ночь был небольшой толчок балла на четыре. И смерть его списали на игру стихии... И на этом успокоились.

- Так выманил Абду-Салимов у отца эти пятьдесят тысяч или не сумел? возбужденно проговорил Давлятов и вскочил со стула.

Лютфи как-то странно взглянул на него и упавшим тоном сказал:

- Ну, какое это теперь имеет значение... когда дело закрыли? Одно ясно: Абду-Салимов подвел вашего отца к роковой черте. А как? И это осталось загадкой. И играющий преследователь и жертва унесли эту тайну, как говорится, на тот свет...

Давлятова что-то осенило, и он, испытующе глядя на Лютфи, спросил:

- Могу ли я настаивать, чтобы следствие продолжилось, даже ценой свободы Мелиса? Я хочу знать про отца... Это ужасная история. Хотя мы не были с отцом близки, но все же...

- Не советую, - прервал его Лютфи, - тогда раскроется многое и в жизни вашего отца. Например, то, как он обогащался. Многие не совсем - поверьте пристойное. Здесь и ваше доброе имя, и имя вашей бывшей подруги...

Давлятов сидел с таким видом, будто все это его нисколько не интересует, и действительно, в голове его проносилось разное, поэтому вопрос его показался Лютфи неожиданным:

- Сколько стоит по нынешним ценам моя бомба? Градсовет хочет собрать юристов для выработки закона о цене... Организован комитет. Делу дан широкий размах, - хмыкнул Давлятов.

- Если бы вы сами заранее заявили о находке под вашим домом, то треть стоимости была бы вашей, - рассудительно пояснил Лютфи.

- Сколько же это?

- Рублей двадцать... Сейчас их столько, этих бомб, что цена на них все падает...

- Двадцать? - удивленно переспросил Давлятов.

- Да. Но чтобы получить эти двадцать рублей, вы должны вступить в сговор с Байбутаевым, чтобы он изменил поданный ранее рапорт о находке... Тогда вы поделите с ним по десятке...

Кажется, более всего в этой истории смутила Давлятова цена бомбы десять рублей, и он шел обратно в свой бункер с такой досадой на душе, что не замечал никого вокруг. А зря, он многое заметил бы любопытное. К примеру, эту старуху, сидящую в оцепенении на скамейке в центральном сквере, крепко ухватившись за зонтик, с мыслью, что в момент толчка взлетит в воздух и плавно закружится, увлекаемая куполом зонтика... Как только причудливо не мечтается. Странно-причудливо, и это тоже черта шахградцев.

Давлятов вбежал во двор Нахангова с другой стороны улицы, ибо не желал встречаться с зеваками возле собственного дома. Если бы не этот обходный маневр, он бы удивился сегодня обилию машин и экскаваторов, увидел бы сосредоточенные лица тех, кто руководил безопасным извлечением бомбы. Ждали с минуты на минуту наряд милиции, чтобы оцепить

дом. Решили было опрыскать дом снаружи каким-то раствором, а затем поднять весь дом и поставить его в стороне, обнажив опасную штуку. Все это по инструкции надо было сделать быстро, в течение одного часа... Один час - и нет в помине дома, стоящего уже триста лет.

Во дворе Давлятов чуть было не наскочил на игрушку-ракету, которую, пыхтя, толкал сын Нахангова - Батурбек. Мальчик закричал, махая руками, и Давлятов попятился вдоль стены, ожидая, что из всех окон высунется родня Батурбека, чтобы подхватить его крик.

И только в бункере, в своей комнате, он немного успокоился.

"Что это со мной? - подумал Давлятов. - Куда меня несет? Проскочил мимо дома - и снова в бункер!"

Ощущение неприкаянности и бездомности охватило его. Человек, по натуре склонный к одиночеству, Давлятов вдруг тоскливо подумал о том, что потерял все свои связи, которые еще поддерживали его, и это чувство локтя, поддержки особенно сильно было в тот день, когда Салих в нем предсказал землетрясение в Шахграде. И хотя теперь, когда выяснилось, что Салих в нем (или Давлятов в Салихе) доставляет одни лишь хлопоты и неприятности и Давлятов почти разоблачил в себе лжепророка и шарлатана Салиха, о чем он завтра публично заявит на Всеазиатской конференции атеистов, все равно что-то подтачивало душу и угнетало. Наверное, оттого, что он не попрощался со своим домом - через полчаса на его месте будет ровная площадка с химическим покрытием, создающим впечатление девственности, первобытности, будто место это тысячелетиями не было заселено.

Впрочем, что за сентиментальности? Разве нежилой теперь дом, лежащий на адской штуке, достоин того, чтобы оплакать его судьбу?

Щелкнуло и зашипело табло над дверью, и, будто угадав его мысли, На-хангов обратился к своему узнику механическим голосом:

- Добрый вечер! Вы сегодня опоздали! Хочу сообщить вам: начало нашей конференции в десять часов, регистрация делегатов во дворце "Зарево востока" в восемь утра. Так как на Всеазиатскую конференцию допускаются только академики, Бюро гуманитарных услуг изготовило специально для вас удостоверение академика. Его вам выдадут у стола регистрации. Вечером, после первого дня конференции, вы обязаны вернуть удостоверение администрации... Второе... Анна Ермиловна просила встретиться с ней на новой квартире... Желаю вам спокойной земли...

Давлятов встрепенулся от неожиданности и сказал табло:

- Простите, мне хотелось сказать... - Но табло уже смотрело на него холодным, серым блеском, с непроницаемым спокойствием, за которым скрывалась ирония под маской шута, трагика, альфонса...

XXV

Изгнание Давлятовым беса-искусителя произвело фурор на Всеазиатской конференции. Было так глубоко и вдохновенно (кажется, Давлятову впервые удалось соединить эти два качества в ораторском искусстве - глубину с вдохновением, у других, даже Платона, они обычно отскакивали друг от друга), что бывшие буддисты, гадяне, фемудяне, католики, муслимы, ин-дуисты, ныне академики, первое время даже не задумывались над тем... Давлятов? Давлятов? Откуда такой академик? Чем он прославился и какими трудами знаменит на всеазиатском уровне? Не задумывались, пока не вышел следом другой оратор и в обычной академической манере не стал излагать тезисы своего главного труда: "Роль весенних лесопосадок в подавлении суеверий, рождающихся от предчувствия землетрясения". Здесь и охватило зал любопытство относительно академика Давлятова. Одни утверждали, что давно знают Давлятова и даже на дружеской ноге с ним, другие от смущения отводили глаза, сам же

виновник вместо того, чтобы вернуться на свое место в президиуме, почему-то спустился в зал и прошел легкой мальчишеской походкой в самый задний ряд и сел у выхода, вызывая улыбаясь. К нему поворачивались и на него оглядывались, и всеобщий интерес к личности новоявленного академика достиг пика в момент, когда к трибуне подошел сам шеф-строитель конференции Нахангов, чтобы прочитать доклад на тему "Научный взгляд на ад, рай и чистилище и его роль в подавлении суеверий, предшествующих землетрясению" - вот так длинно и литературно нескладно, но зато логично и убедительно. И, чувствуя это всеобщее любопытство, Давлятов не выдержал и выскочил из зала, и на этой лихорадочной волне, будто вместо одряхлевшего беса - Салиха, которого Давлятов изгнал, в него вселился молодой, смешливый бесенок, он направился на Хантемировское кладбище высшего класса.

Этот мраморный город был закрыт от взоров любопытных художественно отлитой оградой и полосой прохладных деревьев. Давлятов умерил свой бег и к главному входу с белыми колоннами подошел торжественным шагом, где его встретили двое с видом высокооплачиваемых технократов - подтянутых, в отлично сшитых черных костюмах, с высокими лбами, под которыми даже большие очки казались детскими. Выражение их лиц, однако, было настороженным, хотя и готовым вмиг высказать и подобострастие. Так оно и вышло. Едва Давлятов показал свое удостоверение академика, стражи-технократы отошли в сторону, подобострастным жестом приглашая следовать за ними.

Давлятов прошел и сразу попал в белый, стерильно чистый коридор, где по обе стороны были открыты двери магазинов с разными товарами и услугами, для усопших - здесь и рабы, и наложницы, и породистые кони, и передвижные кухни, и холодильники, набитые всякой снедью, шатры... словом, все, что нужно для безбедной жизни в посмертном существовании.

Давлятову вначале показалось... и он, открыв рот от удивления, уткнулся носом в чуть запотевшее стекло витрины, чтобы лучше разглядеть.

- Чем могу быть полезным? - из магазина выбежал продавец, но явно не торгового вида, а, скорее, молодого ученого-ядерщика. Заметив колебания Давлятова, он решил помочь вопросом: - Вы что-нибудь на будущее для себя? И уловил еще большую нерешительность гостя. - А, понятно! Вы беспокоитесь за своего коллегу, усопшего два часа назад академика Са-лиха! Не беспокойтесь, он уже успел все заказать неделю назад... так что все доставлено к месту погребения...

- Что же он пожелал забрать с собой? - не из любопытства, а из желания поддержать разговор спросил Давлятов.

- Ничего особенного. Скромно. Поскольку он прожил долгие годы в одиночестве, он решил не утруждать себя в лучшем из миров слишком большим обществом, ибо не любит шума, суеты, мелькание лиц утомляет его. Вот его список. - И продавец ловко извлек из бокового кармана модного суконного пиджака сложенный лист и прочитал: - Любимая наложница - одна, раб-евнух один, конь - один, шатер - два, летний и зимний, ну и всякая мелочь, кровать двуспальная, холодильник, электропечь, видеомагнитофон и набор кассет с суперфильмом "Магомед"...

Давлятов только сейчас заметил, что все фигуры внутри магазина отдают тусклым блеском воска.

- Они что же у вас, бутафорские - любимая наложница и конь? - смутился от собственного вопроса Давлятов.

- Да, это восковые фигуры, - будто удивился его наивности продавец. Видите, вон стоит справа - любимая наложница, за плечом у нее изящная сумочка. Но там не духи "Клима" или "Кристиан Диор", там набор из трех живительных тюбиков специального химического раствора и шприц... Едва Салих достигнет потустороннего мира вместе с аккуратно упакованными

фигурами, он может, сделав один за другим с определенным интервалом, но строго по инструкции по оживлению укол, оживить свою наложницу... затем кастрированного раба и так далее... все восковые фигуры... У нас хорошо налаженный творческий обмен с музеем восковых фигур мадам Трюдо в Лондоне, - не без гордости сообщил продавец-технократ.

- В таком случае я тоже сделаю предварительный заказ, - сказал Давлятов, вспомнив о том, что его академический день заканчивается в семь вечера - тогда ему придется сдать назад удостоверение академика.

- Пожалуйста! - Продавец с готовностью вынул блокнот и карандаш. Сами желаете написать? - повернулся он и нагнулся так, чтобы Давлятову было удобно писать на его спине. - Или мне доверите?

- Почему мы не можем зайти в магазин? Внутри, наверное, столик, кресло... не восковые? - спросил Давлятов с раздражением.

- Простите, но у нас такое правило: обслуживать снаружи... Увы, все на этом свете несовершенно, - философским тоном изрек продавец, - в том числе и живительный состав в сумочке этой прекрасной наложницы... Он разлагается от углекислого газа... то есть, попросту говоря, от вашего дыхания...

- А вы как же? - усмехнулся Давлятов. - Не дышите?

- Я прошел специальный курс обучения у йога Кришнадабалдабалчанга и могу в течение всего рабочего времени задерживать дыхание, - с некоторой важностью в голосе промолвил продавец, и, чтобы сбить с него спесь, Давлятов махнул рукой:

- Хорошо, подставляйте спину... - И, получив карандаш в руки, долго смотрел на пустой лист блокнота, не зная, что же забрать с собой в потусторонний мир. Затем, еще раз устыдившись того, что на сегодняшний Всеази-атский конгресс пришел в костюме, взятом на день у Нахангова, записал: "Костюм велюровый, размер 50, четвертый рост, - один, туфли чешские "Цебо", 44 размер, - одна пара". Затем зачеркнул и написал: "Костюмов - два: шерстяной, строгий, для конференций, и фрак Нобелевского лауреата по сейсмологии".

Продавец, на собственной спине чувствуя, с каким ожесточением пишет Давлятов, заскрипел стиснутыми от боли зубами.

- Следите за дыханием, - посоветовал ему Давлятов и с такой силой нажал карандаш, чтобы зачеркнуть написанное, что продавец не сдержал дыхания и вскрикнул. - Ну, ну, не позорьте своего великого учителя Дабал-дабалчанга, - с сарказмом сказал Давлятов и вывел карандашом:

"Абду-Салимов - раб, прекрасная наложница - Шахло, автомашина "Жигули", Ибн-Муддафи в качестве шофера... ракету для полета... кастрированного Мирового зверя в свите..."

Давлятов воткнул карандаш продавцу за ухо, а блокнот оставил на его услужливой спине и пошел дальше, бросив реплику:

- А спинку так удобно гнуть у кого вы научились? - И, не получив ответа, добавил: - Врожденное?

Продавец каким-то художественным финтом так выпрямил спину, что блокнот, описав дугу через плечо, влетел к нему прямо в руки. Он пробежал глазами написанное, хмыкнул и с усмешкой посмотрел вслед Давлятову.

Давлятов же, не заглядывая больше в открытые двери магазинов, прошел коридор, и перед ним открылась территория кладбища, от обилия мрамора казавшегося не скорбным местом, а наоборот... Было что-то в этих пышных надгробиях - из одного взлетал Пегас, на другом изящно сидела русалка с арфой - такое, что лишний раз напоминало о временности сего убежища... будто и впрямь дальше начинался другой, новый мир, а это кладбище высшего класса захоронения было просто коротким привалом в долгом путешествии. Надгробие министра водного хозяйства имело изображение насмешливого эльфа, пускающего струи воды,

вечной и живой воды, зато там, где был погребен другой министр - жилищного строительства, возвышалось нечто символическое, и только при внимательном рассмотрении можно было догадаться, что это ключ... от ворот града? от квартиры? от врат рая?

Давлятову не дали скучать. К нему тут же подошел, выйдя из-за какого-то надгробия, тот самый Лютфи, из Бюро гуманитарных услуг, чинно поклонился и сразу спросил, словно несколько не удивился тому, что видит перед собой Давлятова, жаловавшегося не только на отсутствие работы, но и денег с простым счетом - одного рубля, двух, трех...

- Вы по поводу себя... или коллеги - академика Салиха?

Давлятов оторопело сунул ему под нос удостоверение академика, но Лютфи даже не глянул. Нечто похожее на усмешку пробежало по его губам и застыло в уголках узких глаз, но Давлятов не уловил его состояния.

- По поводу себя... или я не имею права? - с вызовом спросил Давлятов.

- Имеете, конечно, - успокоительным тоном проговорил Лютфи, вовремя подавив ухмылку, так и лезущую из его бесстыжих глаз. - Еще утром, когда мы получили телефонограмму об избрании вас академиком - с чем и поздравляю! наше Бюро тут же наметило для вас место... хорошее, тенистое местечко, с мягкой как пух землей, откуда можно очень легко, как по маслу, пройти дальше, в свите восковых рабов, наложниц, личных водителей и телохранителей... Идемте, я покажу вам этот райский уголок, уверен, он вам понравится... Притом такое соседство, такое соседство! - лукаво закатил глаза Лютфи. - Рядом с самым первым академиком-сейсмологом в истории человечества...

- С Бабасолем? - испуганно спросил Давлятов.

- Нет, нет, успокойтесь. Бабасоль очень претендовал на звание первого академика человечества, но историческая память отдала пальму первенства все же Салиху, предсказателю землетрясений... Хотя не обошлось без интриг, ссор, склок, как это нередко бывает в научном и художественном мире, но к сегодняшнему утру всеми наконец признано первенство академика Са-лиха.

- Да, справедливости ради надо признать... - пробормотал Давлятов, ерзая, ибо подумал о том, уютно ли ему будет лежать недалеко от Салиха в потустороннем мире, в этом же, веселом, ему Салих был в тягость, особенно в последнее время. Все же из двух зол это меньшее, ибо с Бабасолем совершенно немыслимо идти рядом не только в лучшем из миров, но и по улице Староверовской.

В молчании они свернули и вышли на площадку, где в свежерытой могиле, сплошь усыпанный цветами, лежал Салих. Давлятов глянул на его бледное, бескровное лицо с легким сожалением и ничего другого не почувствовал.

- Это его надгробие, - шепотом пояснил Лютфи, показывая на черную мраморную плиту, на которой красовался медный со стеклом и позолотой круглый земной шар. На материках были помечены те места, где, начиная с первого дня человечества по сегодняшний, трясется от толчков земля. От одной точки к другой проложены линии - дороги, по которым, опираясь на посох, пешим ходом ступал Салих, предвещая землетрясения. Ниже строгая надпись: "Академик Салих. 100 год до нашей эры - 1986 год нашей эры". Оригинальная работа, правда? - все так же тихо спросил Лютфи. - Нашего шахградского скульптора Тер-Минасяна.

Давлятов не обратил внимания на его слова, ибо был уже увлечен разглядыванием восковых фигур, которые должны сопровождать покойного в потусторонний мир и служить ему верой и правдой. С похвальной быстротой они были доставлены сюда из магазина и теперь ждали заката солнца, когда их уложат рядом с Салихом и накроют плитой.

- Почему не сейчас? - любопытствовал Давлятов.

- Мир, в который они спустятся, слишком ярок в верхних своих сферах. И надо дождаться

заката, чтобы при переходе от темноты к свету ощущалась разница...

- А было много народу? - Давлятов еще раз глянул на лицо покойного, битого камнями, но теперь уже избавленного от этих мук навсегда.

- За воротами кладбища - да. Очень много. А на саму территорию никому не разрешается ступать, кроме близких родственников... Немного подождали вас, думали, что вы, единственный его родственник, хотя и поступивший с ним не по-родственному из-за своего сегодняшнего отречения, успеете... Затем осыпали цветами. Речи, последнее прости - все было за воротами. От академического мира выступили Бабасоль, Ноев, от градосо-вета сам председатель Адамбаев, от имени общественности - Субхан-отво-дящий... Квартет рубабистов и чангистов [Рубаб, чанг - восточные музыкальные инструменты] играл "Медленный марш" Дебюсси, воздух был напоен свежестью и легкой грустью. Летали бабочки. Солнечные лучи сплетались... - Лютфи смахнул скупую слезу с уголков глаз и строго глянул на Давлятова: - Вам нравится место рядом с Салихом?

Давлятов растерянно кивнул. Лютфи вынул из портфеля карту кладбища и рядом с квадратиком, где было карандашом написано "Салих", сделал пометку "Давлятов".

XXVI

Давлятов вернулся к себе в бункер и устало опустился в кресло. Дома, где прожили четыре колена его рода, уже не было, место, откуда осторожно извлекли бабасольную бомбу, успели засыпать и покрыть асфальтом, еще не успевшим остыть. Давлятов сидел и думал над этим, затем решил собрать книги и рукописи и идти на новую квартиру, где его дожидалась Анна Ермиловна. Еще два или три дня побудет она здесь и, если не ударит, не засыплет, вернется вместе с Мелисом и Хури в Москву.

Но Нахангов сегодня спустился к нему прямо в бункер и с порога закричал:

- Начало было замечательное! Само ваше выступление, изгнание, отречение, грехопадение и прочее - словом, все, что связано с разоблачением Салиха... который, кстати, говорят, не выдержал удара и тихо скончался. Но потом, друг мой, вы повели себя просто по-мальчишески, побежали на кладбище высшего класса погребения, трясли перед носом продавца удостоверением. С Лютфи вы как вели себя? Просто смех! Это с тем, кто собственноручно изготовил для вас академическое удостоверение одноразового пользования...

- Я знал это, - с горечью усмехнулся Давлятов, - знал, но специально совал ему под нос фальшивку. - Он впервые, не смущаясь, открыто глянул в глаза Нахангову, что-то с Давлятовым произошло, иначе не посмел бы говорить таким тоном со своим благодетелем.

- Ну, конечно, знали, - согласился Нахангов, тоже впервые почувствовав в нем твердость. - Вы бы и не знали, хитрец вы мой. - Он сел напротив Давлятова, всматриваясь в него, и, чтобы не казаться назойливым, переменял тему: - Со мной тоже произошло нечто... мальчишеское. Я сошел с трибуны под аплодисменты зала, сел на свое место в президиуме, чувствуя, что голова закружилась... и будто я лечу, лечу куда-то. Как в прошлый раз, помните, я вам рассказывал?

- Полетели теперь вместе, - лукаво подмигнул ему Давлятов. - Покажите мне ад, рай и чистилище такими, какими обрисовали вы в своем сегодняшнем докладе на конференции. Особенно меня интересует чистилище - нечто новое в нашем восточном мышлении... Как оно выглядит? Жутко интересно... последнее Давлятов уже прошептал, чувствуя, как кресло, в котором он сидит, отъезжает в сторону.

- Как-нибудь в другой раз. Разве вы забыли, что завтра закрытие нашей конференции? И последний день этой взбалмошной тридцатидневки, когда мы увидим - грянуло или отпустило, - сквозь туман в голове услышал Давлятов, от удивления и растерянности не понимая, взлетает

ли он вверх или опускается вниз, уходя под бетонный пол бункера.

- Вот и хорошо, что последний, тридцатый, - шепчет он, наклонившись над ухом Нахангова, с которым летит вместе, увлекаемый в полумрак. - Мы улетим далеко... и спасемся... только вдвоем останемся в живых, а кругом пустыня...

Очнувшись и выровняв линию полета, Давлятов понял наконец то странное состояние, которое переживал, - летели они с Наханговым как бы в другом измерении, так стремительно спускались на землю, что казалось, будто летят ввысь, в небесную сферу.

Некоторое время они летели рядом в полумраке, создающем ощущение не то коридора, не то колодца, легко прорезая вытянутыми руками трубопроводы под городом; в отошедших друг от друга трубах, мимо которых они пролетали, на мгновение застывала вода, затем, обдав их ноги прохладой, снова вытягивалась и соединялась с хлюпаньем и чавканьем. Так прошли они сквозь трубы, по которым текла вязкая нефть, и из разрезанной артерии не брызнуло на них ни капли нефти, только отдаленно запахло смолой и толстый кабель, задетый их руками, щелкнул слабой искрой, коротко осветив сосредоточенное, деловое лицо Нахангова, словно уезжающего в очередную служебную командировку.

Прежде чем блеснул в глубине свет, на мгновение наступила полная тревожащая темнота. Затем темнота прорезалась, и наши путешественники поплыли к пятну света, которое стремительно увеличивалось, превратившись в озеро средней величины, причудливого очертания, края которого словно кипели. Пар струился кверху. Матовый свет не резал глаз, и Давлятов напрягся, чтобы понять, какая сила стремительно несет их к озеру, наполненному какой-то беспокойной энергией, готовой в любую минуту разрядиться взрывом и вырваться наружу радиоактивным облаком.

Навстречу им вынырнула из темной глубины огромная плита, трещащая от разрядов электричества, повернулась ребром и на мгновение застыла, притягивая к себе Давлятова и его, незадачливого спутника: оба прижались к краю влажной плиты, удивляясь тому, что искрящееся электричество отскакивает от них.

- Я узнал ее! - выпалил Давлятов, задыхаясь от волнения. - Это евразийская плавающая плита. Я узнал ее по очертаниям! - Неудачно зацепившись за шершавый край плиты, он скользнул вниз, хотя и понял, что падать ему некуда. - А озеро - это энергия, накопившаяся под нашим Шахг-радом... С минуты на минуту ударит, если не произойдет чуда.

С левого края озера, прощупав себе ход дрожащим языком, тянулась энергия густо-голубого цвета с красными и желтыми прожилками. Остановилась, накапливаясь у входа в трещину, в слое земли, раздвинула вход и потекла вверх, разрисовывая голубым весь причудливый контур земной трещины... Первый очень легкий толчок пробежал от краев трещины слабыми волнами, растекаясь к основанию высотных домов Шахграда... Никто в граде не почувствовал толчок... лишь чуткий робот-писец сейсмостанции нанес его штрихом на перфоленте - предвестник надвигающейся катастрофы.

- Печально, - промолвил Назангов, наблюдая за тем, как в трещине земной коры под Шахградом энергия сгущается, накапливая силу, и от ее давления трещина раздвигается... Смутно вспомнил Нахангов своих домочадцев, оставленных им как заложников... и зал конференции, шефом-организатором которой являлся. И в это мгновение соскользнул с поверхности плиты вслед за Давлятовым; плита же, ожжетев от них, ушла в глубину и стала на свое прежнее место, войдя краями меж других плит медленно дрейфующих континентов...

А подземные пилигримы тем временем входили в верхние слои озера. Энергия, которая коснулась их тел, показалась поначалу плотной, как вода. Но озеро как бы расступилось, затягивая их в пучину, и Давлятов ничего не ощутил, кроме легкого и приятного покалывания.

- Странно, - Давлятов повернулся к Нахангову, летящему с закрытыми глазами. - Страшная

сила, а плавать в ней приятно...

Нахангов в ответ лишь важно надул щеки, испытывая блаженство полета. И Давлятов понял, что благополучно пролетели они сквозь толщу радиационного озера. Он, довольный, оглянулся и вдруг увидел волнующую картину... В верхнем слое земли работал, уменьшая обороты, стальной бур. Сделав последний оборот, бур стал, затем пополз вверх, и в пустой ствол вошел узкий, крысиный нос бомбы...

- Она! Боже! Осторожно! - закричал Давлятов, узнав по очертаниям ту самую, бабасольную бомбу, которая самородилась под его домом для спасения Шахграда. Еще более поразился Давлятов, когда увидел, что по стволу ловко спускается, бережно неся бомбу, тот самый маленький человечек с узкими глазами, которого видел он в последний раз в бункере Нахангова. Тело его было сплошным и вытянутым, без контуров, движения скованы...

- Это он! Он! - Ужас пробежал по лицу Давлятова. - Наш губитель! Отобрать у анархиста, террориста бомбу! Иначе весь мир...

- Что с вами? - раздался возле его уха голос спутника. - Это ведь робот Яшка-Дурашка... Милый робот, Батурбек с ним часто играет... Не волнуйтесь... Хотя он в свободные часы перевоплощается в такого циника, прелюбодея... но в работе он предельно сосредоточен, не делает ошибок...

Маленький человечек тем временем уложил бомбу в конец ствола и с завидной проворностью стал карабкаться наверх... Яркая вспышка стерла на мгновение все контуры картины, но, когда свет стал слабеть, Давлятов увидел, что струйка, идущая от озера по трещине в сторону Шахграда, стала уползать во мглу тверди, и сейсмоакадемик на час, оценив ситуацию, воскликнул:

- Есть надежда, что Шахград... Есть надежда... Взрыв моей бомбы-спасительницы потянул энергию в сторону пустыни...

- И это говорит пророк, который предрекал граду неминуемую гибель, усмехнулся Нахангов, и Давлятов увидел странный блеск не только в его глазах, но и в нарисованных усах.

- Пророка я в себе убил... И даже постоял сегодня над собственной могилой. Сейчас с вами летит просто гражданин, вечно живущий между страхом и надеждой, - с горечью проговорил Давлятов, но вдруг язвительно заключил, чтобы сбить с покровителя спесь: - А у вас глаза фосфорические...

- Как будто у вас не такие, - парировал Нахангов. - В чужом глазу соринку замечаете, а в своем бревно не видите.

- Это от радиации озера. Пройдет. - И Давлятов заморгал, чтобы смыть слезами фосфорический блеск.

Еще мгновение они летели по коридору, пока не вынырнули на необозримое пространство, густо-голубой цвет которого манил в свои пучины. Отсюда они уже полетели не сами, не за счет тепла собственного тела. Давлятов почувствовал твердое под ногами и увидел, что летит, крепко ухватившись за руль игры-ракеты Батурбека, который чуть не сшиб давеча во дворе Нахангов а.

Нахангов же летел на одной с ним линии, важно восседая на пестрой спине некоего существа; похрюкивая, оно поворачивало направо-налево свою бычью голову, посаженную на длинную, как у страуса, шею с пышной гривой на изгибе, на которую спадали вялые слоновьи уши. Удивленный видом существа, которого так ловко оседлал Нахангов, Давлятов повернул руль ракеты, нырнул и увидел, как зверь разгребает воздух верблюжьими лапами в такт езду, похлопывающему зверя по бокам своими охотничьими сапогами.

В уходящем окне коридора, из которого они выплыли на открытое пространство, Давлятов различил панораму гор и по их очертаниям понял, что это Саф и Аль-Мавр; спрятавшись в

ущелье, зверь ждал их прилета, чтобы увезти Нахангова к кругам ада.

Поравнявшись снова со своим вельможным попутчиком, Давлятов разглядел на волосатом боку зверя какую-то букву. Это была буква Д, умело разрисованная, начало какого-то выражения.

- Что означает этот таинственный знак на боку вашего Буцефала? насмешливо крикнул Давлятов. И услышал возле уха чужой, скрипучий голос, пояснивший:

- Это мой нетерпеливый ученик. Ему так хотелось поскорее вырваться на свободу, что он остался не до конца названным. А ведь вы сами понимаете, падишах, что в наше время безымянному и шагу нельзя ступить, чтобы не вызывать к себе подозрений...

Давлятов повертел головой, но с первого раза не заметил незнакомца. И лишь развернув ракету в полный оборот, увидел, что летит в их пестрой компании и Азазиль-Иблис [Дьявол], с банкой краски, которую он подвесил себе шнурком на шею, и с большой кистью в руке.

Нахангов продолжал лететь с сосредоточенным видом, словно все, что делалось вокруг, его не интересовало. Попав в какое-то облако, не то пыльное, не то метеорное, он надел на голову шлем и больше не снимал его до конца путешествия.

Воспользовавшись его безучастностью, Азазиль, криво усмехаясь, подлетел вплотную к своему непослушному ученику и, обмакнув кисть в банку, коснулся бока зверя. Тот лягнул, желая выбить из рук Азазиля кисть, но промахнулся. И как бы Давлятов ни напрягался, не мог рассмотреть художеств Азазиля во всех подробностях, ибо Азазиль словно затеял ловкую игру.

Он кувыркался в воздухе, прицеливался, направив кисть, подлетал снизу, затем неожиданно оказывался над головой шлемоносца, и движения его были так точно рассчитаны, так искусны, что строптивый ученик наконец сдался и опустил копыта. И лишь когда Азазиль, удовлетворенный, спрятал куда-то кисть, зверь изогнулся, чтобы стыдливо прикрыть хвостом начертанное, но бараний хвост его прикрыл лишь последнюю букву, но и ту не полностью, так что Давлятов мог теперь прочитать Иблисово выражение "Даджаль".

Давлятов сначала было дрогнул, но затем поддался игривому, ироничному настроению и, глядя в стальные глаза Иблиса, крикнул:

- Поражен вашим искусством, Мавлоно! Знаю я существа, слепленные из глины, закаленные на огне, но чтобы создать подобное... из того, что нельзя попробовать на ощупь, на вкус... из подпольных тайников, где рождаются безбожные мысли и лженаука. Истинно, зверь ваш кроток на вид, как агнец, но мы еще услышим его речи и поразимся!

- Не нужно истерики, гражданин! - пробормотал над ухом его Иблис и, нырнув к пылающему облаку, исчез насовсем из виду...

И лишь после этого даджаль облегченно вздохнул, почувствовал себя раскрепощенным и пробормотал что-то невнятное трубным голосом.

Невозмутимый Нахангов чуть наклонился, но, ничего не услышав, пнул сапогом даджалю в бок, поторапливая его.

- Вы, люди... эй, гу-гу, - попробовал свой голос даджаль и, удовлетворенный тем, что голос прорезался, важно и торжественно изрек: Эй, че-ловеки, вам мнится, что вы достигли космической мудрости, а между тем знайте же, что генетика - лженаука, порождение сатаны, моего великого учителя Иблиса, кибернетика - лженаука... Нет в мире слова, которое было бы высказано. Нет в море волны, которая поглотила бы ложный звук эха. Нет в огне света, отделяющего мглу от истины. Нет извилины в бедной голове, различающей грех и святость... Вода низвергается...

- Замолчи, хулитель! - прервал его Нахангов и хлестнул даджалья плетью меж ушей. - Ты мешаешь мне сосредоточиться. Не забывай, что я должен произнести заключительную речь на конференции.

- Все у черты, - промямлил даджаль, кривясь от боли. - У черты... - И последние слова его поглотило облако, сквозь которое они стремительно пролетели.

Облачко дохнуло на Давлятова прохладой, он поежился, чувствуя, как неудобно ему в ракете - не может вытянуть ноги, чтобы дать им отдых.

- Скряга вы! - повернулся он к Нахангову, напряженно смотревшему вдаль. - Получаете такое жалованье... директорскую ставку - раз, член-корровскую надбавку - два, плюс номенклатурные льготы... и не можете купить Батурбеку ракету попросторнее.

Нахангов недовольно глянул на него и пробормотал:

- Могли бы и не подрывать мой служебный и человеческий авторитет!

Тем более перед этим потусторонним существом, которое разнесет сплетню по всему свету. - И снова в сердцах пнул даджалья сапогом в бок. Даджаль взвизгнул по-пороссячи и поспешил высказать туманное:

- Все у черты... У лукоморья. У огненного ядра. У набоба. У люля-кебаба...

Огненный шар, вязкий на вид, к которому они летели, быстро рос, и от изгиба горизонта выплыли всплески пламени.

- Внимание! - вдруг скомандовал Нахангов, отведя от глаз бинокль. Приближаемся! Прошу всех затаить дыхание и молчать!

Давлятов напряг слух, ожидая услышать от гида что-нибудь сногшибательное об огне, колышущемся адском пламени, который как магнитом втягивал в себя летящих, но Нахангов снова приставил к глазам бинокль.

- Это же магма земли! - неожиданно осенило Давлятова. - Мне страшно! В ракете моей уже плавится краска. - И попытался влезть в ракету поглубже.

- Вы - паникер! - прикрикнул на него Нахангов. - Нет, не смогли мы еще всех переделать, старые предрассудки живучи! - Он поднял плеть и изящно, как дрессировщик, махнул ею по воздуху, и по его знаку ракета Давлятова резко погасила скорость, покачнулась и повисла, будто встряла в твердое. После короткого замешательства Давлятов овладел собой и увидел, что и даджаль повис рядом с ракетой, и Нахангов чуть привстал, всматриваясь в картину, которая открылась внизу, над пламенем.

- Это и есть тот ад, о котором я говорил так убедительно в своем докладе. Просто поразительно, что он точь-в-точь такой, каким я его представил, - с удовлетворением подчеркнул Нахангов и усмехнулся: - Значит, и во мне, простите, живет пророческое видение...

Давлятов, опасаясь чего-то, не сразу стал всматриваться. Нахангов, заметив его нерешительность, протянул ему бинокль.

- Посмотрите, это космический тысячесильный бинокль. В нем вы разглядите даже тараканов в аду...

Давлятов дрожащей рукой взял бинокль и приставил к глазам. Поначалу он увидел общее в картине - огромную, тянущуюся по горам и равнинам стену со сторожевыми башнями через равные промежутки. Поднимаясь и опускаясь извилисто, стена замыкала территорию ада. Высокие небоскребы были окутаны желтым дымом, соединялись они нижними, верхними, средними мостами, по которым двигались, гудели, дымили автомашины; потерявшие управление и мечущиеся в хаосе, они наскакивали друг на друга и взрывались. В этом общем хаосе глаза Давлятова различили частности и даже отдельные детали в беспорядочной адской жизни. Как и представлял Давлятов, куда ни повернись, глаза натыкались на прыгающие, бегающие, дергающиеся, крутящиеся неоновые рекламы. Изображения толстогрудых дев с тонкими талиями, с манящими улыбками закрывали и окна и цветники, джентльмены, курящие толстые сигары, с бутылками кока-колы в руках, подмигивали девам... и эта внешняя витрина сладкой жизни не могла прикрыть жестокости и коварства... Недалеко от стены, у сторожевых

башен которой стояли лучники в кольчугах и шлемах, Давлятов разглядел контуры атомной станции... какое-то мельтешение убегающих людей в противогазах и масках, ныряющих в машины... Здание станции дрогнуло, обвалившаяся крыша открыла светящийся стержень реактора; вспыхнув, пламя обошло вокруг стержня, наматываясь и испуская лучи радиации. Неоновые девы, подмигнув своим кавалерам в последний раз, посыпались на тротуары золой... В нос Давлятову ударил запах гниения, от которого он задохнулся. Это был странный, необычный запах, нет, не запах помидоров и апельсинов, миллионами плавающих в прибрежных водах адского моря, - фермеры умышленно сбросили их в воду, чтобы держать уровень цен на базарах...

- С адом все давно ясно, - проговорил Нахангов. - Все здесь построено по учебнику политэкономии, выпущенному под моей редакцией.

- Калевахта рахат бухарский лукум, - туманным выражением поддержал своего ездока даджаль, распуская хвост, но тут же получил удар в бок, отчего надпись, оставленная улетевшим Азазилем, изрядно потускнела.

И по знаку Нахангова ракета, в которой сидел скучающий Давлятов, отъехала немного и стала, чтобы Давлятов мог разглядеть картину чистилища.

Давлятов смахнул слезу, выкатившуюся из глаз - было такое ощущение, что радиация, поднявшаяся из ада, жжет их, - и снова напрягся, ибо то, что ему предлагал увидеть Нахангов, - чистилище - никак не укладывалось в голове, не было ни в одном из учебников, где в подробностях расписаны ад и рай.

Что же касается учебника политэкономии, о котором упомянул Нахангов... Давлятов хотел сказать, что учился в университете по этому учебнику, но решил на сей раз не льстить автору.

Вид чистилища действительно был не совсем обычным. Справа, внутри ада, просматривался довольно запутанный коридор с множеством ходов и выходов; кончался коридор отсеком, ведущим за стену, - проходом из ада в чистилище.

После мелькающего, прыгающего, скачущего, объятого дымом и пламенем, источающего дурные запахи ада вид чистилища успокаивал глаз.

Само чистилище раскинулось на каменистом пространстве, вокруг которого была воздвигнута чугунная ограда, и с первого взгляда оно напоминало место, где должно было происходить увлекательное действо с элементами маскарада, клоунады, фарса, но не на большой театрализованной сцене, а на нескольких малых сценах, сооруженных в разных местах чистилища. Но это лишь на первый, невнимательный взгляд. При внимательном же взгляде общая картина несколько менялась - на первом и основном плане просматривалась одна широкая и длинная улица, и все остальное, что располагалось внутри чистилища, оказывалось лишь придатком этой улицы. Давлятов напрягся и заметил в самом начале улицы нечто вроде металлической арки с надписью "Мировая улица" и чуть ниже - "При входе предъявлять пропуск в развернутом виде" - и подумал, что, наверное, это и есть врата в чистилище.

Желая рассмотреть открывшуюся картину, Нахангов попытался выхватить из рук Давлятова бинокль, но промахнулся и отлетел на своем даджале в сторону. Давлятов не без злорадства усмехнулся и поправил фокус бинокля, чтобы лучше разглядеть две фигурки, появившиеся в самом начале улицы, у арки. По всему было видно, что это дворничихи, которые следят за чистотой и блеском металлической арки - главного входа в чистилище.

Обе - женщины средних лет, порывистые и нервные, - натерли желтой пастой металл. Металл заблестел, луч устремился высоко, преломляясь в окулярах бинокля. В глазах Давлятова потемнело. Но когда зрение снова вернулось к нему, заметил, что начищенный до блеска металл потемнел от набежавшего облачка, висевшего над аркой. Похоже, что это несколько не смутило дворничих, которые безропотно, словно приученные к фатальной неизбежности повторения,

принялись снова натирать арку, не остужая рвения.

А с дальнего конца улицы к арке уже бежали стройными рядами молодые люди, члены какой-то организации, проделывая на ходу какие-то номера. Они прыгали, приседали, падали все разом, как по команде, вскакивали. Все, что встречалось на их пути - макеты самолетов, автомобилей, домов, - взлетало на воздух от взрывов, а резиновые манекены, на которых они набрасывались, связывая им руки, затыкая кляпом рты, волоча их по земле, должны были имитировать захват заложников.

Не добежав до арки шагов пятьдесят, молодые люди разом повернули, чтобы в таком же темпе проделать путь обратно, и дворничихи, наблюдавшие за ними с восторгом, вдруг крикнули:

- Бодрее, ребята! Еще один бой, и мы победим! - И потрясли в воздухе кулаками.

- Кто эти? - спросил один из молодых людей у бегущего рядом.

- Барбара Бальцерани и Ульрика Майнхоф [Лидеры террористов левацкого толка. (Прим. автора.)], - ответил тот, презрительно скривив губы. Старушки на пенсии, забавляются...

И побежал резвее.

Сооружение справа, мимо которого они пробежали, было дворцом, стилизованным под шатер, в котором ищут уединения после гаремных утех шейхи пустыни. Для полного ощущения ландшафта вокруг шатра были насыпаны барханы между пальмами. Какой-то служащий ходил с инструментом, напоминающим пылесос, и рисовал на боку барханов ребра, по которым струился песок.

Набежавший короткий ветер откинул верх белого шатра, и Давлятов увидел вначале общие контуры внутренности шатра, разделенного на несколько комнат, с передней, залом и туалетом. Во всех комнатах копошились люди.

Приглядевшись, Давлятов увидел, как в переднюю комнату ворвались двое мужчин и женщина, волоча за ноги восковую фигуру. Бросив фигуру на кушетку, мужчины замахали руками, словно убеждая друг друга в чем-то, женщина же, которая показалась Давлятову знакомой, мучительно знакомой, достала из сумки шприц и всадила иглу в округлость живота восковой дамы. Затем наклонилась над ней и, увидев, как дама заморгала глазами, сделала мужчинам повелительный знак. Все трое быстро исчезли, оставив ожившую фигуру одну. Дама приподнялась, оглянулась лукаво по сторонам и, опустив ноги с кушетки, сладко зевнула.

- О живительный морфий... - прошептала дама, и ее речь выдала в ней итальянку.

Грациозно ступая, подошла она к двери, ведущей в зал, потянула за ручку, но дверь оказалась запертой. Заперта была и дверь, через которую волокли ее восковую оболочку. Синьора взволнованно походила взад-вперед закрытое пространство действовало на нее удручающе, - но, заметив встроенный в стену шкаф, бросилась к нему и вынула ярко крашенную маску, приставила к лицу, затем другую, с маленькими козьими рожками...

В туалетной комнате в это время появился высокий мужчина с вьющимися, как у эфиопа, волосами, с белой накидкой. Почти синхронно с жестами синьоры, примеряющей маски, кучерявый надевал на голову то турецкую шапочку с султаном, то стальной шлем, то тирольскую шляпу с орлиным пером, то фуражку с полковничьей золотой кокардой, последней примерил горняцкую каску с мигающим фонариком...

Через зал в приемную прошел секретарь с папкой и, открыв дверь ключом, пригласил синьору, щелкнув пальцами. Синьора впорхнула в зал, сжимая в ладони мини-магнитофон, монотонно попискивающий. Пока цепкий взгляд ее блуждал по стенам, обитым красным и синим, и с удивлением, даже растерянностью остановился на большом макете, секретарь деловито открыл папку и стал читать:

- Патриция Буффони, тридцати двух лет, имеет двоих детей, в настоящее время - замужем за

владельцем компании "Сико"... входила в группу Барбары Бальцерани из "Бригаде россе", но затем порвала с товарищами... - Папка слегка наклонилась в руках секретаря, и из нее вылетел какой-то медицинский лист с надписью "Таблица разводов и абортов" и фотография с изображением аятоллы Чечебени. Синьора наклонилась, чтобы поднять, секретарь же бесстрастно продолжал внушать невидимому слушателю: - Будучи в прошлом году в Ватикане, пыталась добиться расположения кардинала Капулетти, желая передать его откровения далай-ламе. В Женеве вступила в порочную связь с киноактером Капоне-Аль и заразилась от него СПИДом... Прошла курс лечения в миланской клинике "Сентрал". После очередной, четырнадцатой беременности совершила аборт у доктора Каспара в клинике "Воспоминания Пизанской башни"... - Секретарь поморщился и захлопнул папку, выразительно глянув на синьору. Но у Патриции Буффони был такой вид, будто прочитанное не имело к ней никакого отношения. Не теряя времени, она начала передавать в магнитофон репортаж:

- Внимание! Патриция Буффони для газеты "Коррьере делла notte"... Название репортажа - "Хобби бедуина"... Я - в приемном зале самого полковника... То, что я вижу перед собой на стене, на фоне красного с синим, карта... Когда-то, в романтическую пору своей жизни, я - дочь миллионера Буффони, порвавшая с прогнившим классом своих родителей...

Секретарь сделал вид, будто только теперь услышал воркование синьоры Буффони, и, криво усмехнувшись, снова щелкнул пальцами.

- Не разрешено! - запретил он, как отрезал. Затем, несколько смягчившись, добавил: - У нас, бедуинов, есть хорошая поговорка: "Облизывай пальцы лишь после того, как чашка с похлебкой пуста".

- Как? Как? Повторите! - воскликнула синьора. - Прекрасная изюмина! Именно ее и не хватало для увлекательности моего репортажа - грубоватой бедуинской поговорки!

Секретарь, однако, не смог повторить. Неожиданно бросившись к противоположной двери, ведущей к туалетной комнате, распахнул ее. На пороге появился тот самый кучерявый мужчина, с беретом на голове, обмотанный с ног до головы в синий шелк. Он ступил навстречу синьоре, шевеля губами, и высокий каблук его чуть скользнул в сторону по ковру.

Секретарь услужливо пододвинул к нему кресло. Он сел и глянул на синьору так, словно удивляясь тому, что видит ее. Затем закрыл глаза и устроился удобно в кресле, приняв смиренную позу. На стене, чуть выше карты, загорелось табло, замелькало всеми цветами, вырисовывая надпись, смысл которой гостя не сразу уловила: "Я сказал: все мы принадлежим Аллаху и к нему возвратимся". Ожила и карта, прочертились по ней короткими штрихами, замерцали, засвистели, замигали пучки света, очертились выпукло те места, те точки на материках и странах, где открыто и тайно действовали боевики полковника... Табло с кратким изречением было связано нехитрым компьютерным способом с самой картой, на ней постоянно обновлялись сведения о действиях евроазиатских бригад полковника через паутину мировых спутников, достигая шатра - командного пункта этих бригад. Поиск спутников улавливал сейчас чуткое ухо Давлятова. Замерцал свет табло, и над картой, буква за буквой, выстроилось выражение: "Всеяд-ская, Анетинародная Гомологическая Безродная Система Морфема Транснациональных Универсальных Корпораций..."

Синьора будто вспомнила что-то досадное и нервно положила рядом на столик пишущий магнитофон. Секретарь, направившийся к выходу, выразительно посмотрел на нее. И едва закрылась за ним дверь, синьора начала сердито, скороговоркой:

- Меня заперли в приемной, я прождала там три часа... Понимаю, полковник, что вы слишком заняты, но все же... Согласитесь, что это несколько невежливо по отношению к человеку, который когда-то, в пору романтической молодости, участвовал в похищении Альдо Моро [Итальянский политик, умерщвленный террористами. (Прим. автора.)]. То, что вы имеете

сейчас на этой карте, стройную систему борьбы... эти тайные центры выработки стратегии эксплуататоров во вселенском масштабе, все, что нам удалось выпытать у Великого заложника, - в этом и моя заслуга... Теперь же... Вы, должно быть, слышали о моих книгах, их читают на многих языках. В прошлом году, когда меня похитило племя дононга, поднялась такая волна мирового возмущения, что вождь дононга вынужден был меня освободить. Синьора Буффони сделала паузу, пытаясь понять, какое впечатление произвели на хозяина шатра ее слова о международном общественном мнении.

Полковник сидел в той же расслабленной позе, не открывая глаз и поглаживая длинный каблук. Буффони задержала взгляд на его обуви, желая угадать смысл его жеста, и продолжила:

- Полковник Ибн-Муддафи, вспомните свое детство. Вы были застенчивы? Боялись девочек? Вы были биты жестоко сверстниками?

Ибн-Муддафи, рассеянно улыбаясь, продолжал тереть свой каблук. Синьора Буффони не выдержала и раздраженно спросила:

- У вас такой жест... Вы что - гомосексуал?!

Ибн-Муддафи на секунду отдернул руку, затем она снова потянулась произвольно к каблуку. И молча, рассеянно улыбаясь, посмотрел полковник на синьору Буффони. Она подалась телом вперед, чтобы задать следующий вопрос:

- Правда ли, что вашим бойцам удалось проникнуть во Всемирный склад и завладеть компонентами атомной бомбы?! И что день рождения пророка Мухаммеда - мавлюд - вы решили отметить бомбовым ударом по тайному центру эксплуатации?! - Но ответа не услышала, ибо за шатром послышался какой-то шум, топот и скрежет затормозившей машины.

Давлятов увидел, как из машины выволокли восковую фигуру с перевязанными руками и кляпом во рту и бросили в открывшийся бункер. Двое мужчин и женщина в масках, с автоматами за плечами, проделали все это так ловко, с такой быстротой, что Давлятов не успел разглядеть в деталях операцию по захвату заложника.

Ибн-Муддафи устремил свой холодный взгляд на магнитофон синьоры Буффони, и оттуда раздался женский голос, по-военному отчеканивший:

- Докладывает член малого бюро второго комитета большой трудовой ассамблеи... Из ада вызволен президент Рокуэлл... Разрешите провести его через круги чистилища!

Ибн-Муддафи кивнул, и в ответ раздался все тот же звонкий голос:

- Приступаем!

И тут же другой голос, будто случайно оказавшийся на волне, выкрикнул:

- Всем! Всем! Конгрессам! Парламентам! Ассамблеям! Верховным советам! Выкуп за президента Рокуэлла в размере один миллиард долларов... Если завтра, к двенадцати часам по Гринвичу, оружие на эту сумму не будет отправлено в зону Персидского залива, Рокуэлл предстанет перед очищающим судом за свои преступления... - Магнитофон засвистел, волна сбилась, и даже чуткий даджаль, наострив было уши, не расслышал списка преступлений высокопоставленного заложника.

Лишь синьора Буффони, скривив презрительно губы, пошла в очередное наступление на апатичного Ибн-Муддафи:

- Хорошо, полковник, вопрос ставлю по-иному. Терроризм - это ваше самое любимое хобби или... на первом месте - гарем?

Вопрос этот почему-то вывел Ибн-Муддафи из равновесия. Он вскочил, замахал руками и закричал, ослабляя вокруг горла шелковый ворот:

- Я - пророк спасения! Я написал "Зеленую книгу". О, какое это откровение для всех! Какая казнь! Какое спасение! Я изменил время молитвы, поста и паломничества. Теперь все тропы ведут не в Мекку, а в святой город Самум, где я родился... Я - пророк спасения! О, сколько

будет спасено! Сколько казнено! - И неожиданно опустился обратно в кресло, будто разом истратил все силы. Глаза его потухли, тело перекошилось через спинку кресла.

Синьора Буффони бесстрастно посмотрела на Ибн-Муддафи и спросила:

- Ваша "Зеленая книга" уже переведена на итальянский язык?

- Это - книга тайн, - прошептал Ибн-Муддафи, вытирая испарину на лбу. - Она за семью печатями... Но тот, кто раскроет "Зеленую книгу", будет спасен... - И опять мягко провел рукой по своему каблуку.

Магнитофон на столике продолжал попискивать, записывая их беседу.

- Кого вы больше всего любите представлять в своем перевоплощении Александра Македонского, Наполеона или Чингисхана? Вы ведь классический образчик раздвоенного сознания... - задала свой очередной вопрос синьора, но ответа и на этот раз не получила. За ее спиной появился секретарь и, щелкнув пальцами, кивнул на дверь, давая понять, что аудиенция окончена.

Синьора Буффони, бросив на дремавшего Ибн-Муддафи ироничный взгляд, пошла к двери приемной, сжав в ладони мини-магнитофон. Дверь открылась, и она опять оказалось запертой в приемной комнате.

Давлятов повернул свою ракету и заметил, как на площадку недалеко от шатра двое бородатых мужчин, в потертых джинсах, с автоматами на весу, бегом вынесли стол. Поставили и вытянулись по стойке "смирно" по обе его стороны. Откуда-то появилась та самая дворничиха, по имени Барбара Бальцерани, и смахнула тряпкой пыль со стола. На минуту задержавшись, что-то неслышно прошептала, как клятву. Затем ушла в сторону, уступив свое место другой, молодой женщине, босоногой, в джинсовом одеянии, которая помахала каким-то листом и стала читать:

- Именем народной ячейки народного бюро народной ассамблеи... Буффони Патриция, журналистка, - слово это судья подчеркнула, брезгливо кривя губы, и голос ее, долетевший наконец до слуха Давлятова, поразил его знакомыми интонациями.

- Боже, это же Шахло! - воскликнул Давлятов, повернувшись к На-хангову, мрачно наблюдавшему за картиной чистилища. - Бывшая моя подружка, искусствовед... Шахло! Мне говорили, что она вышла замуж за какого-то нефтешейха и уехала с ним... Но я никогда не думал, что шейх направит доверчивую Шахло на преступный путь... Надо ее спасти, вызволить из этого ада! Она действительно доверчива, романтична и возвышенна! Шейх ее погубит.

- Да, это Шахло, - угрюмо подтвердил Нахангов, будто в действительности знал Шахло по ее шахградской жизни.

- Буффони Патриция обвиняется в том, что не устояла перед буржуазной любовью, вышла замуж и родила двух детей. Она одевается антирево-люционно у парижского модельера, пользуется духами, губной помадой, кофемолкой, противозачаточными пилюлями, стиральной машиной, имеет права на вождение собственной "тоёты". Приговор...

Магнитофон в руках синьоры Буффони, в нетерпении снующей взад-вперед в запертой передней, свистнул и заглушил последние слова судьи.

В следующее мгновение судья и двое ее заседателей, опрокинув стол, уже бежали к "тоёте", одиноко стоящей на площадке. Открыв капот, засунули что-то туда и отошли к пальме, чтобы наблюдать.

Секретарь Ибн-Муддафи появился снаружи, открыл дверь ключом и, щелкнув пальцами, дал понять синьоре Буффони, что она свободна.

Синьора Буффони, не теряя ни минуты, настроила магнитофон и, направляясь к машине, на ходу стала передавать в редакцию свой репортаж:

- Внимание! Название репортажа "Хобби бедуина"... Не слышу! Это "Нью-Йорк - Бостон -

Чикаго. Гэб-блэб"? Тьфу, дьявол! Не слышу!

Сколько? Миллион долларов? О'кэй! Продаю репортаж "Нью-Йорк - Бостон Чикаго..." - Синьора открыла дверцу машины, села, повернула ключ... и раздался такой взрыв... за считанные секунды куски разорванного тела, части машины, пишущий магнитофон поднялись к чертям, где висели, наблюдая за картиной, Нахангов с Давлятовым, и полетели мимо них в бездну...

Взрывная волна чуть было не вышибла Давлятова из ракеты, и, потрясенный случившимся, он крикнул, нагнувшись через борт своей ракеты:

- Шахло! Остановись! Опомнись! Ради нашей прошлой любви... Судья встрепенулась: услышав голос Давлятова и возмущенная самим

упоминанием слова "любовь", подняла автомат и дала очередь в сторону ракеты.

Несколько пуль просвистели рядом, и Нахангов ахнул, обхватив голову руками.

- Сумасшедший! Разве можно говорить женщине о любви... тем более прошлой?! - проворчал он в сторону Давлятова, и даджаль одобрительно махнул ушами, всматриваясь выпученными поросячьими глазами в картину чистилища.

Из приемной комнаты вкрадчивыми шагами вышел секретарь и запер снаружи дверь на ключ. Бросив взгляд на ярко освещенную площадку с пальмами перед шатром, он облегченно вздохнул, словно избавился от тяготившего дела.

Из-за пальмы вышли судья и двое ее заседателей, продолжая махать руками так, будто каждый из них был подвержен внушению. Сзади них покорно шла молодая женщина с затравленным, бегающим взглядом. Увидев секретаря, она сделала шаг в его сторону, словно ища у него защиты, затем опомнилась и направилась за своими судьями.

Зато судья подошла к секретарю, сделав знак попутчикам, чтобы те следовали дальше.

- Предок, я случайно нашла в кармане твоего соглашательского велюрового пиджака вот эту бумагу. - Порывистым жестом вынула она из планшета на боку какой-то лист, но, заметив, что секретарь очень пристально смотрит на женщину, которую ведут на площадку, где лежат аккуратно отшлифованные доски, пояснила, презрительно скривив лицо: - Ее приговорили за порочное желание стать матерью.

Секретарь дернул плечом, будто опомнился, и, взяв в руки лист, стал читать вслух:

- "Заявление... Довожу до вашего сведения, что гражданин Ахмет Дав-лятов, проживающий по улице Староверовской, дом шесть, в преступных целях изготовил бомбу, которую закопал у себя под домом..."

- Сволочь! Провокатор! - задохнулся Давлятов, словно глотнул раскаленного воздуха. - Это Абду-Салимов! Отец Шахло!

- Разумеется, Абду-Салимов, - проворчал Нахангов, будто недовольный тугоумием своего попутчика.

- Значит, от его доноса... хватил удар моего отца! - возмущенный, потрясал Давлятов в воздухе кулаками, и если бы вовремя не вспомнил, что летит на игре-ракете, то направил бы ее на голову Абду-Салимова. - От доноса! Доноса!

Возле его уха пропищал мини-магнитофон, ставший спутником ракеты и описавший свой очередной круг. Впитав в себя бранные выражения Дав-лятова, мини-магнитофон синьоры Буффони просигналил их до чуткого слуха Абду-Салимова, все еще читающего заявление, написанное им в бытность шахградским резвым режиссером.

"Сволочь! Провокатор!" - от ругательств этих Абду-Салимов, в потустороннем своем воплощении ставший теперь Ибн-Абу-Дабу, сердито задрал голову кверху и увидел две светящиеся точки, застывшие над чистилищем.

- НЛО, - просто, как о чем-то привычном, сказал Ибн-Абу-Дабу, небрежно подняв палец

кверху, и пошел дальше, засунув бумагу в карман своего кителя.

Дочь-судья даже не удосужилась посмотреть наверх, чеканным шагом направилась она к месту экзекуции. Заседатели уже положили доску на живот беременной женщине, безропотно вытянувшейся на бетонной площадке, и стали на края доски сапогами и запрыгали так легко, улюлюкая, словно это было их самой желанной потехой. Веселые возгласы заседателей заглушило попискивание мини-магнитофона, сделавшего очередной виток и в беспорядке раскручивавшего ранее сделанную запись. Послышалось: "Вы гомосексуал?", затем, после свиста и невнятного бормотания, отчетливо: "О, какое откровение для всех! Какая казнь!"; снова сбитая свистом и шипением: "Это "Нью-Йорк - Бостон - Чикаго - Гэб-блэб"? Тьфу, дьявол!" И голос, которого Давлятов поначалу испугался: "Остановись! Опомнись! Ради нашей... Сволочь! Провокатор!.." - и вслед за шипением и пыхтением: "Конгрессам! Парламентам!.. Выкуп за президента... к двенадцати часам по Гринвичу... не будет... за свои преступления..." - и возгласы прыгающих на конце доски: "О-о-х-х-х! Хо-ро-шо... Еще ра-аз!"

Глаза Давлятова слезились от напряженного взгляда. На секунду он отвел от лица бинокль, чтобы протереть вспотевшие окуляры. Едва приставил он снова тысячесильный хитрый инструмент к глазам, как крупно и четко очертилась картина шатра, противоположной стороны зала, со своей приемной комнатой.

У двери приемной комнаты мелькнула фигура привратника, вставившего ключ в замочную скважину. Но прежде чем поднести к двери ключ, привратник нагнулся и взглянул через замочную дыру.

- Кабинет ваш свободен, - доложил он человеку, подошедшему сзади с таким видом, будто присутствие тут ему было в тягость. Был он в кители, с зачесанными назад черными как смоль волосами, правой рукой держал потухшую трубку у рта.

Привратник несколько раз повернул ключ в двери, но заржавевший замок не поддавался. И по тому, как он крутил рукой, по присущему только ему жесту, Давлятов узнал в привратнике Шаршарова, беллетриста и диссидента.

- Это он! Подлец! Как он попал сюда?! Значит, опять улизнул от рук правосудия! - закричал пораженный Давлятов, но тут же услышал отрезвляющий голос своего попутчика по рискованному путешествию в недрах земли:

- Лично я бы вам не позавидовал, окажись вы там, голубчик...

Дверь по-прежнему не поддавалась, хотя Шаршаров и налегал на нее, пытаясь поддеть.

Шеф его, доселе апатичный, проявил легкое нетерпение, глянул на часы.

- У нас здесь, как в рядовой районной поликлинике, - глухо сказал он, - до двух часов кабинет занят урологом, а после двух до вечера психиатром, пользующимися одними и теми же урологическими инструментами. Смысл сказанного только частично был ясен Давлятову - он лишь понял, что и здесь, в чистилище, ощущается нехватка кабинетов и из-за этого начальники работают в две смены неполный рабочий день. Он даже испытывал злорадство по поводу того, что Шаршарову не поддается дверь. Но наконец привратник открыл ее, услужливым жестом показывая шефу в тот самый зал, где Ибн-Муддафи принимал журналистку.

Шеф с недовольной grimасой вошел в зал и потянул носом воздух, чувствуя неприятный запах.

- Ты ведь знаешь, что меня мучают запахи, - недовольный, обратился он к Шаршарову. - И даже изобразил мои мучения в своем романе. А о простой вещи - прийти сюда на пять минут раньше и проветрить шатер - ты не догадываешься. Все вы большие мастера в воображении и изображении, а когда дело доходит до реальной жизни, элементарного понимания и сочувствия в вас нет и нет... не хватает! - продолжал он, устраиваясь поудобнее в кресле и глядя почему-то не в лицо привратника, словно стыдясь своего старческого брюзжания.

Шаршаров, пододвигая к нему столик с какими-то бумагами, пытался оправдаться:

- Сегодня полковник увлекся беседой и вышел отсюда не за пять минут, как обычно, а ровно в два. Поэтому я не успел, хотя очень хотел... Не верите?! - вдруг ударил он себя по-мужички в грудь, как бы выражая гнев.

Шеф протянул было руку к столику, чтобы взять папку, но передумал и, явно оттягивая время начала службы, проговорил совсем миролюбиво:

- Не понимаю, что мешает нам с полковником, разъехаться по разным кабинетам, вместо того чтобы делить один на двоих. Тем более если учесть, что делаем мы совсем разные дела, даже противоположные. Он больше по части отрицания - этакий разрушитель устоев, я же обустроиваю новую жизнь, соединяя края, полюса, плюсы и минусы, материю с антиматерией... ну, и так далее... так можно перечислить семнадцать соединительных частей моей деятельности. - Говорил шеф с каким-то добродушием, за которым, возможно, скрывался подвох. - Ну, что там на сегодня? - опять сбился он на ворчливый тон и, чтобы выровнять свое настроение, глотнул дыма из трубки и прищурился. И в эту минуту что-то словно пронзило Давлятова, с любопытством наблюдавшего за новым действием в шатре. Он вспомнил портрет, с которого начинался каждый учебник в его школьные годы, особенно в начальных классах.

"Неужели это он? - мелькнуло тревожное у Давлятова. - Вот неожиданность за неожиданностью. Сначала провокатор Шаршаров, теперь он..." Мысль его опять запуталась, когда увидел он, что Шаршаров взял со столика папку и раскрыл ее.

- Документ Всемирной Академии экологии, - четко, со служебным рвением доложил Шаршаров.

- Это что же, они опять, на повторное утверждение? - как бы журя по-отцовски незадачливых академиков, проговорил шеф. - Отошлите обратно, мне не хочется иметь отношение к их мальчишескому проекту Мирового воздушного моста. Керамика совсем не тот строительный материал... Что дальше?

- Всемирная Академия нечеловека посылает на утверждение Декларацию о геноизмененных видах...

- Не надо, не надо, - поморщился шеф и сжал виски, как бы желая отвлечься от всей этой чертовщины, - мне очень не нравится идея плоскостопного человека, якобы способного взлетать от малейшей вибрации земли. Это абсурд! И вообще... пожалейте меня, кругом завалы бумаг. - Нотки старческого брюзжания снова пробились в его голосе. - Я не могу... Я давно на заслуженном покое... Я как одинокий монах, бредущий по свету под дырявым зонтиком...

- Да, кругом завалы, - подтвердил Шаршаров, - еще не просмотрены документы с прошлых лет. Количество всевозможных деклараций, которым вы даете ход, примерно в десять раз меньше поступающих на рассмотрение... Мне еще никогда не приходилось встречаться с таким медленным делопроизводством... хотя вы все это называете осторожной предусмотрительностью... - Шаршаров запнулся, видимо поняв, что хватил через край в порицании медлительности шефа. - Впрочем, я назвал бы это неторопливой мудростью...

- Ах вы подхалим, - пожурил его в ответ шеф и со страдальческой миной глянул на часы, которые шли очень медленно. И тряхнул головой, словно желая избавиться от какого-то дурмана. - Ах вы льстец. А я заслушался, убаюкиваясь... Все же человек слаб, слаб, падок на лесть. - И, прищурившись, посмотрел перед собой в одну точку... зияющую точку, сквозь которую просматривался, как мираж, Млечный Путь.

И в эту минуту Нахангов, мучившийся от догадки, понял, кто есть он, сидящий сейчас в шатре, и, словно в беспамятстве, закричал:

- Неужто это он?! Явление народу! Сталин!

Давлятов вздрогнул, услышав это имя, и побледнел оттого, что мрачные его предчувствия

сгустились в реальность.

- Нет! Этого не может быть, - пробормотал он, хотя не был ни напуган, ни даже взволнован... будто холодная заклепка в памяти.

А Нахангов прокричал тем временем не своим голосом... прорезался такой звук, словно шел от первых утробных звуков, еще не отшлифованных в слова, но нанизывающий роды и поколения... возглас Матери человеческой...

- Иосиф Виссарионович, возвращайтесь! Кругом беспорядок! Летим мы черт-те где - в хаосе... Надо влить пламя в огонь, силу в мышцы, беса в ребро, седину в бороду... баобаб в дупло, гвоздь в толпу... Иосиф Виссарионович, вы слышите?! Ау! Уа! - Нахангов развернул своего даджала и пролетел, орущий, совсем близко от ракеты Давлятова, и тот потянулся, чтобы прикрыть ему рукой рот, но промахнулся.

- Да замолчите вы! Не будоражьте историческую память... Тихо, тихо...

Но Нахангов, правда, с меньшим рвением, как бы отрезвленный, продолжал кричать:

- Иосиф Виссарионович". О, какое это откровение! Какая казнь! Какое спасение! Ради этого мига я готов терпеть неудобство полета, не пересаживаясь в свою персональную машину...

Тот, кому он кричал, в эту минуту как раз наклонился, чтобы скрепить своей подписью документ, название которого успел прочесть сверху Давлятов: "Всемирная декларация о подушном налоге ненатуральном обмене дарами природы и об отмене транснациональных валют - фунтов стерлингов, иен, долларов, марок, тугриков..." Сидящий в шатре поднял голову, и какая-то тень, похожая на воспоминание, промелькнула по его угрюмому лицу... и отлетела от него, как звук.

И в эту минуту мини-магнитофон в очередной раз подлетел к уху Давлятова и просвистел безо всякой связи: "Вспоминай! Вспоминай! Вспоминай!" - и Давлятов вдруг опять вспомнил те фолианты, которые своей страстью и логикой помогли ему в разоблачении Салиха, - "Огнеупорные породы" автора Бабасоля и "Гениальный роман" автора Шаршарова, с весьма лукавой начинкой.

И сразу же на площадку недалеко от шатра, куда сверху был устремлен растерянный взгляд Давлятова, выбежали двое заседателей, неся с собой какую-то ширму или занавес, быстро установили все это и вытянулись в неподвижности по обе стороны. К ним выпорхнула та самая грозная судья, заменившая плотный, неженский джинсовый костюм на легкомысленный наряд белый пиджак над короткой юбочкой, чуть ниже пояса, в высоких желтых сапожках с изогнутыми кверху носками.

В руке у нее блеснула та самая сабля, облокотившись на которую сидел Ибн-Муддафи. Она грациозно взмахнула саблей, будто разрезая занавес. Занавес отодвинулся, и из-за ширмы показалась некая пирамидальная конструкция из зеркал, прямых и кривых, сложенных так, чтобы создавать иллюзию... аллюзию... люзию... мюзюию... канюзюию...

- Оле-ап! - крикнула судья, в которой неожиданно вылупился талант цирковой актрисы, и по мановению ее руки зеркала повернулись причудливым отражением, и Давлятов с удивлением заметил внутри зеркала Бабасоля, прижатого, как куколка в своем коконе. Но вот плечи его стали вытягиваться, раздваиваясь, и от фигуры Бабасоля отделился Шаршаров и застыл с бледным восковым лицом, и оба они - академик и известный беллетрист-возвращенец вытянулись в такой мучительной позе, словно были сиаемскими близнецами, с туловищем о двух головах.

- Оле-ап! - подпрыгнула в своих изящных сапожках судья-актриса, сделала реверанс в сторону невидимой публики и, подняв саблю, ловким взмахом рассекла зеркало надвое. Отсеченные половинки зеркала наклонились, и из них вывалились - направо Бабасоль, налево - Шаршаров; ошеломленные своим безболезненным отделением друг от друга, ойи Секунду

смотрели, помаргивая, на свою избавительницу. Затем, сообразив, что рассечением зеркал номер не кончается, вскочили и, прижав под мышками те самые фолианты, о которых вспомнил Давлятов, понуро побрели в сторону плахи, сопровождаемые угрюмыми заседателями...

Зеркала заблестели, заиграли лучами, отодвигая изображение, и перед взором Давлятова открылась новая картина.

- Рай! - не сказал, а вздохнул Нахангов и ткнул кулаком даджая, недовольно заскрипевшего зубами.

- Я и без вас догадался! - капризно ответил ему Давлятов и отодвинул фокус бинокля так, что картина стала просматриваться в деталях, и прежде всего врата, к ним примыкал коридор из чистилища. Как раз в это время через врата ступили самые передние из колонны детей и подростков, которые заполнили коридор по всей его длине, а хвост колонны выдавался далеко внутрь чистилища.

В долгом пути через ад и чистилище их вел аятолла...

- Это же он! - воскликнул Давлятов, вспомнив, что видел уже изображение сего аятоллы в той папке, которую подсунул ему следователь Лют-фи. - Аятолла Чечебени!

- Я и без вас догадался! - буркнул Нахангов, желая взять верх в словесной дуэли.

Едва аятолла переступил через порог рая, сразу же потерял достоинство, в нетерпении побежал по первому кругу вдоль стены, желая скорее шмыгнуть в калитку и попасть в сад, к источнику, чтобы утолить первым делом жажду.

Школьники, следуя его примеру, тоже нарушили строй, в беспорядке разбегаясь в разные стороны. Связки противотанковых гранат болтались у них на шеях, а противогазы, перекинутые через плечи, мешали бежать, но желание достигнуть обещанного источника было столь велико, что школьники не чувствовали неудобства. У каждого в руке Давлятов заметил ключи, изготовленные наспех из какого-то легкого, бутафорского материала. Своими ключами они тыкали в стену, желая попасть в замок калитки, к которой устремился аятолла Чечебени.

Тыкая ключом в расщелину в стене, они ворочали его направо-налево с выражением растерянности и недоумения на лице, и Давлятов, всмотревшись попристальнее, снова воскликнул, увидев, что все они слепы на оба глаза.

"Вспоминай! Вспоминай! Вспоминай!" - просвистел возле его уха назойливый мини-магнитофон, искусственный спутник со звучным именем "Патриция", - тут же чей-то звонкий голос сообщил: "В рай стройными колоннами ступают школьники - девочки и мальчики десяти - двенадцати лет. Выдержав химическую атаку, но потеряв зрение от газа, они не дрогнули, не свернули и вспыхнули живыми факелами под танками врага, чтобы шахидами вступить прямо с поля боя в рай. Примечательно и то, что ни один из миллиона школьников, поднятых в воздух вместе с танками, не выронил из рук ключа от врат рая, выданного каждому из них перед началом сражения аятоллой Чечебени, который лично показал чудеса героизма и также удостоился чести ступить в рай... Приятного им всем отдыха и покоя..."

"Вспоминай! Вспоминай! Вспоминай!"

- Перфокарта, - почему-то вспомнил Давлятов, - соль, трезубец, клозет, корова, пыль, динозавр, утконос, ящер, лошадь Пржевальского, бройлер, куры потрошенные в целлофане - болгарские, цыплята табака, лягушачьи лапки, - и запнулся, почувствовав, что память его забуксовала. - Бюстгал... тер... та... ту. - И историческая память его окончательно провалилась, и, сколько бы он ни пытался вспомнить, ничего не получалось.

А школьники тем временем все шли, просовывая ключи в дыры, в щели на стене, заполняя коридор до отказа, наступая друг другу на ноги, толкаясь и ругаясь, желая поскорее повернуть ключ в калитке и открыть ее, но не находили замочной скважины...

Слабая волна далекого взрыва повернула ракету Давлятова. Она отлетела в сторону, и

картина развернулась под иным углом зрения.

Открылся величественный вид моста Сират, выгнувшегося дугой над чистилищем, одним концом упирающегося в твердь ада, другим - в купол рая. Человек на мосту, обогнувший невидимую сторону Вселенной, просматривался висящим вниз головой. Он ступил шаг, покачнулся, и пламя, колышущееся внизу, чуть опалило ему волосы. Человек испуганно поднял руки, чтобы защититься, и выронил ключ. Легкий, бутафорский, он полетел, описывая круги, и путник на мосту ошалело следил за уходящим ключом, не решаясь прыгать за ним.

И тут, будто подброшенная упругой сеткой манежа, стремительно ринулась к мосту та самая судья-актриса, в короткой юбчонке, разрезая воздух желтыми сапожками, и, подхватив на лету ключ, через мгновение положила его путнику на ладонь. Он благодарно кланялся, кланялся... удаляющейся, удаляющейся юбчонке...

И мини-магнитофон в очередной свой прилет пропищал:

- Bravo! Бис! Bravo! Бис! Увы и ах!

XXVII

Никогда еще наш Шахград не был так спокоен, размерен и даже чуточку беспечен. Слов не хватает, чтобы описать то особое состояние после нервного спада. И впрямь, что-то особое, когда волна, несущая всех вместе, уходит в плавное течение, и каждый, отделившись от общего, снова всматривается в себя, не видя в себе новые черточки, будто всегда был таким. И все же Давлятов, скажем, не совсем такой, но и он убежден, что все осталось так, как было до предостережения.

Но матушка Анна Ермиловна заметила, хотя и поздно и случайно. Когда сын провожал ее, Мелиса и Хури в Москву, она, целуя его на прощание в аэропорту, вдруг воскликнула:

- Да ты весь седой... седой. Какой ты красивый, когда седой! Давлятов растерянно пожал плечами и не понял, к чему она это говорит.

Потом он заторопился - на место, на трамвае - через весь город, к кольцевой дороге, где была та самая квартира, которую приметил дотошный Байт-Курганов. Был густой осенний вечер. Всюду - в скверах, на скамейках по краям тротуаров, на детских площадках - шахградцы были увлечены сейсмоигрой. Ее предложил в последнем своем послании ОСС, который затем объявил о самороспуске.

Послание было выдержано в бестактных тонах, мол, хотя наш прогноз не оправдался, сама по себе угроза землетрясения не исчезла, ибо Шахград стоит на плавающей евразийской плите, которая может в любой момент сдвинуться... И чтобы шахградцы не забыли приобретенных за этот тревожный месяц знаний, предлагались две сейсмоигры - для особ женского пола, под названием "Возбуждение землетрясения в блюде студня", и для темпераментных мужчин "Сейсмическая игра в кости".

Широкую посуду квадратной формы домохозяйки заливали плотным слоем студня. Острым ножом делали вертикальный разрез посередине. И, потряхивая посудой, сдвигали оба куска студня, растягивая параллельно разрезу. Наблюдая за тем, как один студень ползет своим краем на другой... создавалась полная иллюзия движения евразийской плиты на африканскую... в темной толще земной тверди, которая открывалась пока лишь Давлятову и Нахангову. Безобидная игра при остром воображении делала очевидцами подземного царства всех остальных шахградцев.

Игра в кости... Давлятов спешил сразиться с новым своим соседом, имя которого никак не мог запомнить - Фоминиади? Фоминиди? Феми-стокл? - игра была порывистой, сопровождалась криками болельщиков... Давлятов бросил свою костяшку, Фемистокл свою

шестигранную, с просечками от двух до двенадцати, что отмечало возрастающую силу землетрясения по шкале Рихтера.

Давлятов мнет костяшку в ладони, затем темпераментно бросает. За фортунные цифры "десять" и "одиннадцать" Фиминиди записывает себе ноль очков, а когда случайно костяшка ложится вверх цифрой "два" и так последовательно до "девяти", счастливцу засчитывается десять очков. Значит, есть надежда остаться в живых и при девятибальном толчке.

В итоге выигрывает Давлятов, записавший себе в сумме сто очков. Весело смотрит на сконфуженного Фоминида, у которого снова вышло ноль очков, "зеро" - говоря жаргоном заядлых игроков.

Зеро! Любит же наш неунывающий шахградец - вечный баловень судьбы туманное словечко и этим спасается...